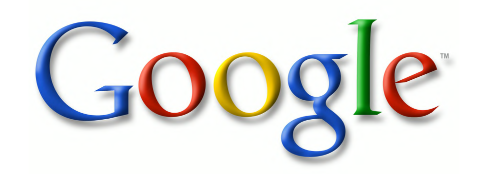
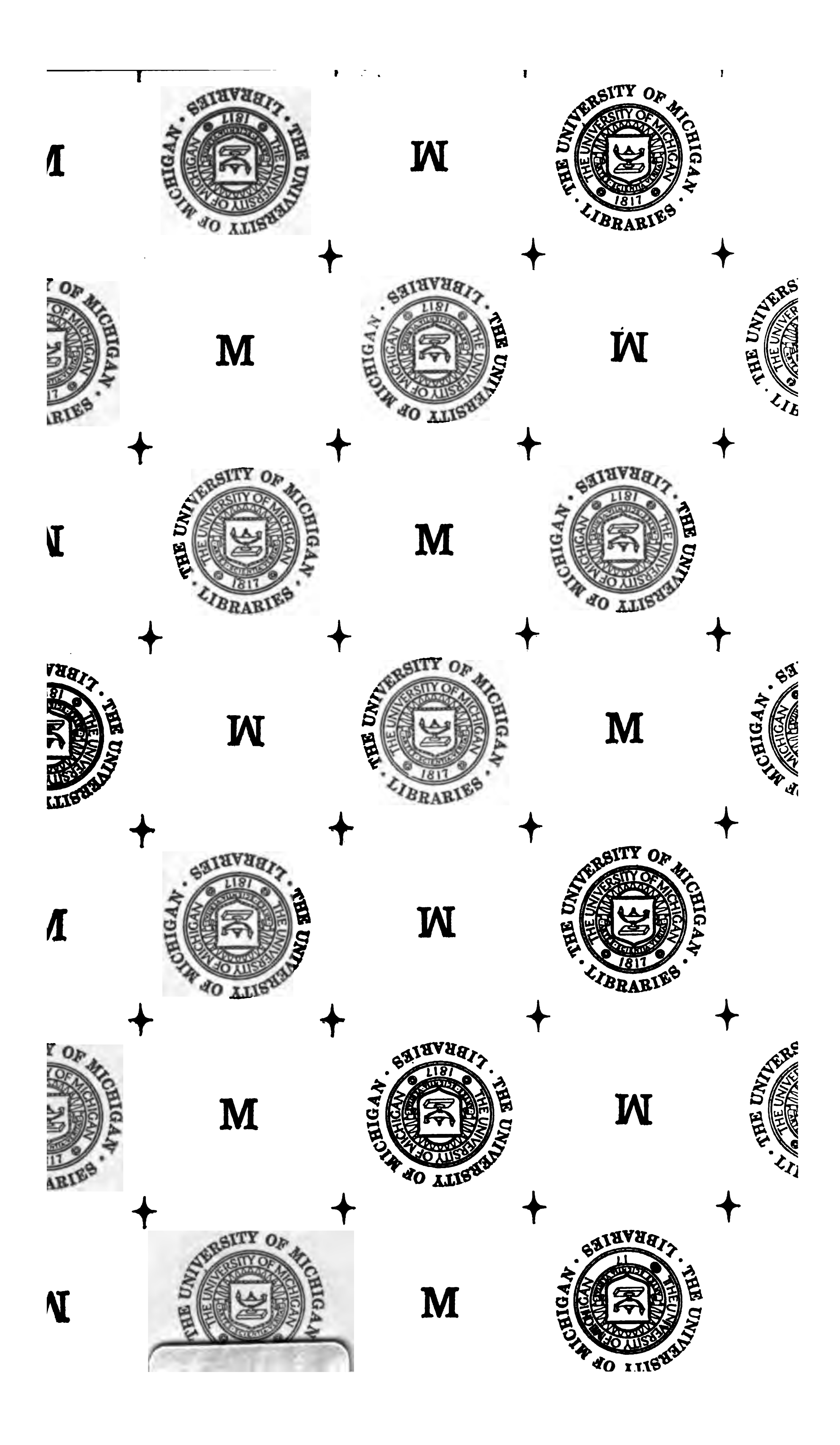
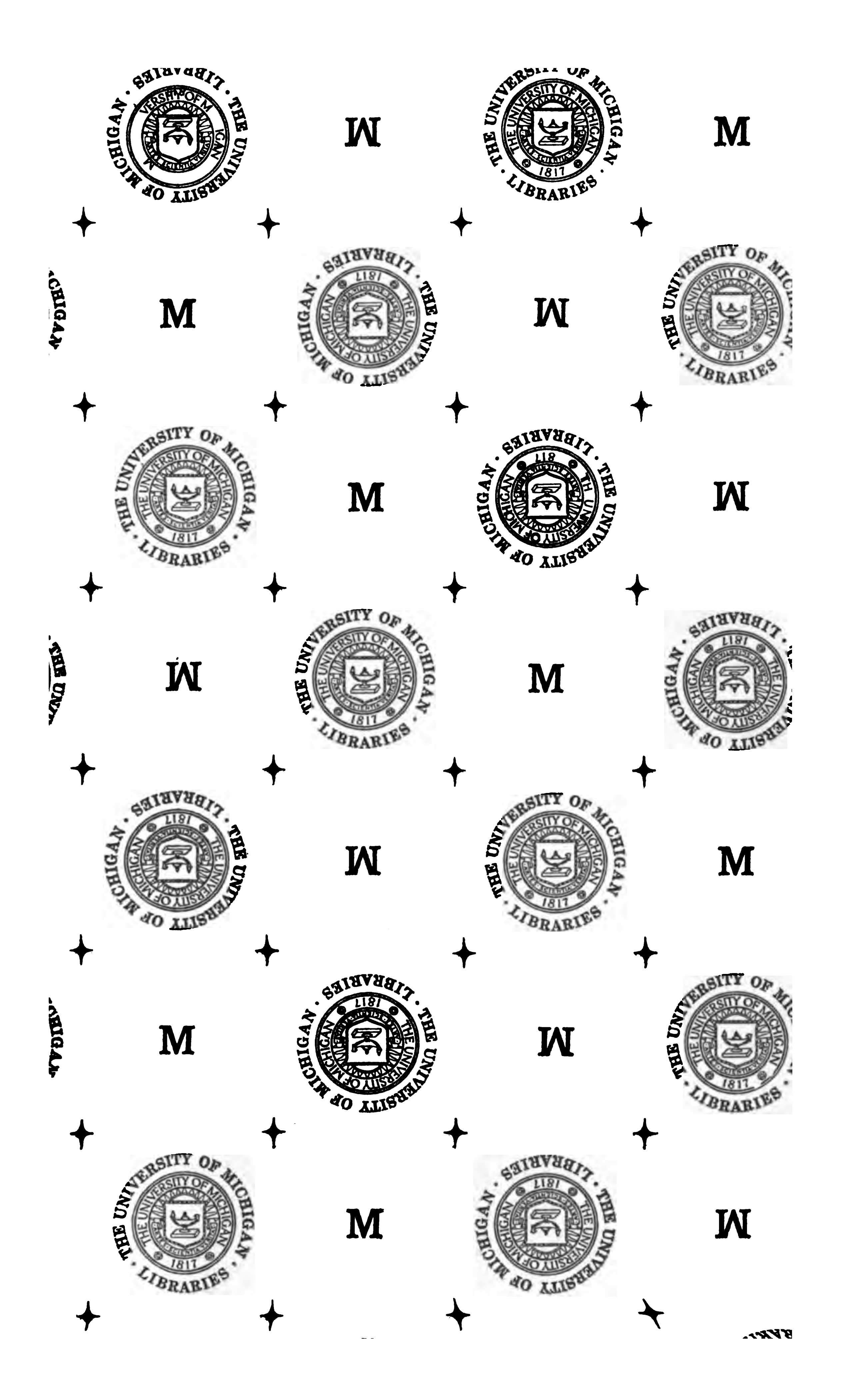

THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
LIBRARIES
1817
M

THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
LIBRARIES
1817
M

ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ РУССКАГО НАРОДА ДО XVII СТОЛѢТІЯ.

ОБЩИННЫЙ БЫТЪ ДРЕВНЕЙ РУСИ.

Д. Д. Сонцовъ.

Посвящается памяти уважаемаго профессора Ив. Дм. Бѣляева.

МОСКВА.
Типографія А. И. Мамонтова и К°. Леонтьевскій пер., № 5.
1875.

Занимающіеся изученіемъ исторіи древней Руси раздѣляются по своимъ взглядамъ на двѣ партіи: одни доказываютъ родовое, другіе—общинное начало нашего отечества. То и другое направленіе имѣетъ своихъ послѣдователей и защитниковъ и каждая сторона старается доказать съ несомнѣнною точностію справедливость своего взгляда. Назвавъ мой трудъ „Общинный бытъ древней Руси", я имѣлъ намѣреніе прямо указать то направленіе, которому буду придерживаться въ немъ до малѣйшей подробности. Въ моемъ трудѣ я не стану переписывать перечень событій,—они уже извѣстны, такъ что лишній варіантъ не принесъ бы видимой пользы; я буду касаться ихъ на столько, на сколько это будетъ необходимо для подтвержденія моей мысли и послѣдовательности самаго изслѣдованія, которое будетъ идти отъ начала Руси до Іонна IV.

Описывая этотъ громадный промежутокъ, отъ поселенія первобытныхъ славянскихъ племенъ до могущества Москвы, я буду стараться выяснить глав-

нымъ образомъ движеніе общественной жизни Русскаго государства, разбирая ея проявленіе по разнымъ племенамъ, княжествамъ, въ самомъ народѣ и его слояхъ. Итакъ, цѣль моего перваго и, соотвѣтственно, малаго труда есть желаніе выяснить тѣ данныя, которыя могутъ служить доказательствомъ развитія общиннаго быта въ исторіи Русскаго народа.

I.

Какъ русскія лѣтописи, такъ и другіе источники чужеземнаго происхожденія, дошедшіе до насъ, не особенно много разсказываютъ намъ о первоначальномъ устройствѣ славянскихъ племенъ на Руси. Но все же они сказали на столько, что мы можемъ, хотя въ общихъ чертахъ, составить себѣ довольно ясное и опредѣлительное понятіе о народномъ общественномъ укладѣ тогдашней Руси.

Послѣ внимательнаго критическаго разбора этихъ, дошедшихъ до нашего времени, свидѣтельствъ, мы должны будемъ наконецъ придти къ тому выводу, что устройство славяно-русскихъ (въ отличіе Славянъ, поселившихся за чертой Руси) племенъ до прихода къ намъ Рюрика было общинное, но никакъ не родовое. Вотъ слова нашего знаменитаго лѣтописца Нестора: «Новгородцы бо изначала и Смольняне и Кыяне якоже на думу на вѣче сходятся, и на чемъ старшіе сдумаютъ, на томъ и пригороды станутъ». Думаемъ, что эти слова лѣтописца ясно указы-

ваютъ на вѣчевое устройство первобытныхъ Славянъ на Руси. Совмѣстить-же родовой бытъ и вѣче въ одно миѳическое административное цѣлое, полагаемъ, нѣтъ никакой возможности и исторія не заявила еще ни одного подобнаго примѣра.

Въ родовомъ быту глава—родоначальникъ, но никакъ не община, не вѣче. Вникнувъ же повнимательнѣе въ исторію разселенія славянскихъ племенъ на Руси, мы еще болѣе убѣдимся въ общинномъ, а не родовомъ устройствѣ нашихъ предковъ. Несторъ разсказываетъ: «Волохомъ [1]) бо нашедшимъ на Славяны на Дунайскіе, и сѣдшимъ въ нихъ, и насилящи имъ; Славяне-жъ они пришедше сѣдоша на Вислѣ и прозвашась Ляхове, а отъ тѣхъ Ляховъ прозвашась Поляне: Ляхове друзіи—Лутиги, иніи Мазовшане, иніи Поморяне. Таможъ и тіи Славяне пришедше и сѣдоша по Днѣпру, и нарѣкошась Поляне, а друзіи—Древляне, зане сѣдоша въ лѣсѣхъ, а друзіи сѣдоша межи Припятью и Двиною и нарѣкошась Дрегвичи; иніи сѣдоша на Двинѣ, и нарѣкошась Полочане, рѣки ради, яже течетъ въ Двину, именемъ Полота, отъ сея прозвашась Поло-

---

[1]) Волохи, по Шафарику,—Кельты, по другимъ мнѣніямъ—Римляне, по Гельфердингу—Даки. У Славянъ подъ именемъ Волоховъ первоначально разумѣлись Галлы или Кельты. По древнему сказанію Нестора, Славяне были выгнаны съ Дуная Кельтами и удалились къ единоплеменникамъ за Карпаты. Польскій лѣтописецъ Кѳдлубекъ (1220), Богуфалъ и чешскій Далемилъ (Погодина изслѣдов. и лекціи 2 том., стр. 363—364) свидѣтельствуютъ то же.

чане» [2]). «Славяне-же, сѣдоша около озера Ильменя, и прозвашась своимъ именемъ, и содѣлаша городъ и нарѣкоша Новьгородъ, а друзіи сѣдоша по Деснѣ и по Семи и по Сулѣ, и нарѣкошась Сѣвера; и тако разыдеся Славѣнскій языкъ» [3]). Смыслъ этихъ словъ ясенъ: славян-

[2]) Кениг. сп. Нест. лѣт., стр. 6—7. Ипат. Соф. Врем. Хрон. І. Р. Р., Воскр. лѣт. Ник. лѣт.

[3]) Ипат. лѣт. стр. 3, Соф. Врем. стр. 3, по Кениг. списку стр. 7, изд. 1764 г.

Несторъ говоритъ: «отъ сихъ-же семидѣсяти двухъ языку бысть языкъ Славенескъ отъ племени-жъ Афетова, нарѣцаемѣ Норци, иже суть Славенѣ. По мнозѣхъ же временѣхъ сѣли суть Славени по Дунаеви и отъ тѣхъ Славень розидошася по земьли» (Рос. лѣт. Кениг. сп. стр. 6; Шлецеръ, Нест. Р. лѣт. гл. IV). Къ какому первобытному народу Азіи должно отнести Славянъ? Вопросъ еще окончательно не рѣшенный; мнѣнія разлины и не дошли до рѣшительнаго соглашенія. Въ древнемъ мірѣ славянскія племена, грозныя для него своей воинственной отвагой и многочисленностью, были извѣстны подъ общимъ названіемъ Скиѳовъ и Сарматовъ (по Геродоту они занимали земли въ 16.000.000 стад.= 640 квад. верстъ). Сарматовъ, Аланъ и Антовъ признавали за отрасль Скиѳовъ (Геродотъ, Страбонъ, Плиній, Тацитъ, Птоломей). Славяне были тождественны со Скифами (Птоломей, Маркіанъ Гераклійскій, Іеронимъ, Іорданъ, Прокопій и по мнѣнію Грековъ). По Геродоту,—Скифы поклонялись мечу, какъ богу войны. Амміанъ упоминаетъ о томъ же вѣрованьѣ у Аланъ; Климентъ Александрійскій—у Сарматъ, Гелмолда—у Славянъ. Les Scythes sont les ancetres des peuples Germaniques et Slaves (Bergman Hall.). Шафарикъ говоритъ, что Ассы суть: Аланы и Скиѳы; Ле-Норманъ указываетъ на колоніи Славянъ въ Греціи, въ окрестностяхъ Аѳинъ. Falmerayer находитъ по всему Пелопонезу письмена Славянъ. Milinges и Egerites—въ окрестностяхъ Спарты и Гелоса имѣли столицу Езеронъ (Ezeron), Морея, въ древности—Пелопонезъ, есть

скія племена пришли на Русь съ Дуная съ значеніемъ переселенцевъ или колонистовъ и древняя ихъ исторія никогда не приписывала имъ характера туземцевъ-старожиловъ, исконныхъ обитателей края, занятаго ими впослѣдствіи; что же касается до родоваго быта, то, безъ всякаго сомнѣнія, онъ есть фактическое явленіе жителей

имя славянское. Были также колоніи Славянъ въ Елидѣ (Elide) и Ахаѣ (Конст. Багр. Ad. Imper.).—Славяне осаждали Патрасъ и Өессалонику. Византійскіе историки говорятъ о двухъ переселеніяхъ Славянъ въ Грецію—въ 688 и 762 г.—Юстиніанъ II поселилъ ихъ въ Бетиніи. Была также колонія Славянъ въ Сиріи (Theophil). Славяне занимали Фракію и Македонію: Smolénes, Dregowitehes, Bersites—окрестности Аөинъ.

Пелопонезъ былъ совершенно ославяненъ (Конст. Ad. Imp. Vita S. Demetrii J. Cameniate).

Өеофилъ (Theophil) упоминаетъ, что въ 774 году русскія ладьи были въ Черномъ морѣ, 842 г. аттаковали Амастрисъ; въ 852 г. Бравлинъ, пришедшій изъ Новгорода, взялъ Сурожъ (Hypotyp. Leon VI), Genesius IV, стр. 89 говоритъ о служащихъ въ войскѣ Византіи Скиөахъ. Въ походѣ на Кретъ было 700 Славянъ.

Книга Исторіографія о початіи имени Славы. Арх. Рагуз. Мавроубіанъ считаетъ за Славянъ: Сарматовъ, Норманновъ, Скиөовъ, Печенѣговъ, Амазонокъ и Македонянъ.

«Въ лѣто 6415 иде Олегъ на Греки и поя мыножество Варягъ и Славянъ и Чуди и Кривичъ и Мери и Полянъ и Древлянъ и Родимичъ и Сѣверянъ и Вятичъ и Хорватъ и Дулебъ и Тиверцовъ, яже суть толкованы отъ Грекъ великая Скифія» (Нест. Рус. лѣт. стр. 24, Кениг. сп.).

Еще есть мнѣніе проф. Моск. Унив. Морошкина, что имя Россы происходитъ отъ рощи—лѣсной мѣстности, что Кіяни суть Chuni Птоломея, что латинское названіе Кіева—Choungord, что Кіевъ есть Гелонъ, названный по скиөски Кіевомъ отъ Кія (палки, лѣса, рощи,—знач. имя русск. и слав.).

туземныхъ домосѣдовъ, размножающихся обычными, естественными условіями чрезъ нарожденіе. Онъ устанавливается въ странѣ и народѣ, свободно занятой его предками,—въ землѣ, которая никогда никому не принадлежала,—гдѣ семья, а за нею и родъ размножались и шли по пути первобытнаго историческаго прогресса своеобразно, от-

---

Д. И. Иловайскій, въ статьѣ своей о мнимомъ происхожденіи Варяговъ, признаетъ это прозваніе трехъ братьевъ за чистую легенду, подобную той, которую разсказываетъ Длугошъ о Руссѣ, Ляхѣ и Чехѣ. Русь, говоритъ Иловайскій, основала наше государство и это не была какая-нибудь отдѣльная дружина или родъ, пришедшій съ своими князьями, призванными въ Новогородскую землю для водворенія порядка,—нѣтъ, это былъ цѣлый сильный народъ, отличающійся предпріимчивымъ, суровымъ и властолюбивымъ характеромъ («Рус. Вѣст.» 1871 г. книг. II, стр. 12). Тамъ же: «Русь, по всѣмъ несомнѣннымъ признакамъ, былъ сильный, многочисленный народъ,—и народъ господствующій».

Договоры Олега и Игоря убѣждаютъ насъ въ томъ, что Русь существовала на Днѣпрѣ и Черномъ морѣ задолго до IX вѣка (стр. 14). Изъ сочиненія Константина Багрянороднаго видно, что онъ считаетъ Русь народомъ туземнымъ и нѣтъ ни малѣйшаго намека о Норманнахъ.

У Льва Діакона то же.

Ѳеофилъ на 8-й стр. (774 г.) говоритъ, что импер. Константинъ Капронимъ противъ русскихъ судовъ двинулся къ Дунаю.

Арабскіе писатели половины IX вѣка знаютъ Русь, какъ многочисленный сильный народъ (Ибнъ Фоцланъ), воевавшій въ предѣлахъ Кавказа; есть у нихъ извѣстія о Русскихъ въ IV вѣкѣ.

Ни въ одной сагѣ не говорится о приходѣ Норманновъ.

Въ нашихъ лѣтописяхъ Русь сравнивается съ Полянами: «Поляне, яже нынѣ зовомая Русь» (Несторъ).

«Наченшю Михаилу царьствовати начаса прозывати Русскія земля» (852 г.).

дѣльно, на просторѣ и свободѣ, безъ опасныхъ столкновеній съ чужеродцами. Такого рода племена живутъ всегда отдѣльно другъ отъ друга, въ разсыпную, судя по количеству родовъ, и отличаются полнымъ отсутствіемъ общинныхъ интересовъ. Понятно послѣ этого, что родовой бытъ такихъ народовъ чуждается городовъ, а строитъ только деревни, въ которыхъ живутъ отдѣльно роды [1]), или

Въ IX вѣкѣ русскій князь Броволинъ напалъ на г. Сурожъ и принялъ христіанство (Виз. Ист. Кедринъ.—Зонаръ-Скалотъ.—Ник. Пофлогонянинъ).

Кромѣ этихъ различныхъ мнѣній о началѣ и имени Руси, были еще взгляды на этотъ вопросъ: Ломоносова (Рус. ист. и Кр. лѣт.), Эверса, Миллера, Неймана, Венелина, Максимовича («Откуда идетъ Русская земля»), Строева, Коченовскаго, Костомарова и другихъ.

Такъ какъ начало Руси не входитъ въ кругъ моего изслѣдованія, то я ограничиваюсь его краткимъ описаніемъ.

[1]) Рода у древнихъ Славянъ не было, а была семья: въ устройствѣ ея нѣтъ и признака родоначальническаго патріархальнаго характера. Напротивъ, мы видимъ, что всѣ члены въ ней имѣютъ голосъ въ вопросѣ собственности. Это назвать родовымъ устройствомъ невозможно. Еслибъ общество было построено на основѣ родоваго быта такъ, чтобъ въ его устройствѣ находилось отраженіе этого быта, мы могли бы признать родовой бытъ основнымъ элементомъ, существующимъ въ народѣ; но когда передъ нами явленіе совершенно противоположное, когда не только общество, а даже семья построена подъ вліяніемъ общиннаго начала,—какъ можемъ мы тутъ найдти родовой бытъ («О древ. бытѣ у Слав. вообще и у Русскихъ въ особенности». Соч. Кон. Аксакова, стр. 92).

Семья, какъ скоро встрѣчала общественный вопросъ народнаго совѣщанія—*вѣча*, становилась общиною и отъ нея шелъ представитель старшій или избранный его (то же).

Нигдѣ въ лѣтописи не упоминается ни одинъ родъ, нѣтъ ни

разродившаяся семья. Племена же славянскія, по переселеніи съ Дуная, безспорно, лишены были этихъ условій, подъ вліяніемъ которыхъ могъ бы развиться и укорениться у нихъ родовой бытъ. Они вынуждены были поселиться на земляхъ, занятыхъ издревле другими враждебными племенами и, слѣдовательно, чувствовать постоянную потребность дружнаго и единодушнаго отпора. Эта потребность могла развить въ нихъ только исключительно общинное, но никакъ не родовое устройство. Какъ греческія, такъ и римскія лѣтописи разсказываютъ, что земли на Сѣверѣ и Востокѣ отъ рѣки Дуная, по рѣки Припеть и Оку, были обитаемы другими народами, но никакъ не славянскаго происхожденія. На Сѣверѣ же отъ Припети и Оки, до самаго Балтійскаго моря и Сѣвернаго океана жили, какъ говорятъ наши лѣтописи, разные народы, принадлежащіе къ племени латышскому и финскому. Такое пере-

---

одного родоваго прозвища; родство по браку гораздо богаче опредѣлительными названіями, чѣмъ родство кровное. Въ «Русской Правдѣ» мѣсть ограничивается тѣснымъ кругомъ семьи; въ томъ же памятникѣ всѣ дѣленія—по состояніямъ и мѣстностямъ и ни одного—по роду. Въ договорахъ съ Греками дѣленіе идетъ по ключамъ—весьма употребительному дѣленію сельскихъ общинъ на сѣверѣ и югѣ Россіи (Хомякова соч. томъ I, стр. 596).

У Славянъ русскихъ множество названій для семейной обстановки (деверь, шуринъ и проч.) и отсутствіе названій родовыхъ (grand oncle). Въ названіи братьевъ: братъ родной—братъ одного рода, одной семьи; братъ двоюродный—братъ двухъ родовъ, двухъ семей (Соч. Аксакова, стр. 201).

селеніе Славянъ съ Дуная въ страну враждебныхъ имъ народовъ и предположеніе частыхъ стычекъ, совершающихся при передвиженіи одного и вытѣсненіи другаго народа, не могло, конечно, не надоумить славянскія племена оставить свой родовой бытъ на Дунаѣ [5]). Тамъ онъ могъ быть у нихъ, какъ у туземныхъ жителей; но разселяться въ чужую землю необходимо было дружными массами, надо было строить какъ можно болѣе городовъ для защиты своего племени отъ постоянно ожидаемаго напора чужеродцевъ. Самыя села они должны были строить какъ

---

[5]) Прокопій говоритъ, что Славяне живутъ въ дрянныхъ избахъ далеко другъ отъ друга. Роды живутъ не отдѣльно. а совокупно. Дрянныя, разбросанныя избы едва могутъ пріютить только семью.

Тамъ же, у Славянъ былъ обычай совѣщаться о разныхъ дѣлахъ и что они живутъ при народномъ правленіи (Шаф. Slov, Starog. 965—66). Въ родовомъ быту родоначальникъ—повелитель; только соединенныя семьи могутъ совѣщаться объ общихъ своихъ дѣлахъ.

Маврикій говоритъ, что Славяне не терпятъ никакого повелителя.

Адамъ Бременскій упоминаетъ о томъ же.

Дитмаръ—о вѣчахъ Лутичей и ихъ совѣщаніяхъ.

Гдѣ же тутъ найдти родовой укладъ, гдѣ нѣтъ власти родоначальника?

Славяне, со времени выхода своего изъ первоначальныхъ жилищъ, до самаго принятія христіанства, всюду раздѣлены были на небольшія общины (С. Др. томъ II, кн. 1, стр. 16. Шафарикъ).

Въ договорѣ Игоря слова: «посланы отъ В. К. Игоря и отъ всѣхъ людіи Русскія земли», или: «И вел. князь нашъ Игорь и князи и бояри его, и люди вси Русскіи». Эти строки ясно говорятъ въ пользу общиннаго устройства у насъ даже до IX столѣтія.

можно ближе къ городамъ, для удобнѣйшаго пользованія помощью изъ города, или, въ случаѣ крайней, неожиданной опасности отъ врага, имѣть возможность убѣжать и запереться въ немъ съ своими семействами. Вотъ почему такъ много у насъ городовъ, пригородовъ и лѣтописи такъ часто о нихъ упоминаютъ. Славянамъ необходимо было захватить чужую землю [6]), выгнать или окончательно подчинить своей власти туземцевъ, что, безъ всякаго сомнѣнія, они всегда имѣли въ виду и съ настойчивостью воплощали эту теорію въ практику. Нашъ лѣтописецъ Несторъ разсказываетъ, что Славяне послѣдовательно и постепенно занимали земли, находящіяся на востокѣ и сѣверѣ отъ Дуная, и, смотря по времени и степени занятія, строили на нихъ города. Вотъ его слова объ Лутичахъ и Тиверцахъ: «Лутичи и Тиверцы сѣдяху по Бугу и Днѣстру оліи до моря, и суть гради ихъ и до сего дня» (Рос. лѣт. по Кениг. сп., стр. 11).

Если наши лѣтописи и не заключаютъ въ себѣ прямыхъ указаній на ожесточенный, кровопролитный бой между

---

[6]) Мы видимъ еще отъ 1636 по 1670 годъ Русскихъ, которые, соединяясь въ сотни и даже десятки подъ предводительство удальцовъ: Юрьева, постника Иванова, Курбатова, Денисова, Пояркіева, Хаборова, проникшихъ въ земли автохтоновъ Сибири, гдѣ оружіемъ и торговлею присоединяютъ къ Руси полъ-Азіи; это еще остатки повольниковъ, о которыхъ скажу въ свое время. Этотъ обычай—размять плечо богатырское—мы видимъ въ XVII вѣкѣ, когда они идутъ уже въ глубь Азіи,—видимъ въ Ермакѣ и его сподвижникахъ, привезшихъ Іоанну IV дары Сибири.

разселяющимися Славянами и чужеродцами, все же онѣ прямо говорятъ о движеніи и переселеніи Славянъ въ страны нынѣшней Россіи. Рождается вопросъ—и вопросъ, не лишенный съ своей стороны важности. Могло ли подобное перемѣщеніе громаднаго народа на земли, занятыя враждебными племенами, безспорно для всякаго здраваго смысла, обойтись безъ ожесточенной борьбы? [7]). Положимъ, Волохи на-

---

[7]) Мы видимъ и позднѣе постепенное расширеніе Новгородцами своихъ предѣловъ въ ущербъ чудскихъ племенъ, что не могло дѣлаться безъ силы и сопротивленія тѣснимыхъ прежнихъ обитателей занимаемой земли.

Новгородскія волости составляли громадное пространство земли отъ Заволочья до рѣки Оби и можетъ-быть еще за Обью въ Сибирь, носившую названіе Печоры, Перми и Югры (Бѣляевъ, стр. 36—37 Р. Ист.).

По лѣтописи видимъ, что въ 1193 году пошла изъ Новгорода въ Югру рать съ воеводой Ядрюемъ.

Надвислянскіе Славяне заняли еще въ III столѣт. все прибрежье Одры, откуда распространили свои предѣлы до самой Лабы (Шафарикъ, стр. 12, том. II, кн. 1).

Когда какое-либо большое племя начнетъ, по необходимости или доброй волѣ, шириться и переселяться, то обыкновенно такое движеніе продолжается непрерывно по нѣскольку столѣтій (Шафарикъ, стр. 13).

Судя по многимъ обстоятельствамъ, можемъ навѣрно сказать, что оно (переселеніе Славянъ) не вездѣ было мирнымъ приходомъ въ обезлюдившійся и полупраздный край, для обработыванія плодоносной почвы; напротивъ, много непріятельскихъ земель занято вооруженною рукой (С. Д. Шаф., том. II, кн. I, стр. 23).

Тѣмъ болѣе мы можемъ подтвердить наши слова о возможности стычекъ Славянъ съ мѣстными жителями. Славяне далеко не были лишены воинственности: когда они сражались въ полѣ, то окру-

сѣли на Славянъ Дуная, поселись между ними, и дѣлали имъ страшное насиліе. Не виноваты Волохи: ихъ въ свою очередь также тѣснили и наконецъ выгнали другіе народы. Это явленіе есть круговое народное движеніе и перемѣщеніе. Почему же Славянамъ, сдвинутымъ съ своихъ мѣстъ Волохами, не слѣдовать этому явленію, даже правилу, по требованію вопіющей нужды и необходимости.

Если же мы возьмемъ въ разсчетъ эти данныя, извлеченныя изъ опыта исключительно историческихъ международныхъ и завоевательныхъ отношеній, то въ такомъ случаѣ намъ понятенъ будетъ общинный вѣчевой, но не родовой бытъ славянскихъ племенъ, ихъ дѣятельное участіе въ постройкѣ частыхъ городовъ и селъ при этихъ городахъ. Надо также взять въ разсчетъ и то, что мѣстные жители не могли, съ своей стороны, дружественно отнестись къ народамъ, нападающимъ на ихъ землю, тѣмъ болѣе, что въ тѣ далекія времена всякій иноземецъ въ частности былъ ни что иное, какъ врагъ *); чѣмъ же могли быть массы народа, вторгающіяся въ предѣлы съ цѣлью поселенія? Поэтому Славяне, захватывающіе чужую землю,

---

жали себя укрѣпленіемъ изъ телегъ (Ѳеофанъ. Стритеръ: 11, 63 и 62), употребляли военныя хитрости, прятались въ воду, выставляя для дыханія тростникъ (Маврикій). Мечи Руссовъ славились у Арабовъ (Ибнъ-Фоцланъ, Ибнъ-Дасти, Френъ).

Поляне платили дань Хозарамъ мечами.

*) Римляне и тѣ называли иностранцевъ hostis (врагъ).

должны были ожидать сопротивленія и готовить ежеминутный, дружный отпоръ. Возможность такого рода отпора могла обусловливаться общиннымъ устройствомъ этого племени и повсемѣстною постройкою оплотовъ на всемъ пространствѣ Русской земли [8]). Такимъ образомъ у Полянъ, заселившихъ западный берегъ Днѣпра, уже при самомъ началѣ ихъ поселенія встрѣчаемъ городъ Кіевъ, а у Сѣверянъ, какъ показываетъ Олеговъ договоръ съ Греками, существовали уже города: Черниговъ, Переяславль и Любечъ; у Древлянъ же былъ городъ Коростень, Овручъ и

[8]) Вотъ мнѣніе по поводу связи славянскихъ племенъ:

Что еще болѣе связывало племена пришедшихъ Славянъ,—это общее Славянамъ начало общиннаго строя; вѣчевое начало было родное всѣмъ Славянамъ; повсюду, какъ коренное учрежденіе народное, является *вѣче*—народное сборище. Самое названіе *вѣче* есть названіе общее всѣмъ Славянамъ русскимъ какъ въ Кіевѣ и Волынѣ, такъ и въ Ростовѣ и Новгородѣ. Вѣчевое устройство должно было дѣйствововать соединительно на Русскій народъ. Уже одно общее имя вѣча у всѣхъ русскихъ славянскихъ народовъ къ этому располагало (Костомаровъ: Мысли о федер. нач. въ древ. Рус. «Основа», стр. 138), и что всѣ коренные обычаи, не только домашніе и религіозные, но и общественные, по сходству началъ своихъ, должны были поддерживать сознаніе единства племенъ русско-славянскихъ (Тоже, стр. 137).

Пришельцы (Славяне съ Дуная) сознавали единство общаго своего происхожденія. Полянинъ могъ враждовать съ сосѣдомъ Древляниномъ; но помнилъ, что онъ одного съ нимъ происхожденія и пришелъ съ нимъ изъ одного мѣста; вражда могла быть ожесточенною, но не могла потерять характеръ домашній: у враговъ были одни и тѣже старыя преданія. («Основа» 1861 г. Ф. нач. Р. Костомаровъ, стр. 136).

проч.; а у Новогородцевъ, какъ видно изъ лѣтописи Нестора и изъ разсказовъ скандинавскихъ сагъ,—Новгородъ (Гольмгардъ), Ладога, Псковъ, Бѣлоозеро [9]) и т. д. У Кри-

---

[9]) Шафарикъ въ Слав. Древ. первый заявилъ, что у Славянъ, до прибытія Варяговъ, было множество городовъ. Вотъ его слова: «Я убѣжденъ, что Славяне и въ эти древнія времена (въ V вѣкѣ)' какъ и въ началѣ IX вѣка, по свидѣтельству исторіи, жили не только въ селеніяхъ, но и въ обширныхъ укрѣпленныхъ городахъ. Въ 862 году Варяги нашли землю Славянъ наполненною городами.

Въ лѣтописи Нестора упоминается о большомъ числѣ городовъ.

Маркіанъ Гераклійскій насчитываетъ 53 замѣчательныхъ города: Sarmatia habet, Urbes insignes 53 (Mar. Hera-Perip. op. Hudeon 1, стр. 56).

Птоломей въ срединѣ Сарматіи помѣщаетъ: Azagorium, Amadoko, Sarum, Sirimun; на Днѣпрѣ: Leinum, Sorbocum, Niossum и др.

И. Д. Бѣляевъ отвергаетъ теорію того, что Славяне жили до Рюрика разсѣянно, и говоритъ: Славяне, по своему шаткому положенію на чужой землѣ, могли селиться не иначе, какъ укрѣпленными городами, составляя союзъ и общины съ сосѣдними народами. Скандинавы, по множеству городовъ въ Руси, назвали ее страною городовъ (Гардарикой)—(Раз. изъ Рус. ист. кн. 1, стр. 5).

М. А. Соловьевъ насчитываетъ 150 городовъ, упоминаемыхъ въ лѣтописяхъ до XV столѣтія; Погодинъ до 350 (Ярославово дѣленіе, глав. III.—Зам. и лек. IV, стр. 145); Неволинъ—то же количество (Полное собраніе соч. VI, стр. 36—95).

С. М. Соловьевъ, по указанію Погодина и названію городовъ по лѣтописямъ въ древнѣйшей Руси, опредѣляетъ ихъ по княжествамъ: въ Кіевѣ 40, въ Туровскѣ 10, въ Черниговѣ съ Курскомъ 70, въ Рязанскомъ 15, Переяславскомъ 40, Суздальскомъ 20, Смоленскомъ 8, Полоцкомъ 16, въ Новогородскомъ владѣніи 15; въ Волынскомъ и Галицкомъ до 80 слѣдовательно, всего 300. (Ист. Россіи, т. III, стр. 39, изд. 1862 г.).

Бестужевъ-Рюминъ считаетъ тоже 300 городовъ (Рус. ист. т. 1).

вичей же и Полочанъ: Полоцкъ (Полческъ), Изборскъ и Смоленскъ. Слѣдовательно, Славяне имѣли на Руси города еще въ глубокой древности,—по крайней мѣрѣ главные изъ нихъ. И такое огромное количество городовъ, судя по тогдашнему времени, вызванное не торговлей и коммерціей нашей эпохи, а крайнею необходимостью и нуждою защиты, появилось почти при самомъ началѣ поселенія славянскихъ племенъ на Руси. Горячее стремленіе къ созиданію городовъ составляетъ уже ясный признакъ общиннаго вѣчеваго быта. Мы знаемъ, на какой бы низкой степени развитія ни стояла городская жизнь, все же она не можетъ быть не общинною,—не можетъ уже потому, что всѣ жители города живутъ вмѣстѣ; однѣ общія площади и улицы, имѣютъ одни и тѣ же священные храмы, постоянно находятся въ самомъ тѣсномъ общеніи между собой; вслѣдствіе этого и является быстрое развитіе умственныхъ, нравственныхъ, политическихъ и торговыхъ силъ, но только строго въ общинномъ смыслѣ. Городская жизнь подчиняется одной и той же общей власти—глаголамъ *вѣча*—рѣшеніямъ народа и властямъ, которыхъ излюбилъ и выбралъ самъ народъ, передавъ имъ право управленія надъ самимъ собой; за собой же народъ оставилъ рѣшеніе всякаго важнаго дѣла

Барсовъ (Матеріал. для ист. географ. словаря Россіи) признаетъ въ первую эпоху 300 городовъ: Плотинскій въ періодъ 862 до 1499 г. считаетъ 350 городовъ; Неволинъ въ періодъ 862 до 1462 г.—650 городовъ; также см. Рус. др. гор. Самоквасова.

и отвѣтственность этихъ властей [10]). Такимъ образомъ общая сила поддерживала благоденствіе, порядокъ, богатство, власть и могущество города. Та же общая сила строила и защищала укрѣпленія городовъ отъ всякихъ враждебныхъ домогательствъ. Представлять себѣ тогдашній городской бытъ безъ этихъ главныхъ общинныхъ условій оказалосьбы какъ нельзя болѣе ложнымъ. Та же общая сила помогла Славянамъ, при одинаковой цивилизаціи съ Финнами, за-

---

[10]) Вѣче (народное собраніе), по лѣтописямъ нашимъ, задолго предшествовало призванію князей. Они призваны народнымъ вѣчемъ. Въ лѣтописи часто упоминается о собраніи вѣча. Подъ 994 годомъ Бѣлогородцы, осаждаемые Печенѣгами, «сотворили вѣче».

Въ 1097 году Володарь и Василько подступили къ Владиміру, требуя выдачи Туряка, Лазаря, Василія,—Владимірцы созвали вѣче.

Въ 1099 году смерть Мстислава Святославича, объявленная на вѣче (Лав. сп.).

Въ 1185 году Смоляне отказываются идти далѣе съ княземъ Давыдомъ,—«начали вѣче дѣлать».

Въ 1231 году въ Галичѣ Даніилъ созвалъ вѣче.

Въ 1141 году Звенигородцы «сотвориша вѣче».

Въ 1138 году Черниговцы говорятъ Всеволоду: «проси мира», и Всеволодъ заключилъ его съ Ярославомъ Кіевскимъ.

Въ XII столѣтіи много свѣдѣній, что Полочане призываютъ князей и на «ряды» съ ними князья цѣлуютъ крестъ (Ипат. лѣтоп.).

Въ 1147 году Куряни отвѣчаютъ Мстиславу Изяславичу: «противъ Ольговичей ради бится за тебя, но на Владимірово племя, на Юрьевича не можемъ поднять руки» (Ипат. лѣтоп.).

«Суздальцы сдумавшись въ 1158 году сажаютъ Андрея на столъ Ростова.

Въ 1171 году Ростовцы зовутъ Мстислава Растиславлевича: «Поиди княже къ намъ, иначе не хотимъ».

хватить у нихъ громадное количество земли и сдѣлаться первенствующею силой. Уже при Несторѣ, какъ мы видимъ изъ его лѣтописи, нѣтъ и помина о Финнахъ и Латышахъ на тѣхъ обширныхъ земляхъ, на которыхъ жили ихъ многочисленныя племена до самой поры перемѣщенія славянскаго народа. Понятно, почему должны были уступить Славянамъ, имѣющіе родовой бытъ, туземные народы дикіе, разъединенные, не имѣющіе даже многолюдныхъ селъ, не только обширныхъ городовъ, и кромѣ того, по громадности занимаемой ими земли, въ большинствѣ случаевъ, не знающіе другъ друга и количества своего многочисленнаго племени. Повторяемъ, что съ такимъ порядкомъ, съ такимъ характеромъ разобщеннаго родоваго устройства, обусливающаго всегда взаимную ненависть и вражду другъ къ другу, родъ къ роду и племя къ племени,—финскій и латышскій народы не могли, конечно, держаться и полустолѣтія противъ общаго дружнаго напора славяно-русскихъ племенъ.

Въ Ярославлѣ, Костромѣ, Нижнемъ, были вѣчи (Сергіевичъ: «Князь и вѣче», стр. 14).

Въ Москвѣ, по уходѣ изъ нея Дмитрія Донскаго отъ Тахтамыша (въ 14 стол.), Москвичи затворились въ городѣ и, позвонивши во всѣ колокола, «сотвориша вѣче».

Въ 1304 году Костромичи дѣлаютъ вѣче на бояръ (Лавр. спис.). Въ 1305 году таковое же въ Нижнемъ-Новгородѣ (Воскр. и Лавр. лѣт.). Это только часть свѣдѣній по лѣтописямъ; но они доказываютъ, что вѣче было въ большемъ или меньшемъ развитіи вездѣ по всѣмъ областямъ и удѣламъ Россіи, фундаментомъ управленія своими дѣлами. Вѣчевой же бытъ мыслимъ только въ общинѣ.

Къ тому же результату вела и склонность Славянъ—немедленно строить оплоты и пригороды, со множествомъ селъ вокругъ нихъ. Вотъ самая главная причина, почему такъ скоро исчезли подъ крѣпкою, могучею пятою славянскаго племени роды финскіе [11]), латышскіе и другіе, удержавшіеся только въ самомъ незначительномъ числѣ и существующіе до нашего времени подъ именемъ Финновъ въ Финляндіи и Жмудской Польшѣ и подъ именемъ Латышей въ нынѣшней Литвѣ. Эти племена до того перемѣшались съ Славянами, что у нихъ окончательно погибла и память объ ихъ нѣкогда могущественномъ родѣ и сильномъ племени. То же самое историческое явленіе совершилось съ Хозарами [12], Печенѣгами, Черными Клабуками, Половцами,

---

[11]) Ни лѣтописи, ни преданія не знаютъ ни общаго истребленія финскихъ племенъ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ знали первоначальные лѣтописцы, ни общаго переселенія ихъ оттуда, а между тѣмъ современный этнографъ не находитъ ихъ на этихъ мѣстахъ; стало-быть они не истреблены, а переродились (Ист. Р. Бестужевъ-Рюминъ 1764 г., статья Ешевскаго Рус. колон. Сѣв.-вост. края).

Древніе писатели именуютъ Финновъ антропофагами; по словамъ Іордана, Меря, Чудь, Мордва повиновались царю Готскому Германариху.

Адамъ Бременскій упоминаетъ о Чуди, Ямъ, Вѣсь, Меря.

Также говорятъ объ этихъ племенахъ: Ибнъ-Фоцланъ, Ибнъ-Батута, Ибнъ-Гаукалъ-Хвальсонъ.

[12]) Хозары имѣли города и торговлю. Византійскіе императоры брали ихъ дочерей въ жены. Теодора, жена Юстиніана II, Ирина—жена Константина Копронима—мать Леона изъ Хозаръ (Теофанъ Церем.). Хозары съ 833 г. имѣли города: Саркелъ (Adm. Imp. Макуд. Фоцл.), Томатарга, Итель. (Кедринъ, Adm. Imp.). Народъ обширно

Торками, Берендѣями,—всѣми народами, кочевавшими па югѣ Россіи. И всѣ эти племена, кромѣ однихъ только Татаръ, продолжающихъ свое блѣдное, безъисторическое существованіе въ Крыму и частію въ при-волжскихъ мѣстностяхъ,—погибли безслѣдно, оставили только по себѣ память въ нашихъ древнихъ лѣтописяхъ. Ихъ существованіе подрѣзано крѣпкимъ, тѣснымъ, взаимно помогающимъ общиннымъ бытомъ Славянъ, твердою общиной, которая вынесла на своихъ могучихъ плечахъ быстрый, стремительный напоръ всѣхъ этихъ большихъ и малыхъ народовъ и народцевъ, способныхъ къ завоеваніямъ, разрушеніямъ, но не къ созиданію.

Можно думать, что подобный переворотъ на Руси, по отношенію къ этимъ мелкимъ народцамъ, кочующимъ на Югѣ тогдашней Руси,—произвело монгольское завоеваніе и продолжительное татарское владычество. Но этотъ взглядъ,

---

занимался торговлей и имѣлъ училища; жили подъ властью одного владѣтеля, правящаго деспотически-самовластно. Ибнъ-Фоцланъ приводитъ примѣръ, что Каганъ сказалъ одному изъ своихъ подвластныхъ: «Иди и убей себя»,—и тотъ тотчасъ же удалился, чтобъ исполнить это приказаніе.

Могущественные Хозары въ 1016 году совершенно исчезаютъ подъ напоромъ общинной силы Славянъ. Печенѣги, по мнѣнію византійскихъ писателей, имѣли родовое устройство (Кедринъ, Adm. Imp. и Ибнъ-Фоцл.). Они жили раздѣльными группами имѣющими каждая своего главу. Они вышли изъ степей заволжскихъ, не знали земледѣлія, обитали въ шатрахъ и кибиткахъ и славились быстротою коней (Карамзинъ, I том., стр. 146, Ист. Малор. Бан.-Каменскаго ч. 1).

повидимому вѣрный и прочный, не выдерживаетъ критической повѣрки. Еще до Монгольскаго погрома цивилизирующее начало славяно-русское уничтожало мало-по-малу чужеродность этихъ племенъ [13]). Стоитъ только раскрыть лѣтописи, чтобъ изъ нихъ увидѣть, какъ, напримѣръ, Половецкіе, Торскіе и Берендѣйскіе князья входили понемногу въ славянскіе интересы нашихъ князей, женились сами, женили своихъ сыновей на дочеряхъ нашихъ князей, выдавали замужъ своихъ дочерей за князей русскихъ (см. пѣснь о полкѣ Игорева); тѣ и другіе имѣли общіе споры, выгоды и невыгоды, мѣнялись землями и даже городами, считали другъ друга за своихъ необходимыхъ союзниковъ; принимали христіанскую вѣру, славянскіе обычаи; впутывались въ дѣла князей, во всѣ ихъ распри; близко принимали къ сердцу, кто въ Кіевѣ будетъ великимъ княземъ кто княземъ въ Черниговѣ, Галичѣ, Суздалѣ.—словомъ, не имѣли другихъ вопросовъ, столь живо затрогивающихъ ихъ политическую общественную жизнь, кромѣ постоянныхъ отношеній къ русскимъ князьямъ [14]), и первые бросились

---

[13]) Финны вошли въ составъ сѣверныхъ Славянъ.

По Волгѣ и Камѣ, въ эпоху образованія Русскаго государства, было государство Болгарское, сложившееся изъ элементовъ финскихъ и тюркскихъ въ XII вѣкѣ. Болгары распространились по Болкану и основали царство Болгарское: часть ихъ единоплеменниковъ осталась на Волгѣ и около Каспійскаго моря. О Болгарахъ говорятъ: Френъ, Ибнъ-Фоцланъ, посланный къ нимъ въ 922 году, и Абу-Хамидъ Андалузи XII вѣка.

[14]) Въ 1146 г. прислали Кіяни звать на столъ Изяслава Мсти-

просить ихъ помощи отъ Татаръ [15]). Въ концѣ концовъ, не будь Монгольскаго народа на югѣ Россіи, неотразимо произошло бы то же явленіе, которое совершилось въ древнія времена на сѣверѣ и западѣ Россіи, а именно: помѣсь славянскаго племени съ Финнами и Латышами Москва, Владиміръ, Суздаль, Петербургъ, Тверь и т. д.). Не будь монгольскаго народа и здѣсь вліяніе края, по всей вѣроятности, осталось бы за Славянами, какъ крѣпкой общиной. Намъ свидѣтельствуетъ историческій опытъ, что община всегда имѣла и имѣетъ превосходство надъ разъединенными враждебными родами. Монголы задержали это

славича, Черные Клобуки и все Поросье присоединились къ призванію «всѣ Клобуцы и Поршане» 1151 г. «И тако на нарядъ створше въ себѣ князи и дружини, и Черніи Клобуцы и Кіяне» (Из. Погод. кн. 5, стр. 194—5).

[15]) Говоря о кочевыхъ племенахъ юга Руси, надо кое-что сказать о нихъ: Въ числѣ этихъ азіатскихъ племенъ: Печенѣговъ, Берендѣевъ, Торковъ, Каспичей, Ковуевъ, Черныхъ Клобуковъ и Половцевъ—наиболѣе упоминается въ лѣтописяхъ о послѣднихъ. Половцы народъ воинственный, жившій между Волгой и Днѣпромъ, хотя и имѣвшій отчасти осѣдлость (городъ Шаруканъ.—Арцибаш. II, стр. 367), Сугровъ, Галинъ (Ипат. лѣтоп.), Чешюевъ (Лавр. лѣтоп.), но находившійся въ безпрерывныхъ набѣгахъ на южныя княжества, гдѣ производили грабежи, брали города и села, и уводили жителей въ плѣнъ. Отъ Всеволода (1061 г.) до самаго нашествія Татаръ, Половцы были постоянною заботой нашихъ князей, присужденныхъ безпрерывно воевать съ ними и отстаивать свои владѣнія отъ ихъ раззоренія, или съ цѣлью удержать ихъ набѣги. Иногда вступали для этого съ ними въ союзы, мирились, женились между ними. Святополкъ сынъ Мономаха и Рюрикъ Рости-

нормальное и естественное перерожденіе (обрусеніе) южныхъ дикихъ народцевъ, замѣнивши ихъ собою. Татары, какъ мы говоримъ, замѣнили собою слабѣющія силы новою страшною силою, утихшую вражду —новою дикою борьбой.

Всѣ спѣшили противостать этой силѣ; сбѣжались на споръ съ новыми варварами: и Славянинъ, и Половецъ, и Торкъ, и Берендѣй,—всѣхъ воодушевила боязнь потери свободы, нарушенія общаго строя. Горе Славянина было горемъ Половца: это было общее горе. Но нѣтъ той силы, которая не пала бы отъ болѣе сильной.

Этотъ фактъ дружнаго отпора монгольскому захвату,

славлевичъ были женаты на Половчанкахъ: видимъ въ пѣснѣ о Полкѣ Игоревѣ, что сынъ Игоря Владиміръ былъ женатъ на дочери Кончака. Князья также съ ихъ помощью воевали съ Ляхами и Венграми и рѣшали свои домашнія распри. Олегъ Святославичъ въ 1078 году привелъ ихъ. Въ 1084 году Половцы помогли противъ своихъ же соплеменниковъ. Въ теченіе 11—12 столѣтія много примѣровъ въ нашихъ лѣтописяхъ—союзовъ съ Половцами, большею частью въ ущербъ Россіи. Самое нашествіе Татаръ произошло вслѣдствіе заступничества за Котяна, князя половецкаго, его зятя князя галицкаго Мстислава Удалаго. Всѣ эти племена, послѣ погрома Татаръ, исчезли безслѣдно (Замѣт. и лек. Погодина, т. V, пар. III—Половцы). Что Половцы были искусны въ войнѣ, мы можемъ заключить изъ того, что у нихъ было огрестрѣльное оружіе: Кончакъ шелъ на Русь, имѣя таковое. Вотъ какъ объ этомъ говоритъ лѣтопись: «Бо обрѣлъ мужа такаго, иже стрѣляше живымъ огнемъ» (Погодинъ И. Р. до Монголовъ). Въ запискахъ императрицы Екатерины о Рус. Ист. говорится, что половецкій огнестрѣльщикъ былъ взятъ въ плѣнъ и приведенъ съ его нарядомъ къ Святославу Всеволодовичу Кіевскому.

какъ нельзя болѣе, подтверждаетъ нашу мысль о цивилизирующей силѣ славянства, покорившей своему могуществу, почти-что окончательно, всѣ пограничныя дикія племена.

Исчезли Половцы, исчезли Берендѣи и другіе, вслѣдствіе постояннаго бытоваго вліянія Славянъ. Безъ окончательнаго сліянія съ Руссами, безъ собственной племенной затери, не могли эти народы усвоить себѣ ту громадную, несокрушимую общинную земскую силу, которая такъ широко, какъ могущественно, во всѣхъ малѣйшихъ проявленіяхъ, охватывала устойчивый славяно-русскій духъ. Ихъ жизнь, такъ и всѣхъ вообще монгольскихъ племенъ, состояла въ кочеваньѣ, въ грабежѣ, разбоѣ и завоеваніяхъ; но природа рѣшительно отказала имъ въ способности прочно и основательно устраивать покоренное и побѣжденное. Они исчезли, стерлись съ лица земли: «Погибоша аки Обри»,—со всею справедливостію можно примѣнить здѣсь эти слова нашего лѣтописца. Отъ чего же не исчезли Славяно-Руссы? Не поддалась ихъ община Монголамъ?—Отъ того, что чутко сознавала крѣпость своей внутренней земской силы, прочность своего общиннаго развитія. Нужно было только привести сознаніе въ дѣйствіе, сущность—въ видимыя осязательныя формы, могущество нравственнаго быта воплотить въ единую, связную организацію.

Долго земщина, спокойная и вѣрная самой себѣ, высматривала, гдѣ, въ какомъ центрѣ Руси, ея особенная, истин-

ная сила. Эта сознательная, народная повѣрка собственныхъ общинныхъ силъ продолжалась почти-что во весь Монгольскій періодъ. Наконецъ молодой юный Сѣверъ взялъ верхъ, овладѣлъ этимъ преимуществомъ, не имѣя за собою никакихъ старыхъ враждебныхъ преданій. И потянула сила земская къ Москвѣ [16]), зашаталась удѣльная система, полилась кровь и пала удѣльная власть. Раздробленныя общины соединились подъ одну власть,—власть Сѣвернаго князя,—

[16]) Кромѣ сознанія самой общины въ необходимости объединенія государства, есть еще главныя причины, послужившія къ достиженію той же цѣли: 1) фамильный характеръ князей Суздальской династіи,— не воиновъ, но политиковъ-администраторовъ, не отступавшихъ въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній отъ основной своей задачи—собиранія воедино земли Русской. Къ этимъ-то князьямъ, какъ къ представителямъ общей идеи, и являлось полное сочувствіе всего народа, на которомъ лежала вся тяжесть междоусобныхъ княжескихъ распрей. 2) Содѣйствіе духовенства, имѣвшаго сильное вліяніе на народъ. Митрополія въ Москвѣ подняла эту столицу въ глазахъ всей Руси; съ помощью ея великіе князья достигли того мирно и тихо, чего сами не могли бы достигнуть. Митрополиты, какъ Петръ, Алексѣй, Іона и другіе, поставили московскихъ владѣтелей, какъ помазанниковъ, въ глазахъ народа и высоко возносили предъ прочими князьями. 3) Умѣнье московскихъ князей поладить съ ханами платою аккуратно положенной дани частыми поѣздками въ Орду, подарками.—Московскіе князья пріобрѣли первенство передъ остальными князьями. Въ ордѣ всѣ жалобы на ихъ самовластіе отклонялись деньгами; ими же получались ярлыки на разныя княжества. Сильнѣйшіе соперники Москвы—тверскіе великіе князья погибали по ихъ проискамъ (Дмитрій Михайловичъ).—Александръ Невскій, Данила, Іоаннъ Калита вполнѣ пользовались вліяніемъ въ ордѣ, для упрочиванья своей власти. Лѣтопись говоритъ о Симеонѣ Гордомъ, что князья русскіе даны были подъ руку ему.

и гнула эта община, соединенная съ властью, все то, что поднимало гордую голову на нее, на ея общинное народное устройство, что только напоминало прежній несчастный урядъ, который залилъ кровью тогдашнюю Русь. Съ такимъ именно характеромъ царили московскіе и суздальскіе князья. Въ этомъ и должно именно искать разрѣшенія той задачи, почему русская старшая дружина, превратившаяся впослѣдствіи въ бояръ, не могла у насъ получить того великаго значенія, которое она, въ лицѣ бароновъ, вассаловъ и феодаловъ, имѣла на Западѣ. Тамъ былъ родъ, а здѣсь земщина — община; тамъ народъ былъ имущество, вещь, съ правомъ жизни и смерти въ рукахъ феодала, а здѣсь господинъ—владыка самого себя и своей земли [17]). Тамъ онъ

---

[17]) Въ исторіи развитія Россіи два начала: земля и государство, состоящія въ связи и пріязни. Русское государство имѣло своимъ основаніемъ не завоеваніе, а призваніе власти, и этимъ оно рѣзко отдѣляется отъ началъ государствъ Запада, гдѣ фундаментомъ было не свобода, а насиліе и принужденіе (соч. Кон. Аксакова, стр. 57). Вмѣсто живаго народа, тамъ государственная машина изъ людей; миръ и спокойствіе основаны не на любви, а на взаимной выгодѣ. Какъ ни блестящъ внѣшній порядокъ, но блескъ его наружный; какъ ни строенъ онъ, но это строй машины; какъ ни кажется свободенъ, но эта свобода—личный, взаимно-ограниченный произволъ (Тамъ же).

Въ удѣльно-вѣчевой Руси охраненіе княжескихъ правъ лежало на *княжескомъ съѣздѣ*, служилыхъ сословій *служебная дума*, *общинное вѣче*, *духовенство—на церковномъ соборѣ*. Надеждинъ находитъ основательно, что въ нашей удѣльной системѣ нѣтъ ничего общаго съ феодализмомъ (изд. др. Рус. сист. удѣл.). Тамъ произволъ личности, у насъ соглашеніе съ общиной и укладомъ зем-

былъ завоеванъ, а здѣсь онъ самъ пригласилъ себѣ князей для административнаго порядка. Тамъ вассалы, феодалы сдѣлались владѣльцами завоеванныхъ народовъ; а здѣсь народъ прежде самъ уничтожилъ чужеродцевъ, а потомъ пригласилъ князей не какъ побѣдителей, а какъ мирныхъ постороннихъ судей къ побѣдителямъ; далъ онъ имъ право только внѣшняго суда и расправы, но не позволилъ князьямъ вмѣшиваться безъ спроса, безъ требованія, во внутреннюю, домашнюю жизнь. — Они не могли принимать видъ блюстителей и защитниковъ религіи, что мы видимъ у фанатиковъ, католическихъ королей всего западнаго христіанства, бывшихъ вѣрнымъ и послушнымъ орудіемъ монашества и духовенства, которое не старалось помочь народу, а напротивъ давило и порабощало его. Тамъ инквизиторское цензорство простиралось на слово, мысль, домашнія дѣла, въ замки, дворцы, въ подвалы, во всѣ потаенные углы, куда только могло скрыться забитое, запуганное человѣчество. Право суда княжескаго, безъ требованья со сто-

---

ли и князя (тоже). В. В. Пасекъ видитъ главную причину образованія удѣловъ не столько въ княжескихъ отношеніяхъ, сколько въ стремленіи городскихъ общинъ къ самостоятельности (княж. и до княж. Русь). (Чт. въ общ. ист. др. 1870 г., III).

Теорія федеральнаго начала Костомарова состоитъ въ томъ, что система княжествъ соотвѣтствуетъ первоначальнымъ племенамъ Славянъ русскихъ и что удѣльный періодъ связалъ эти части въ одну федерацію. Щербатовъ первый высказалъ отчасти эти мысли. — По договору добывались столы княжескіе (Вѣче и князь, Сергіевичъ — Самоквасовъ зам. объ ист. Рус. госуд. ж. М. Н. П. 1860 г.).

роны подсудимаго, простиралось только на нарушителей общественнаго порядка, внѣшняго органическаго строя. Такъ происходило во всѣ вѣка на Руси.—Понятно, что и прибывшая съ княземъ дружина [18]), сначала чужеземная, хотя впослѣдствіи и туземная, но вполнѣ зависящая отъ князя,—никогда не была любима земщиной. Это было потому, что она была власть завоевательная, княжая, а не земская, и имѣла свой смыслъ только при князьяхъ, при существованіи удѣлизма.—Этому явленію еще способствовало постоянное передвиженіе князей съ одного мѣста на другое [19]). Также отсутствіе однѣхъ и тѣхъ же родовыхъ отчинъ, въ которыхъ дружина могла бы, отъ продолжительнаго пребыванія на одномъ мѣстѣ, сжиться съ общиной, вступить съ нею въ родственныя и дружескія связи [20]). Къ князю, какъ

[18]) Въ англійскомъ языкѣ есть слово *drudge*, по-французски *valet;* это слово отъ глагола *todrudg*, по-шотландски *todrug*, по-ирландски *drugair*, по-саксонски *draggen*, носить, волочить. Какъ имя, такъ и глаголъ выражаютъ идею службы. Не оттуда ли происходитъ дружина Рюрика (Погодинъ,—«борьба», стр. 364)? Дружина, по мнѣнію Сенковскаго, переводъ съ нормандскаго слова, означавшаго военную свиту князя.

[19]) Съ обычаемъ городовъ — выбирать себѣ князей, дружина, вынужденная по недружелюбію къ нимъ земскихъ людей уходить съ княземъ, не могла взять осѣдлость и черезъ то получить то значеніе, которое утвердилось за земскими боярами и за самимъ населеніемъ (стр. 153, Ист. Р. П. Михайлова).

[20]) Олегъ смотрѣлъ на своихъ сподвижниковъ, какъ на прямыхъ слугъ. Онъ уже не раздаетъ землю въ собственность, но назначаетъ своихъ слугъ для управленія землями, какъ посадниковъ. Различіе громадное отъ феодальной системы: членъ дружины получалъ на

къ той или другой личности, равнодушна была земщина (конечно за исключеніемъ нѣкоторыхъ); большею частью же онъ былъ ей нуженъ только какъ Рюриковскій родъ, какъ внѣшній администраторъ [21]). Такое же чувство земщина пи-

Западѣ какую-либо землю,—получалъ ее въ полное, независимое владѣніе. Посадникъ Олега имѣлъ значеніе слуги, ему подчиненнаго. Управленіе и судъ производились не отъ имени его, а отъ имени князя. Къ счастію, у насъ не образовались ленныя системы, могущія образоваться при продолженіи раздачи земель, покоренныхъ племенъ Рюрикомъ (Лек. Ист. Р. П. Михайлова, стр. 13—14).

[21]) Народъ и князь суть одинаково-существенный элементъ древне-русскаго общественнаго быта: съ одной стороны онъ не можетъ жить безъ князя, съ другой — главную силу князя составляетъ тотъ же народъ; участіе народа въ общественныхъ дѣлахъ проявляется подъ формой вѣча (Сер. князь и вѣче, стр. 1).

Изяславъ былъ разграбленъ Кіевлянами. По смерти Юрія, Кіевляне ограбили его домъ загородный «Рай» въ 1158 году (Ипат. лѣтоп.).

«Разграбиша Кіяни домы дружины Игорьевы и Всеволожѣ, и села, и скоты взяша, имѣнья много въ домѣхъ и въ монастырѣхъ» (1146).

У Сергіевича нѣсколько примѣровъ, что дружина избивалась и часто страдали приверженцы изгоняемаго князя (Вѣче и князь, стр. 111).

Глѣба Ростиславича въ 1159 году выгнали Дрючане и дворъ его разграбили и его дружину.

Полочане: «Совѣтъ золъ совѣщаша на Ростислава Глѣбовича».— Они послали сказать Рогвольду: «Согрѣшили оже встахомъ на тя безъ вины и жизнь твою все разграбихомъ и твоей дружины» (Погодинъ, том. VII, стр. 160).

Въ 1015 году, по смерти Владиміра, въ Новгородѣ произошли смуты, отъ чего погибла княжеская дружина (Лавр. лѣтоп., стр. 61); въ 1146 году союзники созвавъ Вятичъ, поручили имъ (Свят.

тала и къ дружинѣ, если только еще не менѣе: она мало была ей нужна для защиты; она смотрѣла на нее какъ на орудіе князя для его цѣлей въ спорахъ съ прочими князьями. Въ случаѣ неудовольствія къ князю, нераздѣльно община обращала свой гнѣвъ и на его дружину и приверженцевъ, которые дѣлили съ княземъ его участь [22]). Князь получалъ только извѣстныя угодья для своего прокормленія; то же получала и дружина. Какъ только князь уходилъ, или былъ выгоняемъ изъ своей области, теряя угодья, теряла ихъ и его дружина и также уходила за своимъ княземъ. Если же оставалась на старыхъ собственныхъ угодьяхъ, то сливалась съ самою земщиной, что часто было въ Кіевѣ, Суздалѣ и другихъ городахъ.

Ольгов.) убити лестью, и дружину его избити; 1161 год. дружину его (Свят. Ростисл.) Новгородцы изковаша и товаръ его разграбиша и дружины его» (Изслѣд. замѣт. Погодина, т. VII, стр. 73. 74—160). Земцы Нижняго Новгорода даже выдали своего князя посламъ московскимъ (Бѣляевъ Р. Р. И., стр. 170).

Для дружины было не безопасно оставаться въ удѣлахъ, по удаленіи изъ нихъ князей; въ этихъ случаяхъ не только имущество, но и жизнь дружинника была въ опасности отъ земцевъ. Такъ въ 1158 году Кіевляне, по удаленіи изъ Кіева Юрія «избивахумъ Суздальцы по городамъ и по селамъ, а товары ихъ грабяху» (Воскр. лѣтоп., стр. 66).

[22]) Совершенное повсемѣстное равнодушіе народа къ участи удѣльныхъ князей, когда у нихъ московскіе великіе князья отнимали удѣлы, и къ участи и невзгодамъ опальныхъ бояръ. «Новогородцы сдумаши яко изгонити кн. своего Всеволода и всадиши въ Епископской домъ съ женою и дѣтьми» (Арх. лѣтоп., стр. 18—807). Новгородъ говоритъ Ярославу: «у насъ князя нѣтуть. Но Богъ и правда, и св. Софія, а тебѣ не хотимъ» (Арх. лѣтоп., стр. 159).

Понятно послѣ этого, что наша старшая дружина, превратившаяся впослѣдствіи въ бояръ, съ уничтоженіемъ удѣлизма, должна была потерять свою особенность, свой корпоративный строй и слиться съ земщиной, съ общиной. Если же она впослѣдствіи рѣшалась подъ прежнимъ или чужеземнымъ вліяніемъ поднять голову за свое самостоятельное значеніе, то земщина оставляла ихъ на произволъ великаго князя, потому что видѣла въ этомъ взглядѣ дружинника, на свой родъ или на свои заслуги полное нарушеніе ея общинныхъ земскихъ правъ. Вотъ почему у насъ не было бояръ съ значеніемъ Запада [23]). Община, земщина всё для нее: привилегіи, заслуги, власть, земля; для

---

[23]) Какъ на отличіе отъ западныхъ аристократическихъ фамилій, можно у насъ указать на то, что большею частію люди, бывшіе сподвижниками князей и царей, не были изъ знати; напримѣръ: Адашевъ, Сильвестръ, Годуновъ и т. д. На Западѣ они имѣли вѣсъ; отъ нихъ часто зависили рѣшенія королей, которые даже боялись иногда дѣйствовать противъ рыцарей-бароновъ; а у насъ видимъ, что бояре считаютъ за особую честь, когда ихъ выкупаютъ въ прорубѣ (напримѣръ, при Алексѣѣ Михайловичѣ) и въ награду удостоютъ трапезой. Алексѣй Михайловить пишетъ къ Никону, что это купаніе его весьма потѣшало. Рабъ и холопъ выраженіе оффиціально принятое во всѣхъ актахъ съ XV стол. у бояръ—потомковъ дружины и князей.

Борису Годунову, правителю Руси во время царствованія Ѳедора Ивановича, даютъ званіе слуги царскаго, которое, какъ объяснили послы въ Литвѣ,—было честнѣе боярскаго.

«Милостивый Государь Царь, покажи холопу своему милость,—не вели отнять отца и дѣда у меня, холопа своего,—вели судъ вершить». Вотъ челобитная аристократа по мѣстничеству.

одной же личности исключительно не давалось никакихъ преимуществъ. Великій князь и царь поддерживался земщиной, земщина—ими; все, что только выступало изъ этой колеи, давилось обоюдно, съ неутомимою послѣдовательностью [24]).

Не намъ судить исторію московскихъ князей и московскаго народа (правда—жестокая исторія); но если абсолютная вѣчная истина выше истинъ условныхъ, если общее благо выше блага частнаго, если горячая любовь и желаніе счастія народу стоятъ выше родовыхъ семейныхъ привязанностей,—то мы почтимъ священную память царей и князей московскихъ. Почтимъ вмѣстѣ съ ними память и московскаго народа и всю русскую древнюю великую общину, изъ которой такъ вѣрно, такъ систематически стройно развилась послѣдующая могучая жизнь нашего народа, драгоцѣнными благами которой пользуются съ избыткомъ потомки. Погибшіе князья и бояре погибли въ силу принципа всей Славяно-Русской земли. Русскій народъ, на смоченной ихъ кровью землѣ, засѣялъ плоды для своего будущаго счастія и единства. Земщина успѣла заплатить кровью дань своей родной землѣ: она спасла Русь отъ Татаръ; она не погибла въ зажженной Эдигеемъ Москвѣ; она возвратила свою славу на Куликовомъ полѣ; она сберегла честь и достоинство государства при самозванцахъ...

---

[24]) Равнодушіе народа къ покоренію боярскихъ родовъ волѣ Іоанна IV.

Русь, раздѣленная удѣльными перегородками, съ ихъ мѣстными интересами, всегда была соединена духомъ и вѣрой воедино. Всѣ чувствовали себя членами земли Русской и въ общихъ вопросахъ, въ годы народныхъ невзгодъ, возставали за землю Русскую. Вотъ отъ чего мы имѣли 1612 и 1812 годы. Народъ изгналъ враговъ своей мощью и возстановилъ силы ослабѣвшія подъ чужимъ напоромъ.

II.

Ни одного еще народа не было на землѣ, который-бы жилъ и существовалъ, не бывши вѣренъ своему первоначальному историческому развитію. Точно также не встрѣтимъ народа, который былъ бы не вѣренъ своимъ первобытнымъ основамъ, складу и быту, вполнѣ опредѣляющемуся естественными условіями той земли или страны, на которой осуществилось его призваніе къ самостоятельной жизни. Народъ, котораго судьба заставила измѣнить своему первобытному характеру, своей первоначально сложившейся природѣ, или, вѣрнѣе, исторія этихъ народовъ отличается постояннымъ паденіемъ, постоянной духовною гибелью и разложеніемъ. Разумная часть человѣческаго существованія есть духъ,—та способность, которая отличаетъ человѣка отъ міра вещественнаго и неразумнаго. Духъ народа развивается, примѣняясь къ той землѣ и природѣ, на которой онъ живетъ. Въ этомъ заключается все коренное отличіе одного народа отъ другаго, и что ведетъ всякій

народъ къ той или другой формѣ и къ самодѣятельности. Этимъ только и отличается Негръ отъ Европейца и Американецъ отъ Азіатца и Австралійца.

Духъ и его способности есть только творческая сила въ цѣломъ народѣ или въ одномъ человѣкѣ,—то, чѣмъ онъ живетъ, дѣйствуетъ и питается; на него вліяетъ: природа, земля, страна, въ которой онъ живетъ; тотъ воздухъ, солнце, вода, перемѣна года—подъ вліяніемъ которыхъ онъ находится. То же вліяніе оказываютъ взаимныя отношенія, столкновенія съ сосѣдями и все это впервые заставляетъ его избирать способъ жизни: семейный бытъ, родовой или общинный. За тѣмъ уже появляется образъ жизни внѣшній, видимый, административный съ тѣми или другими законами, наказами и уставами. Понятно, что послѣдній процессъ совершается подъ вліяніемъ отпора враждебныхъ, окружающихъ его народовъ. Слѣдовательно, душа есть только дѣятель, а направляющая сила—природа или земля, на которой живетъ извѣстный народъ [25]). Итакъ,

[25]) Цивилизація Египта, подобно цивилизаціи Индіи, порождена плодородіемъ почвы и жаркимъ климатомъ; вслѣдствіе чего въ обѣихъ странахъ появились одни и тѣ же законы и повели единственно къ одинакимъ слѣдствіямъ (Вольней, 1 кн., стр. 58—63).

Изученіе (видовъ природы) поведетъ насъ къ обширнымъ и важнымъ изслѣдованіямъ о томъ вліяніи внѣшняго міра, которое предрасполагаетъ человѣка къ извѣстному образу мыслей и такимъ путемъ даетъ особый оттѣнокъ религіи, искусству, литературѣ; словомъ, всѣмъ главнымъ проявленіямъ человѣческаго духа (Бокль, 17, стр. 89).

духъ народа есть его всепроницающій глазъ; а природа, окружающая его, есть та высоко-художественная книга, данная ему Творцомъ для наставленія,—та книга, которая сообщаетъ его духу тѣ или другія основы, тотъ или другой характеръ, а тѣ естественныя условія, подъ вліяніемъ которыхъ онъ находится, укрѣпляютъ его силы, даютъ ему развитіе, крѣпость, разумный физическій и политиче-

---

Дѣятели, обозначенные общимъ именемъ—виды природы, съ этой точки зрѣнія раздѣляются на два разряда: къ первому принадлежатъ тѣ, которые дѣйствуютъ на воображеніе; а ко вторымъ тѣ, которые дѣйствуютъ на разсудокъ—на чисто логическую дѣятельность ума человѣческаго (Тоже, стр. 90).

Явленія природы, когда они грозны, возбуждаютъ воображеніе, поощряютъ суевѣріе (страхъ) (Бокль,—переводъ Бестужева-Рюмина, стр. 94).

Умственная жизнь Индусовъ обратилась въ истинную поэзію. Отличительною чертой ихъ образованія сдѣлалось господство фантазіи надъ разсудкомъ. Совершенно противоположное образованіе европейское, характеризуемое господствомъ разсудка надъ фантазіей (Тамъ же, стр. 99). Различіе въ природѣ двухъ странъ ведетъ къ соотвѣтствующему различію въ умственномъ развитіи націй. Такъ какъ мысли рождаются частію по внезапному дѣйствію ума, а частію внушаются внѣшнимъ міромъ, то столь сильное измѣненіе въ одной изъ причинъ должно произвести измѣненіе и въ слѣдствіяхъ (стр. 104). Землетресенія и вулканическія изверженія болѣе часты и разрушительны въ Италіи и на Пиренейскомъ полуостровѣ, чѣмъ въ какой-либо другой изъ странъ Европы. Тамъто именно суевѣріе болѣе созрѣло и суевѣрные классы могущественнѣе. Именно въ этихъ странахъ прежде, чѣмъ гдѣ-либо, утвердило свое владычество духовенство (Бокль,—переводъ Бестужева-Рюмина, 1 кн., стр. 93).

скій бытъ. Съ помощью ихъ складывается характеръ, который уже и придаетъ народу свойственную ему самостоятельность. На этомъ пунктѣ заключается сходство и различіе народовъ другъ отъ друга. Понятно послѣ этого, какъ долженъ народъ дорожить этими естественными условіями и тѣмъ своимъ первобытнымъ характеромъ, который сложился подъ неотразимымъ вліяніемъ ихъ. Съ потерею этихъ первоначальныхъ основныхъ элементовъ погибаетъ навсегда и его послѣдующая самостоятельность, прогрессъ и дальнѣйшее жизненное развитіе. И вся исторія этихъ народовъ представляетъ рядъ печальныхъ процессій къ темной могилѣ своего историческаго существованія, цѣлый рядъ ошибокъ, всеобщихъ заблужденій и полнаго паденія. За примѣрами недалеко идти: Чехія и Польша [26]), эти нѣкогда силь-

---

[26]) Они имѣли вѣру общую съ славяно-русскими племенами о чемъ мы имѣемъ много историческихъ данныхъ. Въ Польшѣ православіе было до католицизма введено Кирилломъ и Меѳодіемъ въ Краковѣ, во храмѣ св. Креста, до 18 вѣка служили по греческому обряду. Съ принятіемъ католицизма Польша онѣмечилась, потеряла свое начало. Католицизмъ ей далъ іезуитовъ и пановъ, погубившихъ ее.

Чехи были греческаго исповѣданія и обращены въ христіанство Кирилломъ и Меѳодіемъ; спустя 100 лѣтъ католицизмъ вошелъ въ Чехію и Нѣмцы овладѣли ею. Возстаніе Гуса было возстаніе національное за свое вѣрованье: оно стремилось возстановить причастіе по обряду православному, черезъ чашу.

Православіе въ Венгріи было до католицизма при Стефанѣ Святомъ (1000—38), были православные монастыри близъ Весприма, Крашна и въ Генодѣ; первое епископство въ Колочѣ.

ныя племена, принадлежащія къ великому славянскому племени,—пали достойнымъ глубокой жалости паденіемъ. Они пали отъ измѣны складу и характеру обще-славянскаго движенія, поставленныя обстоятельствами въ соприкосновеніе съ родовымъ устройствомъ Запада; они видѣли близко западный феодализмъ съ его замками, которые ни что иное, какъ твердый оплотъ насилія и жестокостей. Попавъ подъ инквизиторское мертвящее цензорство католицизма, понятно, они не могли не перемѣнить своего роднаго быта на новый, чуждый имъ. Шляхетство, Чеховъ и Поляковъ измѣнило своему общинному земскому духу. Оно промѣняло кроткую, добрую демократическую натуру на привиллегіи, королевскіе значки и баронскіе титулы; стало гордиться особенностью и древностью своего рода, съ гордымъ презрѣніемъ взирая на всѣхъ, не пользующихся этимъ преимуществомъ. Скажемъ болѣе: не стало признавать въ своемъ родномъ братѣ Славянинѣ даже человѣческой души *). Это уничтожило духовно, а слѣдовательно и политически, общину, которая, не имѣя подновленія, поддержки въ своихъ духовныхъ силахъ, кончила свое существованіе паденіемъ [27]).

---

*) Лѣт. Гребен. Велички. Баплапъ. (Богдап. Хмѣльн.) Костом. Ун. Каяловича.

[27]) Ouvrez toutes les histoires vous verez l'esprit de l'imobilité s'emparer de toutes les societés ou les castes dominent.—Guisot 140 p. H-re de la Civilisation en Europe.

Было ли дѣйствительно общинное начало самою законною основою дальнѣйшаго движенія всѣхъ вообще Славянскихъ племенъ?

Въ этомъ убѣждаемся какъ нельзя болѣе изъ сжатаго, краткаго очерка дальнѣйшей судьбы родственныхъ намъ славянскихъ народовъ. Еслибы была потеряна исторія послѣдующей жизни Чехіи и Польши, нельзя бы было выдавать за самую непреложную истину общинное начало у всѣхъ славянскихъ народовъ. Западные европейцы, вѣрные своимъ родовымъ привваніямъ уцѣлѣли, а Славяне погибли, измѣнивъ своему общинному духу,—погибли отъ народа слабаго (не говорю единствомъ и связью внутренняго быта, но численностью) въ сравненіи съ славянскимъ народомъ.

Мы сейчасъ только говорили, что западное славянство, какъ напримѣръ: Чехія, Галиція, Польша и др., пали историческимъ паденіемъ, вслѣдствіе измѣны своему общинному народному началу, пали отъ уничтоженія и непризнанія правъ земщины, влекомые къ этому паденію необузданнымъ своеволіемъ высшаго сословія и насиліемъ, которымъ съ избыткомъ надѣляло славянское привилегированное сословіе—феодальный духъ Запада. Слѣдовательно въ западномъ славянствѣ произошла гибельная крайность: высшее поглотило низшее, частности—общее, личности—народъ. Чему же обязанъ своимъ появленіемъ этотъ печальный фактъ паденія? Единственно удаленію въ нихъ

древне-славянскаго устройства. Такимъ образомъ, подъ вліяніемъ сосѣдей нѣмцевъ съ ихъ феодальными воззрѣніями, и подъ игомъ западнаго властолюбиваго католицзима,— Польша была затёрта. Она уничтожила свой народъ, подавила его въ угоду своеволія пановъ, желавшихъ принять видъ средне-вѣковыхъ графовъ, и корыстолюбиваго фанатизма ксендзовъ. Съ Казиміра (1117 г.) началось то пагубное направленіе, которое должно было довести Польшу до самоуничтоженія. Напрасно говорилъ Болеславъ Смѣлый: «Bez gminy czemze Krol bendzie». (Лелев). Напрасно Локотекъ боролся на Хентинскомъ сеймѣ и пытался издать законы безъ исключенія для личностей. Безуспѣшно стоялъ за земство Казиміръ Великій (1347 г. статутъ на сеймѣ въ Вислицѣ). Онъ же на жалобы крестьянъ имѣлъ привычку отвѣчать: «Развѣ не имѣете камней и палокъ противъ притѣсненія пановъ». Нѣчто въ родѣ этого отвѣта мы видимъ позднѣе на жалобы Украинцевъ Владиславу; онъ спросилъ ихъ: «Не имѣютъ ли они у боку сабли»?... Но всѣ усилія этихъ королей не привели ни къ чему: сильные привиллегіями паны не страшились угрозъ, не боялись власти короля.—Казиміра прозвали даже холопскимъ королемъ и усилили свое своеволіе. Шляхетскіе сеймы выбирали себѣ сподручныхъ королей; тронъ Польши отдавался: кто болѣе дастъ вліятельнымъ панамъ, тотъ и дѣлался миѳическимъ королемъ, такъ какъ «*не позволямъ*»,— крикнутое на сеймѣ бѣгущимъ отъ побоевъ противной пар-

тіи шляхтичемъ, или, скорѣе, однимъ изъ дворни магната,—прекращало сеймъ, уничтожало его полезныя рѣшенія и всѣ попытки къ прекращенію неурядицы и самоволія. Короли были слабы, безъ самостоятельности въ рукахъ пановъ и ихъ партій и подъ гнётомъ пропагандистовъ іезуитовъ. Имъ обязана Польша уніей и отложеніемъ Малороссіи, что подкосило окончательно уже корень государственнаго зданія. Не было въ Польшѣ Іоанновъ IV, а были Валуа и Сигизмунды.—Могли ли они что сдѣлать, если воинственный и смѣлый Баторій не избѣгъ сѣтей іезуитовъ?! Польша изнемогала и должна была ждать неизбѣжнаго разложенія. Король Казиміръ, прощаясь, когда убѣгалъ отъ Поляковъ въ монастырь Франціи, пророчески сказалъ имъ: «Дай Богъ, чтобъ я былъ лжепророкомъ, но говорю по совѣсти, если вы не примете мѣръ, чтобъ устранить бѣдствія, которыя ведутъ за сабой ваши свободные, будто бы, выборы,—это прекрасное государство будетъ разорвано на части: Россія возьметъ Русь и Литву, курфюрстъ—великую Польшу и Пруссію; Австрійцы не забудутъ себя,—на ихъ долю достанется Краковъ и малая Польша; каждый изъ сосѣдей будетъ охотнѣе довольствоваться частью Польши, чѣмъ цѣлымъ государствомъ съ такими вольностями, какими вы пользуетесь теперь».

Могла ли Польша сравняться съ единоплеменницей—Русью?! Въ Руси сильный, живой народъ,—сильный своимъ старымъ укладомъ, сохранившій чрезъ то свое един-

ство, возсоздавшій государство въ 1612 году. Тамъ же народъ считался за нѣчто неодушевленное, въ угоду пановъ,—безотвѣтственный хлопъ. На сеймѣ 1733 года шляхта требовала права держать на цѣпи хлоповъ и убивать ихъ безнаказанно [28]).

То же бы самое случилось, если бы произошло обратное движеніе, если бы аристократія была поглощена народомъ, какъ въ Аѳинской республикѣ, которая, вслѣдствіе перевѣса народной силы, пришла къ тому же историческому результату, къ какому пришли Чехи и Поляки. Какимъ же образомъ этотъ процессъ историческаго равновѣсія высшаго и низшаго сословія совершился на Руси? Извѣстно что какъ на Руси, такъ и во всѣхъ прочихъ славянскихъ княжествахъ высшее сословіе образовалось изъ княжеской дружины. Порядокъ образованія сословій, слѣдовательно, одинъ и тотъ же. Между тѣмъ только въ этомъ пунктѣ мы видимъ сходство между всѣми славянскими племенами, а далѣе—полное разъединеніе въ историческомъ движеніи. Дружина на Руси не любима была народомъ, какъ не любимъ бываетъ всякій чуждый элементъ, входящій въ составъ государства. Дружина пришла съ князьями и имѣла исключительно военный, походный

---

[28]) Іезуитъ Скарга, врагъ православія и русской народности, говоритъ: «владѣлецъ или королевскій староста не только отнималъ у бѣднаго хлопа все, что онъ зарабатываетъ, но и убивалъ его самого, когда хотѣлъ; никто за это не могъ сказать ему ни одного слова (Костомаровъ Р. Ист. въ IV столѣт., стр. 228).

характеръ, вслѣдствіе чего не могла, конечно, сжиться съ общиной. Кромѣ того, если примемъ въ разсчетъ, что въ первоначальномъ общественномъ складѣ только-что начинающейся государственной организаціи всякая власть старалась перевѣсить въ общественномъ укладѣ мѣру своего значенія: князь съ дружиной—земщину, а эта земщина, въ свою очередь, старалась пересилить его власть,—тогда-то мы и увидимъ главную причину первоначальнаго разобщенія земщины съ княземъ и дружиной,—причину равнодушія къ интересамъ каждаго въ отдѣльности. Но она скоро измѣнилась: Москва потянула всю Русь къ себѣ. Теперь начинается самый интересный вопросъ: какое мѣсто займетъ дружина въ государственномъ устройствѣ? Умныя личности сѣверныхъ великихъ князей рѣшили его въ свою и земскую общинную пользу. Имѣя въ виду нелюбовь земщины къ дружинѣ, они постарались сильнымъ участіемъ въ тогдашнихъ народныхъ бѣдствіяхъ, происходившихъ отъ княжескихъ усобицъ, привлечь земщину на свою сторону, возбудить въ ней живѣйшую любовь къ себѣ и своему потомству [29]). Цѣль удалась какъ нельзя

---

[29]) Александръ Невскій пріобрѣлъ любовь народа не только своими побѣдами надъ Ливонцами, но и политическимъ обращеніемъ съ ханами Золотой орды. Онъ беретъ на себя собираніе дани для нихъ, чѣмъ облегчаетъ ея тяжесть и получаетъ за все это любовь и преданность своего народа.

Грозный караетъ жестоко малѣйшую попытку потомковъ князей и бояръ (дружины) на вліяніе, власть и значеніе въ государствѣ;

лучше: Князья стали во главѣ всякаго народнаго движенія; земщина полюбила ихъ, а дружина должна была покориться, покинутая и княземъ и земщиною. Сѣверные князья такимъ образомъ предупредили весь тотъ вредъ, который могъ произойти отъ сліянія первой съ послѣднею. Это постоянное стремленіе Московскихъ князей рѣшило въ ихъ пользу общинный бытъ русскаго народа; надо было только поддерживать это начало и постоянно сообщать ему новую силу и бодрость. Въ этомъ случаѣ князьямъ легко было осуществить свою затаенную мысль. Славяно-Русы, какъ мы выше говорили, на основаніи своего общиннаго элемента не могли дать мѣста наслѣдственнымъ родовымъ привиллегіямъ, какъ то было на Западѣ. Эти привиллегіи допускались только съ личнымъ значеніемъ, а ни-какъ не съ наслѣдственнымъ родовымъ. Община была всё, родъ— ничего [30]). Кастъ вначалѣ не было. Славяно-Русы не

но народу онъ даетъ выборныя права, самоуправленіе: губные старосты и цѣловальники отъ народа присутствуютъ въ судѣ (Судеб. Іоанна IV). Московскіе князья постоянно стараются купить у Татаръ покой своему народу разными подарками и поминками ханамъ и ихъ приближеннымъ.

[30]) Даже родовой бытъ не существовалъ въ полномъ его объемѣ между князьями. Старшій князь не былъ полновластный родовой начальникъ. Отношенія князей были только родственныя. Въ завѣщаніи Ярослава говорится о послушаніи ихъ другъ другу и ни слова о правахъ князя старшаго надъ младшими: всѣ права между князьями условливались родственнымъ чувствомъ обѣихъ сторонъ. (Сергіевичъ,—Князь и вѣче, стр 271). Мы видимъ часто, что не

любили творить разныхъ, большихъ и мелкихъ властелиновъ надъ самими собой, какъ это случилось на западѣ, гдѣ было завоеваніе, а не добровольное приглашеніе по согласію. Все это взятое вмѣстѣ съ постоянными княжескими усобицами, терзавшими Русь, легко могло перенесть сочувствіе къ великимъ сѣвернымъ князьямъ, которые искренно желали водворить спокойствіе и усилить Русь [31]). Изгои князья и ихъ дружиники, по стремленію великихъ князей, превратились въ ихъ слугъ или бѣжали въ Литву. Въ отношеніи къ дружинѣ (бояръ), великіе князья избѣ-

---

старшій былъ вліятеленъ, а сильный своей собственной личной высотой Мономахъ.

Дѣятели Грознаго царя были: Сильвестръ и Адашевъ,—люди, незнатные до того времени. По пресѣченіи съ Ѳедоромъ династіи Рюрика нѣтъ голоса въ пользу Рюриковичей, а было ихъ много; выбираютъ новаго человѣка, но дѣятеля того времени—Бориса Годунова.

[31]) Василій Темный присоединилъ всѣ удѣлы Московскаго княжества: Можайскій, Серпуховской, Дмитріевскій, Верейскій; княжества: Ярославское, Тверское и Вольный Новгородъ,—были присоединены Іоанномъ III.—Василій Іоанновичъ—Рязань и Псковъ. Удѣльные князья и великіе этихъ городовъ бѣжали въ Литву, а другіе поступили въ слуги великаго князя. Замѣчательно, что во всѣхъ присоединенныхъ княжествахъ, въ средѣ ихъ населенія не встрѣчалось ни малѣйшаго сопротивленія волѣ великихъ князей Московскихъ. И наоборотъ: Василію Темному Москвичи открыли ворота, когда онъ возващался въ Москву изъ заточенія. Ясно, что самъ народъ понималъ свою силу,—понималъ, что она заключается въ единеніи; ему нравился укладъ Московскихъ князей собирателей; въ нихъ онъ видѣлъ осуществленіе своей мысли. Въ 1478 году Іоаннъ сказалъ Новгородцамъ: «Вѣчеваго колокола въ

жали ошибки западныхъ Славянъ, гдѣ они возвысились надъ земщиной и превратились въ феодальныхъ грабителей и угнетателей народа, чему способствовало феодальное католическое устройство. Но нужно было избѣжать властолюбія земскаго—своеволія черни—своеволія, которое рано или поздно приводитъ государство къ погибели, какъ всякая неразумная крайность. Князья избѣжали удачно и эту ошибку Аѳинской республики. Бояре были отдаляемы, если они желали возвратить привиллегіи древней дружинѣ—значеніе совѣтниковъ, думцевъ и частью пѣстуновъ князя [32]). Сѣверному князю нужно было не боярина Феодала, не само-

---

Новгородѣ не быть, посадника небыть, а государство все намъ править». Вотъ гдѣ вполнѣ видна мысль и народа, и великихъ князей.

Въ 1484 году покорена Тверь.

Въ 1489 году—Вятка.

Въ 1509 году Василій снимаетъ колоколъ въ Псковѣ.

Въ 1523 году присоединяется Рязань.

[32]) Іоаннъ IV укоряетъ въ письмахъ къ Курбскому бояръ за то, что они его ввели подъ Казань въ битву, и ставитъ это какъ вину противъ себя. Самое сильное гоненіе на оставшихся потомковъ отъ удѣльныхъ князей и дружинниковъ мы видимъ при Іоаннѣ IV.—Достигнувъ до высоты помысловъ своихъ предшественниковъ, видя примѣры необузданности бояръ въ молодости онъ желалъ окончить эту борьбу удѣловъ и дружины съ единовластіемъ. Грозному царю нѣтъ нужды въ совѣтникахъ—руководителяхъ: онъ много отъ нихъ вытерпѣлъ; ему нужны *слуги царскіе*. Самое раздѣленіе на земство и опричнину и удаленіе въ Александровскую слободу ничто иное, какъ способы для успѣха этой борьбы. Въ сожженіи разрядныхъ книгъ мы видимъ полное торжество иниціативы Московскихъ князей.

властнаго дружинника, а боярина съ помышленіями общины и такимъ образомъ одинаковаго съ нею взгляда, который бы жилъ съ общиной одной и тою же жизнію, могъ бы быть разумнымъ представителемъ ея потребностей передъ великимъ княземъ. Слѣдовательно, тутъ ясное различіе между боярствомъ Запада и боярствомъ русскимъ. Первое основано на внѣшней власти, родѣ, мечѣ и насиліи; второе—на довѣріи земщины и нравственномъ значеніи. Реформы XIX вѣка въ особенности представляютъ явное соглашеніе съ началами древняго русскаго уклада.

Въ сущности дружина не была уничтожена сѣверными князьями, но ей было дано только другое направленіе, другое примѣненіе во внутренней народной жизни къ дѣламъ общины и земщины. Русь избѣжала крайности какъ аристократической, такъ и демократической: балансъ историческій не нарушился и она одна изъ всѣхъ славянскихъ племенъ сохранила свою самостоятельность: она сдѣлалась двигателемъ для всѣхъ прочихъ павшихъ славянскихъ племенъ въ смыслѣ общиннаго земскаго быта, всегда роднаго славянскимъ народамъ, безъ котораго дальнѣйшее ихъ существованіе невозможно.

Впослѣдствіи, при разборѣ собственно дружины, мы увидимъ различіе между словами: старшая и младшая дружина и какой переворотъ постигъ ту и другую.

Теперь же мы прослѣдимъ историческую судьбу бояръ-земцевъ,—явленіе чисто общинное, народное,—тогда передъ

нами еще болѣе развернется картина внутренняго устройства, отношеній дружины къ земщинѣ, и, наоборотъ, яснѣе раскроется общинное начало тогдашней древней Руси. Но достигнуть этого результата вполнѣ можно только чрезъ сравненіе бытоваго уклада Новгорода со всею остальною Русью [33]). И мы увидимъ тогда, что боярство получило свою новую форму вслѣдствіе общиннаго земскаго развитія древней Руси. Надо упомянуть, что говоря о земщинѣ и общинѣ древней Руси, необходимо брать за основу изслѣдованій Новгородъ; въ немъ съ большею силой и самостоятельностью, чѣмъ въ другихъ областяхъ, въ широкихъ размѣрахъ развилось самоуправленіе славянскихъ племенъ, хотя главною основой всей Руси, во всѣхъ ея княжествахъ, подобно Новгороду, былъ укладъ вѣчевой. Въ новгородскомъ земскомъ бытѣ, кромѣ бояръ-дружинниковъ, были еще бояре земскіе—слуги не князя, а народа, выдѣлявшіеся своимъ богатствомъ, умомъ и нравственнымъ политическимъ вліяніемъ изъ того же самаго

---

[33]) Сродство между Новгородскою областью и землями княжествъ и удѣловъ уничтожаетъ возможность думать, что удѣлы или княжества были созданіемъ князей; напротивъ, вынуждаетъ убѣжденіе, что они составляли съ Новгородскою землей живые члены живаго тѣла Руси (Госуд. и народ. В. Н. Лешкова, стр. 218).

Ни города, ни земли не дѣлились на княжества, а княжества—по городамъ и землямъ. Родоваго тутъ уклада допустить нельзя; здѣсь выступаетъ другое устройство—*общинное*. Отдѣльность городовъ и общинъ поддерживалась не отдѣльностью родовою, а общинною (Аксаковъ,—пол. сочин.).

народа. Они были заступники и защитники его, а не княжескихъ выгодъ. Это полезное для самоуправленія Новгорода сословіе было болѣе чѣмъ необходимо во времена междоусобій удѣльной Руси; оно давало возможность Новгороду сопротивляться отъ захвата воюющихъ князей. Но оно впослѣдствіи повлекло къ печальнымъ результатамъ: свободолюбивый Новгородъ, стоявшій долгое время твердо противъ замысловъ князей, желавшихъ изъ выгодъ подчинить его, не сталъ входить въ интересы русскаго народа,— интересы общіе, сталъ вполнѣ отдѣляться и думать о томъ, что полезно только его новгородской общинѣ. Такимъ образомъ Новгородъ вынужденъ былъ опасаться всякаго малѣйшаго проявленія соединенія русскихъ общинныхъ силъ въ какомъ-нибудь центрѣ. И когда это совершилось на сѣверѣ, гдѣ вся русская община видѣла свое спасеніе, то Новгородъ вступилъ въ борьбу, которая была свыше его силъ. Излюбленные большіе люди Новгорода, помогавшіе родному городу долгое время, не поняли великаго значенія общины, собравшейся подъ твердою рукой князей московскихъ. Этотъ постепенный ходъ отъ образца общиннаго устройства, какимъ былъ самъ по себѣ Новгородъ, до отчужденія и отклоненія отъ общерусскаго пути — мы укажемъ далѣе. Теперь обратимся къ боярамъ-земцамъ, которые не удержались въ прочихъ областяхъ Русской земли, по стеченію историческихъ случайностей, но сохранились въ полной силѣ въ новгородскомъ укладѣ до са-

мого конца паденія Новгорода [34]). Мы знаемъ, что въ первыя времена развитія государственно-общинной жизни, кромѣ старшей дружины, совѣтницы князя въ его думахъ и походахъ, были во всей Руси еще бояре-земцы [35]). На это намъ указываютъ договоры князей Олега и Игоря съ Греками, войны Святослава и дѣтей его и совѣщаніе Владиміра по случаю принятія христіанства. Но въ послѣдующій періодъ княжескихъ междоусобій, для которыхъ, конечно, важнѣе была собственно ихъ военная дружина, которую князь могъ послать на войну, чѣмъ бояре-земцы, не имѣющіе никакой необходимости отрываться отъ своихъ занятій для походовъ, развѣ если вся земщина предпринимала ихъ. По общности своихъ интересовъ бояре-земцы,

---

34) Смотри Бѣляева «Новгородъ».

35) Поземельное владѣніе въ древней Руси раздѣлялось на общинное и частное. Общинною землей члены общины имѣли право пользоваться. Частная собственность пріобрѣталась личностями, собственными ихъ трудами, издержками и прісбрѣтеніями и составляла ихъ неотъемлемое достояніе. Бояре земскіе были богатые собственники, пріобрѣтшіе земли разработкою и расчисткой пустыхъ земель подъ пашни.

Частныя лица, имѣвшія достаточно силъ для пріобрѣтенія этихъ пусто-порожнихъ земель и охраненія ихъ, такимъ образомъ дѣлающія личными средствами то, что дѣлали общества общими, натурально, получали перевѣсъ надъ другими своими соплеменниками и дѣлались вліятельными лицами общины: лучшими людьми, сильными собственниками, земскими боярами; слово это: отъ болій-большій болярипъ-бояринъ (Бѣляевъ.—Разск. изъ Русск. Истор. стр. 46, 49, 48, 50, 51,—кн. II). Тѣ изъ собственниковъ, которые пріобрѣли себѣ земли чрезъ выжиганіе для пашни лѣсовъ,

понятно, должны были слиться съ земщиной и потерять, по этой общности интересовъ съ выгодами народа, окончательно свой наслѣдственный характеръ.

Земскіе бояре, чтобъ удержать свое значеніе и боярскій родъ, перешли въ старшую дружину князя. На Новгородъ же вліяли совершенно другія естественныя историческія условія. Призвавши Рюрика и отдѣлившись отъ непосредственной власти его потомства, воспользовавшись норманской ихъ страстью къ завоеванію и искреннею благодарностію къ себѣ Владиміра Св. и Ярослава,—Новгородцы получили отъ нихъ широкія права и льготы, сильно ограничивающія у нихъ власть князя. Если скажутъ, что этихъ грамотъ не было и что это, быть-можетъ, были только

назывались *огнищанами*. Памятники XII столѣт. прямо называютъ новгородскихъ бояръ этимъ именемъ.

Въ своемъ имѣніи землевладѣлецъ былъ полный хозяинъ, владыка; а самое его имѣніе называлось волостью (Волость Марѳы Борецкой, Ананіева и др.); въ нихъ заводили они села, торги и собирали вольныхъ людей для обработки пашни и снаряженія каравановъ, для продажи своихъ произведеній

Поземельное владѣніе въ древнихъ юридическихъ актахъ обыкновенно опредѣлялось слѣдующими словами: «А земля моя, куда топоръ, коса, соха ходили». Границы поземельной собственности опредѣляются тѣмъ пространствомъ, «которое захватилъ мой трудъ», а первымъ трудомъ для обработки земли въ древности было выжиганіе дикаго лѣса, слѣдовательно, мое огнище, выжженное мною пространство дикаго лѣса, означаетъ то же, что моя поземельная собственность; а огнищанинъ значитъ землевладѣлецъ (Бѣляевъ,—Разсказы изъ русской Исторіи, стр. 50, томъ II.

словесныя обѣщанія и преимущества со стороны упомянутыхъ двухъ князей, и что эти обѣщанія они не только не нарушили, но, напротивъ, старались поддерживать всегда во все продолженіе своего княженія,—все таки же Новгородцы пользовались этими привилегіями, какъ уже получившими силу обычая, силу преданія. Но, намъ кажется, что подобное предположеніе лишено всякаго основанія. И вотъ по чему: потомки этихъ князей—князья удѣльные—въ своихъ спорахъ и властолюбивыхъ замыслахъ постоянно нарушали даже писанные договоры, подтвержденные крестнымъ цѣлованіемъ; но никогда ни одинъ изъ нихъ не смѣлъ посягнуть на льготныя грамоты сына Владиміра—Ярослава; никогда ни одинъ изъ нихъ не опровергалъ ихъ существованія. Спорили князья съ Новгородцами только о томъ, что они принадлежатъ къ отщинѣ Рюрикова рода вообще и въ частности къ племени того князя, который ближе къ нимъ, имѣлъ свои владѣнія и чаще и продолжительнѣе другихъ давалъ изъ своего рода князей Новгороду. Слѣдовательно, грамоты Ярослава были писанныя у Новгородцевъ и на сохраненіе ихъ они заставляли цѣловать крестъ Великому Новгородцу. Сила же новгородская удерживала только властолюбивыхъ, не дорожившихъ клятвою князей, отъ измѣны клятвѣ и грамотамъ Ярослава, которыя были, по всей вѣроятности, только болѣе сильное подтвержденіе льготъ Владиміра Святаго. Повторяемъ, князья никогда не спорили за грамоты, а за владѣ-

ніе Новгородомъ, отчиною и дѣдиною Рюриковскаго рода, вообще и въ частностяхъ извѣстнаго княжескаго племени, каково было потомство сѣверныхъ суздальскихъ князей. Мы не знаемъ, можетъ-быть Иванъ III, уничтожившій самостоятельность Новгорода, уничтожилъ вмѣстѣ съ нею и главные источники этой самостоятельности грамоты Ярослава. Лѣтописи могли не упоминать о такихъ важныхъ документахъ свободы Новгородской, извѣстныхъ и князьямъ и всей землѣ Русской. Не все же записывали лѣтописи: многое и самое главное могло не попасть на ихъ столбцы, на основаніи всеобщей извѣстности, что мы часто находимъ уже въ лѣтописяхъ гораздо позднѣйшихъ, записанныхъ по людской памяти. Большею частью записывалось лѣтописцемъ только то, что подлежало спору и за нимъ крайней враждѣ и кровопролитіямъ. Лѣтописецъ записываетъ: чья сторона права и на какомъ именно основаніи права; тогда онъ и выставлялъ, по обыкновенію, въ подлинникѣ тѣ или другія грамоты, въ которыхъ заключались нарушенныя какимъ-либо княземъ льготы народа. О существованіи же въ дѣйствительности новгородскихъ грамотъ Ярослава и ихъ подложности никогда не было сомнѣнія и споровъ между господиномъ Новгородомъ и его князьями, и нѣтъ ни одной лѣтописи, которая-бы разсказала намъ что-нибудь по этому поводу. О томъ же, что Новгородцы имѣли грамоты Ярослава, есть хотя косвенный намекъ въ Новгородскихъ и прочихъ русскихъ лѣтописяхъ,

*

гдѣ Новгородцы, по прибытіи къ нимъ на столъ княжескій какого-либо изъ князей, постоянно говорили: «Цѣлуй, княже, крестъ на всей волѣ Новгородской» [35]), и князь никогда не оспаривалъ грамотъ Ярослава и цѣловалъ крестъ, завѣряя этимъ самымъ свое полное согласіе на ихъ

---

[35]) Грамоты (Ярослава) до насъ не дошли и въ чемъ онѣ состояли, въ подробности не знаемъ; но то несомнѣнно, что таковыя грамоты были между Ярославомъ и Новгородцами и заключали въ себѣ именно условія отношеній князей къ Новгородцамъ (Бѣляевъ,—Рус. Ист., Новгородъ, стр. 186).

Для опредѣленія отношеній Ярослава съ Новгородцами, были составлены особыя грамоты, извѣстныя подъ именемъ Ярославовыхъ грамотъ (Тамъ же, стр. 214).

Лѣтописныя грамоты Ярослава, къ несчастію, не дошли до насъ; но въ прошломъ столѣтіи онѣ еще были цѣлы. Лѣтописи о нихъ упоминаютъ ясно въ 1229 году и косвенно во многихъ грамотахъ этого времени (Погодинъ,—Изслѣд. и замѣт., томъ III, стр. 352).

Они (Новгородцы) принимали князя къ себѣ и обыкновенно говорили такъ: «На всей волѣ новгородской и на всѣхъ грамотахъ Ярославлевыхъ ты намъ князь» (Бѣляевъ—Новгородъ, стр. 166).

У Соловьева, объ отношеніи Новгородцевъ къ великому князю, сдѣланъ перечень всѣхъ случаевъ, гдѣ упоминается о Ярославовыхъ грамотахъ, которыми князья должны были руководиться при управленіи Новгородомъ. Относятся эти случаи къ 1228—29—30—39 годамъ.

Въ 1036 году Новгородцамъ, за прежнее къ нему усердіе и любовь, многія и даже до излишества даровалъ преимущественныя предъ прочими подданными грамоты и въ податяхъ льготу (стр. 113,—Зер. Рус. Госуд.—Мальгинъ). Софійской Временникъ, (стр. 1—184). «Списавъ грамоту, рече (Ярославъ): по сему ходите и держите, якоже списахъ вамъ» (Грамота Ярослава Новгороду). Нѣтъ никакаго основанія сомнѣваться въ дѣйствительности этой первообразной грамоты (Кост.—Сѣв. Рус. народопр., ч. 1, стр. 46).

существованіе. И ни одинъ князь никогда не садился на столъ Новгородскій безъ этой присяги на грамотахъ Ярослава и безъ спора уходилъ изъ Новгорода, когда его выгоняли за нарушеніе ихъ. Послѣ всего этого, крайне сомнительно, чтобы Новгородцы не имѣли писанныхъ грамотъ Ярослава. Упомянутыя грамоты Владиміра, подтвержденныя съ особою силой Ярославомъ, дали Новгороду со-временемъ полную возможность совмѣстить въ своей общинѣ всю княжескую власть, оставивши на долю князей самое слабое административное значеніе, ограниченное рѣшеніемъ вѣча. Земщина въ Новгородѣ была все, князь почти-что ничего. Широкая торговля со всею Русью и со многими пограничными европейскими городами [36]) и развив-

---

[36]) Русская торговля уже въ 9—10 вѣкѣ была обширна съ Самаркандомъ, Бухарой, Бактріей, Германіею, Греціей. Сосредоточіемъ греческой торговли былъ Кіевъ и она взяла такой широкій размѣръ, что купцы, занимающіеся ею, имѣли особое названіе «Гречьниковъ», и, для обезпеченія ихъ возвращенія, князья собирались съ своими дружинами въ Коневъ, чтобъ оберегать ихъ путь отъ кочевниковъ южныхъ степей. О торговлѣ Кіева говорятъ Константинъ Багрянородный (950), Адамъ Бременскій (1076), Сак. Граматикъ (1204), Дитмаръ (1020), Ибнъ-Фоцланъ и Ибнъ-Гаукалъ (922—69). Новгородъ былъ однимъ изъ торговыхъ городовъ Ганзейскаго торговаго Союза; купцы ѣздили съ товаромъ за море; иностранные торговые люди имѣли свои дворы и церкви въ Новгородѣ. Новгородо готландская грамота 1300 года (Карамзинъ, — том. III, примѣч. 244) опредѣляла ясно отношенія Новгорода и его купцовъ, дѣлимыхъ на зимнихъ и лѣтнихъ. О торговлѣ Смоленска и Полоцка сохранился драгоцѣнный памятникъ—договоръ

шееся такимъ образомъ несмѣтное богатство [37]) постоянно давали князьямъ чувствовать всю силу грамотъ Ярослава и всю волю свободо-любиваго народа. При такомъ маловажномъ значеніи князя въ. Новгородѣ, понятно, что исключительно только въ немъ могло удержаться древнее со-

---

смоленскаго князя Мстислава Давыдовича съ Ригой и Готскимъ берегомъ въ 1228 г. (Карамзинъ.—Погодинъ).

Sertorius (Gesch des Han.) говоритъ, что Новгородъ былъ цвѣткомъ Ганзейской торговли. Этотъ городъ своей обширностью превышалъ всѣ нѣмецкіе и ломбардскіе города и былъ столицей ганзейской торговли. Обью и Двиной Новгородцы владѣли съ X вѣка, Емью съ XI в., Печорой, Пермью, Кореліей съ XI вѣка, Югрой съ XII вѣка. Издревле судоходство процвѣтало у Славянъ. Несторъ полагаетъ 2.000 кораблей въ походѣ Игоря, вмѣщающіе по 40 ратниковъ (тоже Хр. 1 ред. списокъ 17 ст. 2—170). Визант. пис. Георгій, Семіонъ Магистеръ, Леонъ Граматикъ говорятъ, что флотъ Игоря состоялъ изъ 10.000 судовъ, по Зонорасу-изъ 15.000; Ибнъ-Фоцланъ считаетъ его войско въ 100 т.

По Константину (Церем.) 20 pamphyles вмѣщали 830 воиновъ: отъ 40 до 42 на лодку; что сходно съ Несторомъ.

Не лишнее, говоря о торговлѣ, помянуть про былину о «Садкѣ», содержаніе которой всякій подробно знаетъ.

[37]) Богатства князей и частныхъ лицъ были, по лѣтописямъ, очень велики. Въ Ипатіевскомъ спискѣ говорится о Владимірѣ: «Икону же списа на золотѣ намѣстную св. Георгія и гривну золотую возложи нань съ жемчугомъ». Въ Лаврентіевской лѣтописи: «Михаля же бьюще и отторгаша на немъ крестъ и цѣпи въ гривну золота».

Владиміръ: «Устрои праздникъ, раздая убогимъ 300 гривенъ (996 г.).

Взбунтовавшіеся Кіевляне на Изяслава въ 1067 г., разграбили го дворъ: золота и серебра кунами и бѣлью (Лавр. лѣт., стр. 74).

слов… всей Русской земли бояръ-земцевъ, какъ представителей интересовъ общины. И князья новогородскіе, какъ ни усиленно желали, не могли добиться себѣ господства отъ новгородской земщины [38]). Изъ всѣхъ тогдашнихъ об-

---

Подарки Святослава, говоритъ Ламбертъ Ашафенбургскій, изумили генриха IV, Германскаго императора: Нѣмцы не видали столько золота, серебра и тканей.

Владиміръ Мономахъ поднесъ своему отцу въ 1078 г. 300 гривенъ золота; онъ же оковалъ гробы Бориса и Глѣба золотомъ и серебромъ (Ипат. лѣтоп.).

Князь Василько Ростиславлевичъ выкупилъ брата изъ плѣна Поляковъ въ 1122 году за 2.000 гривенъ серебра (Ипат. лѣт.).

Владиміръ Галицкій заплатилъ Всеволоду Ольговичу въ 1144 г. 1.400 гривенъ (Ипат. лѣт.).

Ярославъ Галицкій въ 1174 году далъ союзникамъ Ляхамъ 3.000 гривенъ серебра (Ипат. лѣт.).

Святославъ въ 1146 году заплатилъ Ивану Берлондику 200 гривенъ серебра, 12—золота.

Ипатіевская же лѣтопись подъ 1175 годомъ восхваляетъ Андрея Боголюбскаго за то, что онъ много золота, серебра, жемчугу, каменьевъ потратилъ на устройство церкви.

О частныхъ богатствахъ можемъ судить также по лѣтописи: Варягъ Симонъ на построеніе храма Печерскаго далъ 100 гривенъ золота и распятіе въ 50 гривенъ. Георгій, его сынъ, далъ на раку св. Ѳеодосія 500 гривенъ серебра и 50—золота, и гривну въ 100 гривенъ золота. Захарій, боярскій сынъ,—200 гривенъ золота, 200 серебра на сооруженіе храма Іоанна Предтечи. Самыя узаконенія Мономаха о процентахъ доказываютъ, что деньги были въ ходу. Клады, находимые, часто содержатъ арабскія деньги. Эти клады доказываютъ, что выгоды торговли прятались въ запасъ, какъ излишекъ.

[38]) Не завидна была участь князей новогородскихъ и шатко было ихъ положеніе въ вольномъ городѣ. Малѣйшее неудоволь-

ластей, самая нелюбимая область всѣми племенами древней Руси была Новгородская, особенно Суздальскою землею, въ эпоху развитія ея могущества. Весь народъ сѣверный и всѣ тогдашнія ихъ лѣтописи называютъ Новгородцевъ прямо измѣнниками [39], всегдашними бунтовщиками. Всѣ роды княжескіе: кіевскіе, черниговскіе, смоленскіе, суздальскіе и другіе, посылая сыновей или приверженцевъ своихъ князей въ Новгородъ, считали пребываніе ихъ тамъ не прочнымъ: всѣ не надѣялись на Нов-

---

ствіе вѣча,—и князю говорили: «путь широкъ, кланяемся тебѣ». Съ самаго Рюрика власть выбранныхъ князей была ограничена условіями, все болѣе и болѣе стѣсняемыми со временъ Ярославовыхъ грамотъ и развитія самостоятельности управленія вѣча. Князь не имѣлъ власти,—судъ его могъ быть дѣйствителенъ при присутствіи посадника; предводительствовалъ онъ войскомъ съ помощью же посадника и земскихъ бояръ. Несмотря на то, Новогородскаго княженія искали. Какая же причина была этому? Содержаніе, хотя и опредѣленное, но все же, сравнительно, ему давалось большее: пахатныя и сѣнокосныя земли, земли для охоты въ окружностяхъ на 60 верстъ, вокругъ Новгорода,—въ Руссахъ таковая же чрезъ три года и, кромѣ того, ловы рыбы въ Ладогѣ.

Приведемъ указаніе лѣтописи на то, что дѣлали съ князьями, въ случаѣ неудовольствія на нихъ. Въ 1095 году Давыду Святославовичу показали путь; въ 1102 году, когда Святополкъ хотѣлъ посадить своего сына, Новгородцы сказали ему: «Аще ли двѣ головы имѣетъ твой сынъ, то пошли его». въ 1113 году Новогородцы утвердили право суда надъ княземъ; первый судился ими Всеволодъ Мстиславовичъ (Бѣляевъ—Новгор., стр. 182—197 и лѣтописи).

[39]) Смотри лѣтоп. Переясл. Суздал., стр. 80.

городъ при начатіи какаго-либо славяно-русскаго предпріятія; всѣ были убѣждены, что Новгородцы чужды къ мѣрамъ общаго государственнаго единства раздробленныхъ русскихъ племенъ. И мало этого, что они были равнодушны къ крѣпкой государственной организаціи всей тогдашней Руси, но и всѣми силами старались разстроить это единство, ссоривши князей между собою, если только сколько нибудь замѣчали, что одинъ центръ Руси беретъ верхъ надъ прочими частями, съ крѣпкою, неотразимою силой тянетъ ихъ къ себѣ, во имя племеннаго сродства, вѣры, языка и обычаевъ.

Новгородцы всегда принимали или выгоняли своихъ князей по чувству вещественныхъ выгодъ и по значенію въ данный моментъ извѣстнаго князя: принимали вліятельныхъ, сильныхъ: показывали путь неудовлетворявшимъ этимъ выгоднымъ условіямъ. Напримѣръ, послѣ защиты Новгорода Романомъ Ростиславовичемъ отъ войскъ Андрея Боголюбскаго, они примиряются съ послѣднимъ и выгоняютъ Романа, даже просятъ сына Андрея себѣ въ князья. Такъ какъ торговля съ Азіей и подвозы въ Новгородъ хлѣба зависѣли отъ князей суздальскихъ, надо было быть съ ними въ согласіи, иначе выгоды торговли и подвозъ хлѣба могли остановиться.

Новгородъ одинъ изъ главныхъ городовъ Ганзы, съ обширною торговлей въ Азіи, въ Византіи и на западѣ, имѣвшій излишекъ въ произведеніяхъ разныхъ странъ,—былъ

бѣденъ своей непроизводительною почвою: часто онъ подвергался голоду и нуждался въ продовольствіи и подвозѣ хлѣба изъ другихъ княжествъ, и часто, могучій и вольный, онъ долженъ былъ заискивать въ этихъ княжествахъ, для свободнаго пропуска товаровъ.

Вотъ одна изъ главныхъ причинъ того, что Новгородъ лавировалъ при выборѣ князей, призывалъ и смѣнялъ такъ часто ихъ, смотря на ту пользу, которую они могли доставить своимъ присутствіемъ. Имъ нужны были, на основаніи сказаннаго, такіе князья, которые могли вліять на сосѣднія княжества, въ пользу пригласившаго ихъ къ себѣ коммерческаго города. Въ этомъ-то надо искать причину того, отъ чего Новгородъ держался то стороны одного, то другаго князя при спорахъ родовъ Святославичей и Всеволодовичей. Новгородъ противоставитъ этихъ князей одинъ другому, возбуждаетъ между ними соревнованіе [40]). Въ особенности же онъ препятствовалъ государственному строю и перевѣсу Суздальской земли надъ прочими княженіями Руси. Увидавъ, что могущество рода Всеволода (Юрія Долгорукаго) и области Суздальской угрожаетъ поглотить и слить въ одно крѣпкое цѣлое прочіе раздробленные и разъединные между собой удѣлы Русской земли, онъ немедленно пригласилъ къ себѣ Мстислава Удалаго. Лишь только храбрый Мстиславъ, неспособный къ высшимъ государст-

---

[40]) Чтеніе Ист. Древ. 1869 г., IV том., стр. 84.

венными политеческимъ цѣлямъ, ослабилъ на нѣкоторое время могущество Суздальской земли и посадилъ во Владимірѣ слабаго Всеволодова сына Константина [41]), какъ Новгородцы, не ожидая уже опасности, воспользовались великодушіемъ Мстислава и нисколько не поддерживали ни его, ни его родъ, когда онъ отъ нихъ удалился. Трудно приходилось Новгородцамъ и ихъ волѣ отъ сѣверо-западныхъ сосѣдей Литовцевъ, Шведовъ и Нѣмцевъ; они просили Александра (Невскаго) избавить ихъ отъ непрошенныхъ гостей и, въ благодарность за дѣятельную его помощь, вѣчно возмущались противъ него и его сыновей. Во времена татарскаго нашествія, для отбоя силы Монголовъ и защиты родной земли, вооружались всѣ области Русской земли, однихъ Новгородцевъ не видно: имъ не дорога была свобода Руси,—имъ хотѣлось ослабить, на сколько можно болѣе, своихъ сосѣдей, уничтожить ихъ объединяющее вліяніе на Новгородъ. Средствомъ къ этому, какъ нельзя лучше, служили Татары; до нихъ же было далеко. Во время монгольскаго захвата легче было откупаться деньгами отъ чужихъ, чѣмъ отъ своихъ князей, думавшихъ, что Новгородъ есть ихъ исконная отчина и дѣдина. Наконецъ передача ихъ Казиміру литовскому служитъ самымъ лучшимъ доказательствомъ,

---

[41]) Константинъ Всеволодовичъ не былъ князь воитель, а болѣе прилагалъ свои старанія на пути умственнаго развитія народа, въ 1214 году онъ оставилъ собранную библіотеку училищу, устроенному имъ, и далъ вотчину на содержаніе.

что народъ новгородскій лишенъ былъ всякаго пониманія славянскаго единства, племенной гордости и общей высокой чести всей Руси. Этого и нельзя было требовать отъ Новгородцевъ: поставленные искони въ торговыя сношенія съ западомъ и сѣверомъ Европы, съ Востокомъ до дальнихъ оконечностей Урала, до Астрахани и Персіи, чрезъ Днѣпръ, до Греціи и Крыма,—Новгородцы потеряли въ коммерческихъ матеріальныхъ выгодахъ и разсчетахъ духовную политическую сторону славянскаго народа. У нихъ цѣлью достиженія сдѣлалось богатство; все остальное не имѣло никакого значенія: жадные до денегъ и пріобрѣтеній, они были равнодушны къ интересамъ и высокимъ духовнымъ задачамъ всей земли Русской. Если они старались хранить славяно-русскіе обычаи, вѣру [12]), языкъ, свой земскій строй, свою связь съ князьями и народомъ русскимъ, то единственно для того, чтобъ имѣть въ тѣхъ и другихъ всегдашнихъ защитниковъ своей свободной торговли. Отступись князья отъ неутомимаго преслѣдованія своей всег-

---

[12]) Хотя намъ извѣстно, что и новгородскій владыка, передъ рукоположеніемъ, давалъ обѣтъ повиновенія митрополиту; но когда политическія отношенія Новгорода къ Кіеву, а впослѣдствіи къ Москвѣ, сдѣлались враждёбны, то это отражалось и на церковныхъ отношеніяхъ (Лекціи каноническаго права Н. К. Соколова).—Новгородцы, не желая идти на судъ митрополита, послали посла въ Константинополь, который твердилъ: «Не хотимъ судиться у митрополита, просимъ вашего благословенія, а если не благословите, то сдѣлаемся латинами (тамъ же).

дашней идеи: «Новгородъ исконная наша дѣдина и отчина,»—Новгородцы, не имѣя высокой народной нравственной силы, при первомъ напорѣ чужеродцевъ, безъ помощи князей, не удержали бы самобытное значеніе своего города. Одинъ классъ въ Новгородѣ хранилъ еще нѣсколько духовную связь съ Русью—это чернь, которая доказала свою способность въ общей русской государственной, а не мелочной торговой жизни при Іоаннѣ III.—Она одна умѣла пожертвовать своими интересами для блага историческаго призванія всей Русской земли, противоставъ желанію аристрокатіи и торговыхъ людей, которые старались подчиниться Казиміру Литовсвому [43]). Новгородцы прошли

[43]) Разбогатѣвшіе торговые люди Новгорода—потомки посадниковъ, богатые землевладѣльцы—составили въ немъ аристрократическій элементъ, желающій владѣть и управлять по произволу и эгоистическимъ побужденіямъ. Чернь, съ историческими преданіями свободы и равноправности, не могла и не хотѣла уступить свои права. Возникли распри, раздѣлились на партіи, доходило до схватокъ. Партіи *концовъ*, съ давними вожатаями во главѣ, нападали одна на другую (въ 1380 году Славянскій конецъ на Софійскій по поводу Патрикѣева. Въ 1421 году Неревскій съ Славянскимъ концомъ за Людина Клемента Артемьева, разграбили домъ посадника Андрея Ивановича. Въ 1418 году чернь сбросила боярина Божана съ моста въ Волховъ). Партія Борецкихъ, боясь властолюбія Москвы, требуетъ на вѣчѣ присоединія къ Литвѣ (въ 1470 году): «Хотимъ за короля Казиміра» (Бѣляевъ—Новгородъ, стр. 50). Въ это время партія національная русская, прибѣгаетъ къ помощи Іоанна III.—Битвы 1471 года при Коростынѣ и Шелонѣ были гибельны для Новгородцевъ. Младшіе, меньшіе люди, требовавшіе міра съ Москвой (И. Д. Бѣляевъ, 512. Новгородъ) радостно принимаютъ моленіе черни: «Хорошо бы было, братія, ежели бы вы

тотъ путь, который пройти имъ назначала судьба. Они до nec plus ultra развили земскую жизнь и ея основы во всей

бабъ (Борецкую) и молокосовъ не слушали и зла не начинали». Посольство къ Іоанну молитъ его о помилованіи,—онъ прибылъ въ Новгородъ, простилъ его, оставилъ бывшее его право и вольности; но взялъ себѣ Двинскую область (тамъ же, стр. 520). Борьба партій въ Новгородѣ не превращается. *Судная докончальная грамота*, утвержденная вѣчемъ, для прекращенія неправды и своеволія, не ограждаетъ судъ отъ вооруженныхъ нападковъ: концовъ, улицъ, богачей, съ помощью наемной толпы, сами судьи выбираются подкупомъ пьяными ватагами (стр. 526, тамъ же). Кромѣ партій Казиміра Литовскаго и Москвы, возникаютъ еще двѣ: богачей и бѣдняковъ; но несильнымъ младшимъ людямъ нѣтъ возможности укрыться отъ сильныхъ; даже боярскіе люди, въ надеждѣ на заступничество своихъ господъ, грабятъ ихъ безнаказанно (тамъ же стр. 331). Не отъ кого ждать защиты: судъ, власть все въ рукахъ сильныхъ,—и угнетенные просятъ Іоанна о судѣ и расправѣ. Въ 1475 году прибылъ въ Новгородъ князь московскій чинить этотъ судъ и расправу и потомъ призываетъ для того же Новгородскую власть къ себѣ въ Москву. Въ 1477 году Московская партія усилилась нисшими людьми и предложила на вѣчѣ великому князю быть государемъ Новгорода, съ правомъ имѣть въ немъ своего намѣстника и тіуновъ. Посольство, отправленное къ Іоанну съ этимъ предложеніемъ, конечно, было принято благосклонно; но, возвратясь, послы встрѣтили на вѣчѣ сильную готовую оппозицію партіи Казиміра. Посадникъ старый, Василій Никифоровъ, былъ убитъ и мятежъ продолжался трое сутокъ. Торжествующая партія Литвы посылаетъ другое посольство къ Іоанну; они говорятъ: «Мы той грамоты не посылали, а которые вздумали признать тебя государемъ безъ нашего вѣдома, то ты ихъ самъ вѣдай и самъ казни, и мы ихъ также, гдѣ котораго поимаемъ, хотимъ казнить, а вамъ своимъ господиномъ челомъ бьемъ». Слѣдствіемъ была война: въ 1477 году Іоаннъ пошелъ на Новгородъ. И Новогордцы вынуждены были отказаться отъ своего вѣча и

ихъ широкой силѣ и полнотѣ. Но это развитіе общинной жизни, столь прекрасное вначалѣ, подъ вліяніемъ выска-

---

своихъ посадниковъ. Новгородъ присягнулъ своему государю, но Іоаннъ отказался цѣловать крестъ въ соблюденіе оставшихся ихъ правъ. Литовская партія не унималась. Въ 1489 году Іоаннъ выслалъ до 1000 семей бояръ изъ Новгорода въ московскія владѣнія и далъ имъ тамъ землю; на ихъ же мѣсто въ Новгородѣ водворилъ дѣтей боярскихъ изъ Москвы и другихъ городовъ Московскаго государства. Вольный Новгородъ такимъ образомъ потерялъ свою самостоятельность.

Въ Псковѣ, наравнѣ съ его митрополіей, Новгородомъ,—сильнѣе другихъ областей Россіи развился вѣчевой укладъ. Псковъ, какъ и Новгородъ, имѣлъ народное самоуправленіе, посадниковъ и раздѣлялся также на концы и улицы, съ отдѣльными выборными старшинами, общее вѣче; управленіе почти тождественное Новгороду, но съ нѣкоторыми мѣстными измѣненіями, вынужденными постоянною борьбой съ неугомонными сосѣдями:—Литвой и Ливоніей. Но что рѣзко отдѣляло Псковичей отъ ихъ старшихъ братьевъ—Новгородцевъ, это постоянное настойчивое стараніе—отдалить вѣчевыя партіи и не давать преобладанію на нихъ крупнымъ землевладѣльцамъ и богатому торговому сословію. Для достиженія этой цѣли много помогло Пскову то, что поземельные собственники въ немъ не были такъ богаты, какъ въ Новгородѣ, и не могли, слѣдовательно, имѣть той силы вліянія на вѣче, которымъ злоупотребляли бояре Новгорода Купцы, какъ и въ Новгородѣ, раздѣлялись на общины (члены ихъ обязаны были вносить опредѣленный капиталъ); ихъ вліянія на дѣла Пскова могли-бы быть болѣе положительны, чѣмъ бояръ земцевъ, довольно бѣдныхъ землевладѣльцевъ, тѣмъ болѣе, что они пользовались собственнымъ вѣчемъ и черезъ то сообща могли имѣть на общихъ вѣчахъ болѣе согласія и сомостоятельности; но они, какъ и бояре, должны были уступить первенство вѣчевое младшимъ людямъ.

Чернь Пскова—младшіе люди—менѣе, чѣмъ Новгородцы, были способны поддаваться произволу знати и богатства и, не желая

занныхъ нами выше причинъ, подъ гнетомъ своеволія и себялюбія Новгородцевъ, не привело ихъ къ слiянiю съ русской общиной. Они чуждались общихъ для всего русскаго народа слiянiй, гдѣ ихъ желанiе первенства и своекорыстiя должно было подчиниться наравнѣ съ другими; стать же во главѣ соединенiя, быть центромъ его, быть тѣмъ, чѣмъ была Москва, они не могли по множеству причинъ: по высказанному нами недоброжелательству къ нимъ всего русскаго общества, видѣвшаго въ нихъ племя, идущее въ разрѣзъ общаго дѣла; во вторыхъ, надо было отбросить свое

подчиниться высшимъ слоямъ своихъ согражданъ, допуская ихъ до всѣхъ выборныхъ должностей, строго наблюдали за ихъ повиновенiемъ рѣшенiю вѣча и налагали на нихъ всѣ тяжести наравнѣ съ собою.

Кончилось тѣмъ, что младшiе люди въ Псковѣ сдѣлались *большими* на вѣчахъ; они не пропускали на нихъ ни одного закона, который могъ бы вредить значенiю черни и давать перевѣсъ большимъ людямъ; дорожа неприкосновенностiю права вѣча, они крѣпко держались принятыхъ порядковъ, сознавшихъ всю свою выгоду и значенiе въ равноправности вѣча. Чувствуя свою силу, они считали своимъ собственнымъ интересомъ, чтобы права вѣча были неприкосновенны и чтобы подкупленныя партiи большихъ людей не имѣли на народныхъ совѣщанiяхъ перевѣса.

Эти вѣчевыя распри доходили до мятежа. Въ 1453 году избили всѣхъ посадниковъ; въ 1483 году раззорили дома посадниковъ, Степана Максимовича и Леонтiя Тимоѳеевича. Вражда противъ поземельниковъ образовала въ средѣ Псковскихъ гражданъ особыя общины *Сябровъ* или *Шабровъ*. Эти общины собирали капиталы въ складчину, покупали земли, которыя и раздѣляли между вкладчиками, по размѣру внесенной ими суммы.

желаніе первенства и трудиться наравнѣ съ другими надъ этимъ дѣломъ. Кромѣ того, для этого требовалась представительная власть одного лица съ прочнымъ административнымъ значеніемъ. Власть княжеская, къ которой было бы довѣріе, была бы любовь и помощь со стороны народа,—это послѣднее условіе не могло привиться къ Новогородцамъ, привыкшимъ къ своему образу дѣйствій: они не могли добровольно довѣрить себя княжеской власти, которая должна была принять и провести въ полномъ блескѣ внутреннія силы новогородской жизни на всю тогдашнюю

Что оставалось дѣлать большимъ людямъ въ отпоръ все усиливающагося своеволія младшихъ? Одно—уничтожить ихъ перевѣсъ на вѣчѣ. Бояре, съ согласія князя и посадниковъ, предложили на вѣчѣ 1483 года дать голосъ на вѣчѣ *смердамъ*. Смердами назывались жители хлѣбопашцы на частныхъ владѣніяхъ по условію съ владѣльцами земли и черезъ то, конечно, сподручники поземельниковъ.

Чернь пришла въ ярость. Трое сутокъ продолжался мятежъ: пришедшихъ на вѣче смердовъ бросили въ погреба, приговорили къ смерти посадниковъ, бѣжавшихъ въ Москву. Великій собиратель земли Русской только и ждалъ повода вмѣшательства въ дѣла Пскова. По настоянію Іоанна, несмотря на всѣ мятежи черни, проектъ о смердахъ былъ принятъ и утвержденъ вѣчемъ; не даромъ хлопоталъ о немъ князь московскій: его старанія достигли желаемой цѣли: вѣче Пскова сдѣлалось вѣчемъ Новгорода,—шумнымъ собраніемъ бездарныхъ крикуновъ. Мужи порядка и здраваго смысла смолкли подъ ревъ коноводовъ партій. И вольный Псковъ, по слѣдамъ Новгорода, въ 1510 году вошолъ въ составъ Московскаго княжества—(Бѣляевъ Р. И. Р. Псковъ).

Русь. Но этого не было,—балансъ нарушился: явились необузданныя не укратимыя партіи, безпорядки, смуты; не кому было жалѣть отшатнувшійся отъ родного славянскаго дѣла Новгородъ,—и онъ палъ.

III.

Никто не долженъ считать свой путь счастливо оконченнымъ, пока не наступитъ конецъ жизни,—сказалъ Солонъ; ни одинъ писатель или историкъ не долженъ считать свою основную идею поконченною, доказанною, пока не довелъ ее во всей полнотѣ до конца. И если его идея во всѣхъ эпохахъ народной жизни окажется вѣрною и тождественною самой себѣ,—трудъ поконченъ: историкъ достигъ своей цѣли и не оставилъ читателя въ неудовольствіи и недоумѣніи, какъ путника безъ проводника на перекрестныхъ дорогахъ. Надо послѣдовательно идти по всей исторіи, — идти послѣдовательно, твердо до того момента, пока мысль находитъ приложеніе и подтвержденіе; но не давать своей мысли широкій просторъ, иначе можно ув-

лечься и впасть въ крайность, что еще хуже, такъ какъ начнешь доказывать то, чего не могло быть.

Обратимся снова къ разсмотрѣнію характера и быта Новородцевъ Нельзя не упомянуть, что, кромѣ лѣтописи Нестора, мыимѣемъ еще другія историческія извѣстія, по которымъ съ неменьшею вѣрностью можемъ судить о бытѣ Новгорода до Рюрика [11]).

---

[11]) По лѣтописи Инокентія Новогородскаго (1030 года), Славяне пришли въ концѣ V вѣка. Князь ихъ Славенъ построилъ Новгородъ; потомокъ его Боривой имѣлъ сына Гостомысла, котораго дочь была мать Рюрика, называемая норвежскою княжною Ефундой (Болтинъ).

Вотъ что говоритъ И. Д. Бѣляевъ: «Славяне и Скандинавцы издавна были въ близкихъ и какихъ-то родственныхъ отношеніяхъ другъ къ другу, что подтверждаетъ и Несторъ, говоря: «тіи суть людье Ноугородьцѣ отъ роду Варяжска, прежде по бѣша Словѣни (Лавр. лѣтоп. 9. Бѣл. К. Р. и бр. стр. 21, (Врем. О. И. и Д.) Славяне Ильменскіе и Скандинавы имѣли почти одинакій образъ жизни и занимались торговлей и разбоями (стр. 21).

Саги и наши лѣтописи рѣзко, повидимому, противорѣчатъ другъ другу въ извѣстіяхъ объ устройствѣ у Новгородцевъ. По сагамъ Гардарикія управлялась потомками Сигурламія сына Одина. По нашимъ лѣтописямъ: «Новогородцы, Полочане и Кривичи изъ начала яко же на думу на вѣча сходятся». Впрочемъ и Несторъ не отвергаетъ князей у Новгородцевъ: «а Словени почаша держати княженіе свое Новгородѣ». Новгородцы въ иное время управлялись княземъ, въ другое—вѣчемъ и выборнымъ народомъ. Не надо упускать изъ виду, что и при князьяхъ Новгородъ имѣлъ общинное начало, и права вѣча и народа не уничтожались при князьяхъ; слѣдовательно, князья могли быть и до Рюрика съ общиннымъ управленіемъ. Слова Нестора не противорѣчатъ извѣстіямъ сагъ (стр. 21, 22, 23).

Эти побочныя свидѣтельства наиболѣе относятся къ скандинавскимъ сагамъ. Саги разсказываютъ о Новгородѣ, что будто бы онъ управлялся потомками сына Одина, что онъ былъ въ самыхъ тѣсныхъ и частыхъ сношеніяхъ съ Скандинавіей какъ по связямъ торговымъ, такъ и по близкому родству правителей. Саги, хотя съ пробѣлами и перерывами, упоминаютъ о нѣсколькихъ князьяхъ новгородскихъ,

---

Новгородъ подъ именемъ Голмгарда, съ незапамятнаго времени былъ въ самыхъ тѣсныхъ связяхъ съ Сканд. и половина племени Руси задолго до Рюрика соединилась съ Новгородомъ, жила на югѣ отъ него, гдѣ и донынѣ есть городъ Старая-Руса.—Новгородское населеніе всѣхъ племенъ Новгородскаго союза о избраніи князя подало голосъ, очень натурально, въ пользу своихъ родичей Скандинавіи; прочія племена, хорошо знакомыя съ Скандинавами и жившія сами по скандинавскимъ обычаямъ, пристали къ голосу Новгородской Руси.

Саги, не имѣя значенія чисто историческаго, какъ народная поэзія, говорящія о народномъ укладѣ, съ строгою критикою и сравненіемъ съ сказаніями лѣтописей, могутъ служить частію данными при изслѣдованіяхъ до-Рюриковской нашей эпохи, какъ разсказы нашихъ сосѣдей о насъ,—сосѣдей, бывшихъ въ безпрерывныхъ сношеніяхъ союзовъ и торговли съ Новогородцами. Эти разсказы о сношеніяхъ ильменскихъ Славянъ съ Скандинавіей даютъ источники о Новгородской землѣ задолго лѣтъ до 862 г. и объясняютъ во многомъ призванія Новогородцами Рюрика. Эти столѣтнія сношенія высказаны обширно, съ ученымъ достоинствомъ, въ статьѣ И. Д. Бѣляева: «кн. Рюрикъ съ братіями и дружиной (Временникъ И. О. Ист. и древ. том. 14). Беру изъ нея нѣсколько данныхъ. Въ сагѣ *Гаунгу-Рольфа* Голмгардъ былъ мѣстопребываніе гардскихъ царей и назывался *Ногардомъ* (Новгородомъ) (Antiq. Russ., стр. 233). По преданіямъ Скандинавіи самъ Одинъ первоначально царствовалъ въ предѣлахъ Россіи, въ

правившихъ Ильменскою страною почти до начала IX вѣка. Одна изъ сагъ Орваръ-Одда говоритъ, что въ IX вѣкѣ владѣнія Гардовъ или Новгородцевъ до того были обширны, что совмѣщали въ себѣ земли многихъ государствъ. Сага эта исчисляетъ по именамъ князей владѣній Ильменскихъ Славянъ: нѣкто Маро княжилъ въ Мономарѣ (нашъ Муромъ), Родставъ владѣлъ Родстовомъ (Ростовъ), Эддваль—

странѣ Гардовъ, Гардарикіи въ Голмгардѣ—Новгородѣ (Ant. Russ., стр. 280) и поручилъ царство Гардовъ сыну Сигурламію. Дочь Гервара, знаменитая воительница Скандинавіи, воспитывалась у дѣда въ Ладогѣ. Сынъ ея Гейдерикъ былъ въ дружественныхъ сношеніяхъ съ Роллавгомъ, государемъ гардскимъ (новогородскимъ). Къ Радбарду, царствующему въ Новогородѣ, бѣжали Алвида, Иварова дочь, и вышла за него замужъ, повѣствуетъ *Герварь-сага*.

Въ сагѣ Hversy Noregr byg говорится, что основатель Норвежскаго царства Галфданъ былъ женатъ на Алиніи, дочери государя голмградскаго Еймунда. Сага *Гаунгу-Рольфа* даетъ намъ свѣдѣнія объ обычаяхъ Новгорода и границахъ его владѣній. Изъ этой саги видно, что обычаи Новгорода были почти одинаковы съ скандинавскими. Сага *Рольфа* тоже говоритъ объ обычаяхъ Новгорода, о царѣ его Галфданѣ, красавицѣ его дочери Аловѣ и о его 12-ти богатыряхъ. Сага *Орварь-Одда* говоритъ о владѣтелѣ Новгорода *Квиланнѣ*, таинственной личности, всегда ходившей съ закрытымъ лицомъ. Въ это время въ землѣ Гардовъ было много владѣтелей: *Маро*—въ Морамарѣ (Муромѣ), *Радставъ*—въ Радстовѣ (Ростовѣ), *Эддваль*—въ Сурздалѣ (Суздалѣ), *Палтесъ*—въ Палтескіѣ (Полоцкѣ), (Ant. Russ).

Изученіе сагъ приводитъ насъ къ тому выводу, что и съ древняго времени ильменскіе Славяне были съ Скандинавами въ близкихъ даже родственныхъ отношеніяхъ. Самъ Несторъ говоритъ: «тіи суть людье Ноугородьцѣ отъ рода Варяжска прежде бо бѣша Словѣни» (Лавр. 9). Бѣляевъ выводитъ изъ всего этого, что Нов-

Суздалемъ, Квиланъ былъ княземъ Гольмгарда (Новгородъ). Сверхъ этихъ князей, Полтесъ владѣлъ Полтескіуборгомъ (Полоцкъ), Кеймаръ княжилъ въ Кенугардахъ (въ странѣ Коянской Чуди). Всѣ эти мелкіе князьки были (Ant. Russ) подручниками верховнаго правителя Новгорода. Эти свидѣтельства сагъ, по нашему мнѣнію, не лишены нѣкоторой вѣроятности и именно въ томъ, что Новгородъ, Муромъ, Ростовъ и другіе города Руси имѣли еще до прихода Рю-

---

городъ и съ незапамятнаго времени былъ въ самыхъ тѣсныхъ связяхъ и отношеніяхъ съ Скандинавами и что жители обѣихъ странъ были въ одинаковомъ устройствѣ и подъ одинаковымъ образомъ жизни. Призваніе Рюрика дѣлается понятнымъ. Признавая саги даже не болѣе какъ за миѳы, нельзя отнять у нихъ, какъ и отъ всякой народной поэзіи, зародыша истины, основы, правды, факта, родившаго поэтическій разсказъ. Какая исторія не имѣетъ своимъ началомъ легенды и миѳы, которыя однакоже не безусловно отвергаются современной историческою критикой.

Противорѣчіе сагъ съ Несторомъ, что первыя признаютъ въ Новгородѣ *княженіе*, Несторъ—народное управленіе *вѣча*; но и саги не сознаютъ постоянное княжеское управленіе. И впослѣдствіи мы видимъ въ вольномъ Новгородѣ князей совмѣстно во всесильномъ вѣчевомъ укладѣ.

Извѣстный польскій современный историкъ Шайноха въ своемъ сочиненіи (Lechicki Poczatki Polski) разсказываетъ, что равно какъ Славяне новогородскіе, призвавъ Варяговъ, Русь назвалась Русами, такъ и Славяне привислянскіе отъ тѣхъ же товарищей Варяговъ назывались Ляхами,—производитъ это названіе отъ слова: *Lach*. слово скандинавское, означающее товарищество—товарищей (стр. 6). Lach i Wareg znacza Wgrunte toz samo (стр. 87). Шайноха признаетъ государственный укладъ Польши (Ляхіи), равно какъ и Россіи дѣломъ скандинавскихъ Варенговъ. Lach jest Wyrazem skandynawskimi znazy tawarzystwo, i towarzy sta (стр. 6).

рика своихъ князей, но какихъ, собственно говоря, какого рода и племени, русскихъ, славянскихъ или варяжскихъ,—вотъ вопросъ, требующій разъясненія. Взявши во вниманіе самыя имена князей, по которымъ прозвались города, которыми они владѣли, должно сознаться, что имена эти чисто славянскія; какъ, напримѣръ, имена: Вятко—князь Вятичей, Родимико—князь Родимичей, Малла—Древлянъ и проч. Между прочимъ это наше убѣжденіе нисколько не мѣшаетъ смыслу саги Орваръ-Одда: князья славяно-русскіе могли имѣть торговыя связи съ Норманнами, могли находиться въ близкихъ, родственныхъ связяхъ съ разными правителями [45]) Скандинавіи и даже, на основаніи престолонаслѣдія, могли получать себѣ на княженіе и сына норманскаго короля, самаго близкаго родственника покойнаго князя, не оставившаго послѣ себя дѣтей. Имя Эдвальдъ можетъ быть славянское испорченное названіе, а можетъ быть и чисто норманское; но это дѣло филологовъ, больше насъ обладающихъ данными для рѣшенія подобныхъ вопросовъ. Мы уже не беремся рѣшать такихъ

---

[45]) Много было сходственнаго и роднаго между Варягами и Новгородцами, та же воинственность, то же дѣятельное участіе въ торговлѣ, то же внутреннее устройство, князь и вѣче (И. Р. П. Мих.). Несторъ называетъ Новгородцевъ сродственниками Варяговъ. Вопросъ: не были ли Варяги-Руссы соплеменниками Славянъ-Руссъ, поселившіеся вблизи древней Гардарикіи по прибрежью Балтики въ Скандинавіи? Вопросъ, еще не обратившій на себя слѣдуемаго вниманія и ученой разработки.

задачъ, не имѣя надлежащихъ свѣдѣній по этой части; но дѣло въ томъ, что остальныя вышеупомянутыя имена чисто славянскія, а именно: Маро, Родстовъ и проч. Иначе какъ мы рѣшимъ двѣ задачи: первая—на какомъ основаніи Новгородцы обратились за княземъ къ Варягамъ, а не къ другимъ народамъ, и почему именно къ Варягамъ-Русь, а не къ Варягамъ-Свіе, не къ Варягамъ-Урмяни, Ингляне, Готе и проч.? И почему именно Варяги съ такою жестокостью и послѣдовательностью должны были нападать на Новгородцевъ, чтобы тѣ, видѣвши невозможность отдѣлаться отъ нихъ даже послѣ одержанныхъ побѣдъ, рѣшились пригласить ихъ князей къ себѣ на княженіе? И еще, почему именно въ это самое время, когда произошли норманскія нападенія, у Новгородцевъ именно въ это время произошелъ споръ и безпорядокъ въ дѣлахъ общественнаго управленія? Если у Новгородцевъ было собственное вѣчевое управленіе издревле, во главѣ съ своимъ славянскимъ княземъ, безъ всякихъ родственныхъ отношеній ихъ къ князьямъ норманскимъ, то какимъ образомъ именно въ это время, во время норманскихъ только нападеній рушился административный порядокъ Новгорода и Норманны именно въ это смутное время напали на Ильменскихъ Славянъ? Новгородцы могли легко выбрать себѣ князя Славянина, если у нихъ былъ только родъ князей славянскихъ, какъ можно заключать по сагѣ Орваръ-Одда. Дѣло, по нашему, кажется, можно просто объяснить: Новгородцы уп-

равлялись своимъ княземъ Славяниномъ, но князь ихъ, можетъ-быть, бывшій въ самомъ близкомъ родствѣ къ династіи Варяго-Руссовъ, умеръ бездѣтенъ; наслѣдники у него остались въ Скандинавіи и именно у Варяговъ-Русь. Въ Новгородѣ, какъ и вездѣ бываетъ при уничтоженіи рода, образовались партіи: одна изъ партій требовала верховнаго правителя Славянина, а другая — законнаго наслѣдника престола изъ Варяжскаго рода Руси, находящагося въ самомъ близкомъ родствѣ съ покойнымъ княземъ, хотя бы онъ былъ и Славянинъ, — произошло смятеніе: родъ возсталъ, по Нестору, на родъ, то-есть знатные старѣйшіе мужи—на прочихъ старѣйшихъ мужей, сильныхъ въ народѣ своимъ богатствомъ, умомъ и честностію; порядка не было,—онъ нарушился. Законные искатели престола Варяги—явились. Славянская партія взяла верхъ,—выгнала Варяговъ. — Варяги явились во второй разъ и угрожали послѣдовательностью своихъ нападеній. Дѣлать было нечего: нужно было избавить страну отъ грабежа и опустошеній. Партія Варяжская взяла верхъ и рѣшено было пригласить законныхъ наслѣдниковъ Варяговъ-Русь: «земля наша ве«лика и обильна, сказали Новгородцы тремъ братьямъ, «а наряда въ ней нѣтъ,—идите владѣть и княжить надъ нами». Другими словами говоря: идите возстановить у насъ древній законный нашъ порядокъ.

Въ этомъ разобранномъ нами предположеніи нѣтъ ничего невѣроятнаго. Вотъ почему, по нашему мнѣнію, Новго-

родцы обратились именно къ Варягамъ-Русь: князья ихъ были законные наслѣдники Новгородскаго престола послѣ покойнаго князя Славянина, который по женѣ, по матери, дядѣ и проч. могъ быть самымъ близкимъ родственникомъ Рюрика, Синеуса и Трувора [16]). Вотъ почему и варяжскіе князья съ такою настойчивостью нападали на обезкняженныхъ Новгородцевъ; они имѣли право наслѣдства въ Новгородѣ; имѣли тамъ свои партіи и знали новгородскія дѣла. Если даже Новгородцы пригласили и чужихъ, не родственныхъ своему умершему князю Варяговъ-Руссовъ, то и тогда они пригласили ихъ не иначе, какъ только съ тѣмъ условіемъ, чтобъ они защищали ихъ отъ претендентовъ—Варяговъ-Руссовъ Впрочемъ очень сомнительно, чтобы Новгородцы призвали къ себѣ чужаго, а не родственнаго князя, и этимъ самымъ не уничтожили бы причины новыхъ постоянныхъ нападеній со стороны претендентовъ. Этимъ призваніемъ не уничтожается общинное вѣчевое начало древней Руси, бывшее до прибытія Рюрика, а напротивъ еще болѣе подтверждается.

Вторая задача: на какомъ основаніи прибывшіе князья такъ скоро сжились съ вѣчевымъ общиннымъ укладомъ народа, тогда какъ во всѣхъ странахъ, куда они только проникали, вездѣ принимали родовые оттѣнки? Взявъ во вниманіе и основываясь на взглядѣ Ив Дм. Бѣляева, приходимъ къ той мысли, что у Варяговъ былъ такой же общественный

---

[16]) Лѣтоп. Иннокентія. Хронолог. Курбатова.

бытъ, какъ и у Славянъ [47]). Большею частью пришельцы принимаютъ бытъ первобытныхъ жителей или поглощаются ими, какъ было съ пришельцами—Норманнами въ западной Европѣ. На Руси же, напротивъ, они встрѣтили подобный себѣ укладъ и поэтому онъ сдѣлался еще тверже и съ той и съ другой стороны.

Славянскіе князья, по сосѣдству съ Скандинавіей, могли войти въ связи съ тамошними королями, чему въ особен-

---

[47]) Изъ саги Гаунгу Рольфа мы видимъ, что обычаи Новгорода были почти одинаковы съ обычаями Скандинавовъ, что народъ, при всей своей воинственности, имѣлъ уже нѣкоторое гражданское устройство (Торговля и повольничество).

По свидѣтельству Римберта, король Оловъ (современникъ Рюрика) говоритъ проповѣднику христіанства Ансгарію: «У насъ такой обычай, что всякое общественное дѣло зависитъ не только отъ власти короля, сколько отъ единогласной воли народа (Vita St. Ansh Rymbert 24—14—458): Lang. т. I, стр. 475 Адамъ Бременскій. Сага Гейдрека говоритъ, что государи ѣздили съ дружиной по областямъ своего государства, для подапія суда и расправы жителямъ. Значеніе княжеской власти въ Скандинавіи даетъ намъ понять, отъ чего Новгородцы обратились за княземъ прямо туда. По словамъ Олова святому Ансгарію, тамъ должны были понять просьбу посольства: *княжить* и *владѣть* въ смыслѣ: *судить* и *рядить*, согласно съ правами и общиннымъ устройствомъ, искони заведеннымъ въ пародѣ. Описаніе погребенія у Славянъ Ибнъ-Фоцланомъ совершенно сходно съ описаніемъ у Долина (стр. 231—32) тѣхъ же обрядовъ у Норманновъ,—были и у нихъ: тризны, судебные поединки и испытаніе огнемъ. Въ 700 году Ингварь Ярлъ Сканд. наложилъ дань на Голмградъ: сынъ его Скира владѣлъ имъ послѣ него; Родбордъ—прадѣдъ Лодбрака (Гелз. Disc sur e'orig. des Vareg).

ности могла способствовать сильная торговля ильменскихъ Славянъ. Слѣдовательно, когда Норманны сѣли на Новгородскій столъ, они хорошо знали обычай, порядокъ и славянскій бытовой укладъ. Имѣя сами таковой же укладъ, они не могли посягнуть на бытъ Славянъ. Понятно, что они строго хранили его, какъ обычай народный и родины. Далѣе по сагамъ видно, что еще до Рюрика удѣлизмъ существовалъ у русскихъ Слявянъ: Маро—въ Мономарѣ (въ Муромѣ), Родстовъ—въ Ростовѣ, Эддваль—въ Суздалѣ. Всѣ эти удѣльные князья подчинялись одному верховному правителю Новгорода—Квиланну. Можетъ-быть Квиланнъ былъ старшій въ родѣ, а прочіе удѣльные князья—родственники. Главное заключается въ томъ, что нашъ родъ отличался отъ рода западныхъ европейцевъ тѣмъ, что тамъ былъ родъ во всѣхъ слояхъ—отъ высшаго до низшаго; у насъ только въ высшемъ сословіи родъ тянулъ всѣ, отдѣльно образовавшіяся, общины къ себѣ, считая ихъ законнымъ своимъ наслѣдіемъ; а община тянуда родъ княжескій къ себѣ, считая его своимъ законнымъ правителемъ. Это и было главною причиной единства всѣхъ раздробленныхъ частей Руси. Будь у насъ низшее сословіе разбито на враждебные роды, они, противорѣча другъ другу, непремѣнно разбили бы многочисленный княжескій родъ на отдѣльныя колѣна, какъ это случилось въ Германіи. Такъ же началось бы распаденіе и на Руси, но оно не состоялось потому, что родъ былъ только въ князьяхъ, а не въ народѣ. Скоро община оставила всѣхъ

остальныхъ князей и потянула къ одному колѣну, чтобы добровольно соединить въ немъ всю землю Русскую во единое цѣлое государство. Народъ началъ группироваться около одного рода и наконецъ около одного лица только тогда, когда узналъ и испыталъ, во время помогающихъ сближенію усобицъ, вполнѣ свою единокровность—физическую и духовную; когда увидалъ возможность осуществить свое величіе во единомъ цѣломъ политическомъ тѣлѣ. Первоначально, при рѣзкомъ различіи своихъ племенностей, русскій народъ стремился къ обособленію въ одномъ княжескомъ какомъ-либо колѣнѣ; но при укладѣ общинномъ, вѣчевомъ, а не родовомъ, каждое племя стремилось возстановить свою особность на захватѣ другой общины; но не такъ, какъ было въ Германіи, гдѣ родъ заключался только въ своихъ родовыхъ интересахъ, презирая и чуждаясь интересовъ другаго родственнаго рода и стараясь при первомъ удобномъ случаѣ истребить его, чѣмъ принять его въ свой бытовой строй. Общины Руси старались захватывать не столько войной, сколько нравственнымъ вліяніемъ. Дорожили, напримѣръ, старѣйшинствомъ своихъ городовъ и своего голоса; старались имѣть у себя всеобщихъ любимцевъ епископовъ, чтобы чрезъ нихъ подчинять себѣ другія общины; старались не отчуждать свои земли въ другія общины; залегали торговые пути и потому подобное. Такимъ образомъ шла русская исторія при Рюриковичахъ, удѣльныхъ князьяхъ. Этою же дорогою шло развитіе славянскихъ племенъ на Руси и

до Рюрика, какъ показываетъ сага Орваръ-Одда. Земля Русская, по ней, также была раздѣлена между удѣльными князьями—сподручниками Квиланна, верховнаго правителя Новгорода. Судя потому, что мы застаемъ при потомкахъ Рюрика земли славянскія раздробленными, должно предполагать, что онѣ были также разъединены, и въ то время каждая община, городъ, земля управлялась извѣстнымъ княжескимъ колѣномъ своего рода [18]). Вотъ почему Рюрикъ и его пріемники оставляли иногда старыхъ князей славянскихъ на ихъ столахъ,—оставляли ихъ, какъ своихъ подручниковъ, а не данниковъ, говоритъ Бѣляевъ. Конечно, подручники эти были опасны, потому что они, какъ чистые славянскіе князья, враждебно смотрѣли на распространяющійся въ захватахъ родъ норманскій; поэтому съ нихъ и приходилось брать подать съ большимъ количествомъ дружины. Этотъ обычай—собирать подать-силою—совершался и между Рюриковскими потомками, враждующими за что-нибудь съ великимъ княземъ, но никому не приходило въ голову считать этотъ городъ непокорнымъ, непобѣжденнымъ, на томъ основаніи, что съ него въ извѣстное время собиралась дань силою. Мы видимъ, что родъ княжескій потому такъ скоро привился къ обычаямъ Руси, что они были самобытными, самостоятельными произведеніями славянскаго духа еще до Рюрика, и нисколько не мѣшалъ, а напротивъ по-

---

[18]) Костомаровъ—Мысли о федер. началѣ.

могалъ еще общинному строю земщины. Кромѣ саги Орваръ-Одды, мы имѣемъ еще изъ Нестора другія извѣстія о Малѣ, князѣ Древлянъ, о Радимкѣ — Радимичей, о Вяткѣ—Вятичей. Взятыя, собранныя и разъясненныя, сколько возможно, извѣстія саги Орваръ-Одды, заслуживаютъ глубокаго вниманія и искренней довѣренности писателей по части русской исторіи. По Несторовой лѣтописи, владѣнія тогдашней Русской земли распространялись еще далѣе, чѣмъ мы видимъ изъ саги Орваръ-Одды. Кромѣ помянутыхъ земель съ ихъ городами, о которыхъ говоритъ извѣстная намъ сага,—Несторъ подчиняетъ еще Русской землѣ: Чудь, Мерю, Весь, Мурому, Черемису, Мордву, Пермь, Печеру, Ямь, Литву, Земѣголу, Корсь, Нерому, Ливо и другіе. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что большая часть этихъ племенъ принадлежала собственно Новгороду; на этомъ основаніи Несторъ называетъ ихъ данниками Руси вообще; въ частности же разумѣя ихъ собственно данниками Новгорода, который у насъ прежде всѣхъ другихъ областей и городовъ Руси началъ совмѣщать въ себѣ названіе всей земли Русской. Ясно, что относительно пространства владѣній тогдашней до-Рюриковской Руси, какъ скандинавскія саги, такъ и русская старѣйшая, правдивѣйшая, какъ выразился Шлецеръ, лѣтопись Нестора,—не противорѣчатъ другъ другу. Но существуютъ нѣкоторыя противорѣчія между лѣтописью Нестора и сагами относительно бытоваго уклада тогдашняго Новгорода.—Несторъ говоритъ, что Новгородцы управлялись

вѣчемъ, а саги повѣствуютъ, что Новгородцы управлялись государемъ. Но это противорѣчіе видимое, кажущееся, теряетъ свою цѣну при самомъ прикосновеніи разумной критики. Слова Нестора: «Новгородцы якоже на думу на вѣче сходятся»,—нисколько не уничтожаютъ внѣшней административной власти верховнаго правителя въ Новгородѣ, о чемъ сообщаютъ намъ саги; было же въ Новгородѣ и во всей землѣ Русской общинное, вѣчевое, земское правленіе и при Рюриковичахъ,—отъ чего же оно не могло существовать и при князьяхъ IX вѣка, до прибытія Рюрика?

IV.

Разобравъ характеръ Новгорода, его желаніе блага для себя и отчуждаемость отъ общихъ интересовъ Руси, обратимся къ другимъ племенамъ и увидимъ, что тамъ происходило діаметрально-противоположное явленіе, чѣмъ въ Новгородѣ. Тамъ каждая область: Кіевская ли, или Черниговская, Суздальская, Смоленская, Галицкая, даже Рязанская,—искони стремились сдѣлаться центромъ—пунктомъ соединенія, точкою политическаго отправленія духовныхъ силъ всей Русской земли Первобытное, частное, рѣзкое отличіе и общее единство славяно-русскихъ племенъ изначала должно было руководить ихъ духовными силами въ этомъ стремленіи къ централизаціи. Это было единственнымъ задушевнымъ стремленіемъ всей тогдашней Русской земли. Сила этого стремленія къ объединенію и естественныя историческія условія доставили Суздальской землѣ перевѣсъ надъ прочими землями. Раззоренный Монголами Кіевъ, попавшій впослѣдствіи съ западными областями подъ

власть литовскаго князя, когда сѣверная Русь еще изнывала подъ монгольскимъ игомъ, не могъ думать о возвращеніи къ Рюриковскому роду его собственныхъ родовыхъ земель. Въ этомъ стремленіи къ единенію земщина русская, по необходимости, должна была заключиться въ свой внутренній, домашній бытъ, въ свое народное, исключительно земское устройство, касаясь общественныхъ дѣлъ настолько, насколько они касались иногда явнаго нарушенія ея основныхъ общинныхъ учрежденій, но никакъ не болѣе. Руководимая идеей славянскаго могущества, желаніемъ стать самой во главѣ народовъ, во главѣ славянской цивилизаціи, Русская земля тѣмъ болѣе страдала и мучилась подъ игомъ татарскаго захвата, чѣмъ сильнѣе было это иго чѣмъ тяжелѣе давило ихъ и отталкивало назадъ отъ предположенной цѣли, отъ осуществленія желаній, тѣмъ сильнѣе стремились къ достиженію цѣли. Если сначала, еще со временъ Ярослава, Русская земля не потянула къ оному центру, то этому мѣшали нѣкоторыя не изгладившіяся еще частныя отличія, споры князей, отсутствіе личности сильной своею волею и настойчивостью, которой отличались позднѣе московскіе князья. Къ этому присоединилась еще юная, молодая натура Славяно-Руссовъ, сильная, кипучая, способная къ войнѣ и богатырскимъ подвигамъ, желавшая идти за удалымъ княземъ хотя на край свѣта, чтобы, какъ говоритъ русская сказка, себя показать и людей посмотрѣть. Такъ было не у насъ однихъ, такъ

было и у всѣхъ народовъ. Жизнь недавняя, не охлажденная еще горькимъ опытомъ, кипѣла и сильно облегчала князьямъ добываніе повольниковъ, готовыхъ всегда идти за нимъ и добывать ему тотъ или другой удѣлъ [49]). Но тѣмъ не менѣе области стремились къ единству и къ цент-

[49]) Нельзя не упомянуть объ одномъ явленіи на Руси—о явленіи повольничества въ Новгородѣ. Обычай этотъ служилъ, какъ средство избавляться отъ буйной молодежи, давать ей, жаждущей дѣятельности, постоянный способъ развить ее къ общей пользѣ. Новгородцы разумно полагали, что на все есть время, что надо перебѣситься, чтобы сдѣлаться личностью опыта и дѣла. Повольничество было—союзъ молодыхъ людей, доступный для всѣхъ и каждаго, ищущаго подвиговъ и богатства; оно развивало Новгородцевъ, давало имъ опытность въ дѣлахъ военныхъ, укрѣпляло самостоятельность и увѣренность въ самого себя, сознаніе собственнаго достоинства. Молодой человѣкъ, проведшій нѣсколько лѣтъ своей юности въ опасностяхъ и треволненіяхъ походной жизни, оставленной на свой собственный произволъ, па надежду только на себя, конечно, пріобрѣталъ болѣе ума и твердости, чѣмъ сидѣвшій дома; пылъ молодости проходилъ и онъ возвращался въ Новгородъ человѣкомъ бывалымъ, опытнымъ и дѣльнымъ и мирно, съ пользою и знаніемъ занимался имъ. Есть много примѣровъ, что самые буйные повольники, послѣ своей разгульной молодости, становились значительными купцами или занимали общественныя должности, даже были тысяцкими и посадниками. Вся знатная и богатая молодежь спѣшила вступить, стать въ союзъ, считали себѣ за особую честь быть въ составѣ его, помогали всѣми своими средствами къ составленію повольничьихъ дружинъ. Связанные взаимною клятвою на отвагу и вѣрность къ дѣлу Ротою (отъ чего также и назывались ротниками), повольники дѣлали свои отважные набѣги въ сосѣднія земли на длинныхъ, узкихъ лодкахъ—*ушкояхъ* (въ 14 столѣт. отъ нихъ и назывались *ушкойниками*),

рализаціи другъ передъ другомъ. Этимъ только и можно объяснить постоянныя междоусобія князей, всегдашнюю помощь, которую князья находили будто въ своихъ удѣлахъ. Впослѣдствіи, когда уже этотъ юношескій пылъ народа прошелъ, земщина шла драться не за князя, а чтобъ утвердить, упрочить свое централизирующее вліяніе надъ тою областью или землей, которую онъ шелъ воевать, и князь, котораго они поддерживали, страшенъ былъ только какъ пунктъ [50]) соединенія, какъ выраженіе политической, адми-

---

наживали богатство и самому Новгороду добывали новыя владѣнія.

Конечно, все это не могло совершиться безъ насилія и грабежа; но гдѣ найдемъ мы отсутствіе этихъ бѣдъ: при войнѣ и сами рыцари средняго вѣка—типъ благородства, часто сами крестоносцы—защитники христіанъ—были повинны въ томъ же. Приведемъ нѣсколько данныхъ о повольникахъ, оставшихся въ нашихъ лѣтописяхъ. Повольничество, по сагамъ Скандинавіи, было уже въ Новгородѣ до Рюрика.

Въ 1364 году повольники подъ предводительствомъ удальца, боярскаго сына Ал. Аввакумовича и Степ. Ляпы ходили въ Югорскую землю и разбили Двинянъ на Курьѣ; 1366 года—съ Іосифомъ, сыномъ посадника Варѳоломея,—на Волгу; въ 1369 году—на Каму; въ 1375 году - съ Прокопіемъ въ Болгару и Астрахань; 1379 года—съ Рязаномъ въ Арскую землю.

[50]) 1146 года Кіевляне, призывая Изяслава на мѣсто Игоря, говорятъ: «не хотимъ быть какъ бы въ наслѣдствѣ». Новгородцы говорятъ Ярославу Ярославовичу, желавшему съ ними примириться: «князь, поѣди, не хотимъ тебѣ, а не такъ, идемъ всѣмъ Новогородомъ прогнать тебѣ». Когда Ярославъ хотѣлъ идти на Псковъ, Новгородцы сказали: «князь, безъ нашего совѣта и согласія ты не можишь ѣхать въ Псковъ» (Бѣляевъ-Р. изъ Р. И.).

нистративной власти, связующей въ лицѣ своемъ личности общины, земщины и цѣлаго народа. Воодушевляемая идеей обобщенія, идеей единства государственной организаціи, земщина приспособляла всю свою внутреннюю жизнь, весь свой строй; приготовляла и вырабатывала всѣ свои матеріальныя и духовныя средства, чтобы только поддержать замыслы князя къ болѣе или менѣе широкимъ захватамъ. Тутъ забыты были личности; тутъ была одна цѣльная масса народа, проникнутая однимъ желаніемъ славяно-русской свободы, его силы, могущества. Развитіе отдѣльныхъ личностей мѣшало бы развитію широкой власти славяно-русскаго народа на огромномъ пространствѣ земли, къ чему особенно способствуетъ общинный, а не родовой бытъ извѣстнаго народа. Своеобразіе личностей скорѣе условливаетъ раздробленіе, федеративное явленіе, народный гнетъ въ пользу собственныхъ интересовъ, чѣмъ сильную государственную организацію, какою явилась Русь, осуществивши свои общинныя, земскія начала. Поэтому, всякое личное проявленіе, всякую корпорацію, всякое привилегированное сословіе, если только оно гдѣ-нибудь и какъ-нибудь выбрасывалось на верхніе слои народной жизни, во имя этой идеи народъ сводилъ въ общій уровень жизни, заставляя присоединяться къ своимъ замысламъ. Князь восполнялъ внѣшній крѣпкій административный и государственный порядокъ, земскій строй народа; а народъ, во имя стремленія къ расширенію и развитію могущественныхъ элементовъ своей вну-

тренней жизни, поддерживалъ всѣми силами общины его власть. И это былъ самый разумный, натуральный порядокъ общественной русской жизни. Князь не удовлетворялъ желаніямъ,—народъ возмущался, изгонялъ его [51]); но это не было возмущеніе необузданной черни: народомъ руководили лучшіе, почетнѣйшіе граждане; не было это тоже возмущеніе аристократовъ, феодаловъ, бароновъ и республикъ на Западѣ. Кончался народный разумный гнѣвъ,—предводители опять обращались въ народъ, опять поглощались въ немъ, не получали никакого себѣ наслѣдственнаго привилегированнаго значенія отъ народа, чтобы послѣ сдѣлаться его угнетателями. Вотъ почему у насъ не могло развиться боярство съ западнымъ значеніемъ почетныхъ родовыхъ вѣтвей на внѣшнемъ, а не на внутреннемъ ихъ содержаніи крѣпкихъ замковъ, съ ихъ бойницами и подземными склепами. Сынъ почитался, уважался не потому, что его отецъ былъ знаменитый человѣкъ у князя или у народа,—это только располагало къ нему князя или народъ,—а довѣріе и почтеніе онъ долженъ былъ еще заслужить своею честною жизнію и доблестными дѣлами. Иначе отецъ его оставался

---

[51]) По лѣтописямъ видимъ: 1128 года Полочане выгнаша, Дав. Всевол., въ 1131 г. выгнаша Свят. Мстиславича, 1146 г. не угоденъ бысть Кіянамъ Игорь; 1159 г. Глѣба Ростиславича выгнаша Дрючане; 1175 г. Смоляне выгнаша отъ себѣ Романовича Ярополка; 1140 г. Новгородцы выгнали Святослава; 1141 г. не хотятъ Омовичей. (Лѣтоп. Пер.-Сузд.).

отцомъ народа, а онъ презирался, какъ безславный человѣкъ. Вотъ почему люди, смотрѣвшіе на все глазами Запада, горько заблуждались, когда говорили, что у насъ существуетъ только исторія князей, а не народа; они хотѣли, можетъ-быть, сказать, что на Руси не существовало исторіи своебразныхъ личностей—властителей средневѣковаго Запада, но отнюдь не народа. Исторія русскаго народа существуетъ во всемъ объемѣ могущественнаго прочнаго величія; исторіи же феодаловъ и вассаловъ, съ ихъ залитыми народною кровью замками, у насъ на Руси дѣйствительно не существовало. Самые наши Рюриковичи никакъ не могутъ идти въ сравненіе съ западными баронами и феодалами; они рѣшали свои дѣла или лучше дѣла народа, приводя его желаніе въ исполненіе, опирались на его силу, а не на кровавый мечъ подневольныхъ рабовъ—воиновъ Запада, закупленныхъ грабежомъ и страхомъ истязаній въ подвалахъ ихъ суровыхъ властителей.

Такимъ образомъ князь на Руси былъ главная сила, главный двигатель, рычагъ важнаго политическаго строя. Бояре—старшая дружина—въ его могуществѣ, въ его той или другой судьбѣ должны были имѣть все,—безъ него они были ничего. Бояре-земцы должны были или поддаться вліянію князя и отъ него уже пользоваться извѣстнымъ значеніемъ, слѣдовательно, обратиться въ старшую или младшую дружину князя, или же, если общинные земскіе интересы сильно были развиты въ характерѣ нѣкоторыхъ

изъ нихъ, а не внѣшній блескъ княжеской власти,—должны были слиться съ земщиной. Конечно, сліяніе было возможно только съ такой земщиной, которая, при отсутствіи въ ней административной власти, сосредоточенной въ рукахъ князя, не заключала бы сама въ себѣ полной представительной силы, исключая дѣлъ, касающихся до всего народа вообще; не заключала бы въ себѣ того могущества во внѣшнемъ управленіи, какимъ пользовались Новгородцы, въ ущербъ власти княжеской, а поэтому она и не могла сохранить земцевъ въ своей средѣ съ первобытнымъ нравственнымъ и политическимъ вліяніемъ на народъ.—Народъ въ остальной части Руси имѣлъ сдѣлку, какъ мы выше видѣли, прямо съ княземъ, какъ съ своимъ главою и представителемъ его земскихъ интересовъ. Въ несоглашеніи посредниками были бояре: дружина со стороны князя, со стороны народа—митрополитъ, духовенство, старѣйшіе мужи, какъ опытные, какъ думцы и совѣтники того и другаго [52]; но безъ меча, силы, безъ возможности заставить слушаться. Князь или земщина могли слѣдовать ихъ совѣту, могли и нѣтъ [53].

---

[52]) Мономахъ, къ числу утреннихъ занятій, причисляетъ: «Сѣдше думати съ дружиной». С. Л. стр. 103—«Изяславъ созва бояры своя и всю дружину свою Кіяне, и рече имъ, хощемъ пойти на Гюргя» (1147 г.).

[53]) 1146 года Кіяне дѣлаютъ уговоръ съ Святославомъ и братомъ его Игоремъ у Туровой божницы: «Цѣлуй намъ хрестъ и съ братомъ своимъ: аще кому насъ будеть обида, то ты прави». 1169 г. «Възма рядъ (Мст. Изясл.) съ братьею и дружиною и съ

Когда кончались счеты князя съ народомъ, народъ и его лучшіе мужи погружались въ дѣятельное отправленіе внутренней общинной земской жизни, а князь обращался опять къ внѣшней политической жизни, къ организаціи государства, къ развитію и направленію народнаго духа, къ расширенію его могущества въ ущербъ прочимъ племенамъ или народамъ. Но никогда, по окончаніи споровъ князя съ народомъ, думная дружина не пріобрѣтала западнаго феодальнаго значенія надъ княземъ въ ущербъ его власти; лучшіе мужи народа, его главные совѣтники, во время случавшихся переворотовъ, не пріобрѣтали тѣхъ или другихъ привиллегій, изъ которыхъ могла бы образоваться отдѣльная корпорація, въ ущербъ власти общинной земской. Дружина княжеская могла получать за свои заслуги отъ князя и въ благодарность отъ общины—помѣстья для прокормленія [54]), на которыхъ могъ даже удержаться и ея родъ,

---

Кіяны». 1175 г. Володимирци приняли къ себѣ Яропол. Ростислав. весь порядъ положше (Пог. стр. 162, том. 7). «Бредоша люды Ноугородстіе, просяще князя себѣ, аще непоидете къ намъ, то налѣземъ князя себѣ «(Лавр. лѣтоп. 49) «Тягота брате въ людѣхъ сихъ, а не хочу въ нихъ быти» Святославъ Ольговичь говоритъ Всеволоду. «Нехочимъ сына твоего, не брати не племени вашего, но хочемъ племени Владиміра» (Ипат. лѣтоп.), сказали Новогородцы Всеволоду. «Ежели двѣ головы у твоего сына, то посылай его къ намъ княжить», говорятъ Новогородцы Святополку.

[54]) Впослѣдствіи князья, вмѣсто денежнаго вознагражденія служителямъ своимъ, давали временно или пожизненно земли (помѣстья) изъ собственныхъ своихъ, за которыя они обязаны были

если только онъ продолжалъ служить одному князю и одной общинѣ такъ же вѣрно, какъ его дѣды и отцы; могла получать отъ князя награжденіе деньгами, почестями; участвовала въ дѣлежѣ военной добычи; ласково была принимаема всегда княземъ и вмѣстѣ съ нимъ, дѣливши военныя заботы, дѣлила и пиршества; была самая видная часть въ управленіи, пользуясь постояннымъ внѣшнимъ почетомъ у народа, изъ уваженія къ главѣ-князю, но не болѣе. Дальше она была отвѣтственна передъ княземъ за свои противозаконные поступки. (Донской казнитъ сына тысяцкаго Вельяминова). Эти видимыя внѣшнія привиллегіи дружинниковъ, этотъ блескъ княжеской власти и были, кажется, притягательною силою бояръ-земцевъ къ князю и ихъ превращенія въ бояръ-дружинниковъ. И это тѣмъ болѣе справедливо, что народъ, вѣдаясь съ однимъ только княземъ и не желая нажить себѣ западныхъ феодаловъ, которые впослѣдствіи могли бы обратиться въ страшную язву коренныхъ его основъ общиннаго быта, былъ подозрителенъ въ дѣлѣ раздачи привиллегій своимъ совѣтникамъ и лучшимъ мужамъ. Онъ почиталъ, любилъ и уважалъ ихъ за ихъ опытность, за ихъ твердую волю и здравый смыслъ;

ему служить. Въ духовной Ивана Даниловича сказано: «А что есмь купилъ село въ Ростовѣ Богородичекое, а далъ есмь Бориску Воръкову». Помѣстья за служеніе давались всѣмъ безъ различія: князьямъ, боярскимъ дѣтямъ, боярамъ, гостямъ (Воскр. лѣт. 1492—Сергѣевичъ: Вѣче и князь, стр. 412).

но уважалъ ихъ [55]) не по роду, а такъ, какъ уважалъ бы онъ всякаго умнаго человѣка, указавшаго ему благоразумный удобный выходъ изъ грозившихъ опасностей, какъ почиталъ бы онъ за благоразумный совѣтъ и гражданина и дружинника. Но отдать въ руки лучшихъ мужей свои интересы, свои земскія права и тѣмъ сдѣлать ихъ силой уничтожающей ихъ общинный бытъ, земщина никогда не могла допустить. Эти права она всегда удерживала исключительно за собою, за своею земскою властію, не позволяя никому безнаказанно пользоваться ими. Съ княземъ, какъ администраторомъ, народъ всегда легко могъ свести свои счеты и, по врожденной наклонности къ общинѣ, а слѣдовательно и къ административной власти, всегда легко могъ помирить свои интересы съ княжескими. Но трудно было бы справиться съ передовыми личностями своей земли, еслибъ онѣ за тѣ или другія заслуги, не поступая обратно въ общинныя отношенія, превратились бы въ мелкихъ и крупныхъ феодаловъ или вассаловъ князя. Тогда они не только посягнули бы на общинную свободу остальной земщины, но и безнаказанно попирали бы власть административную, мѣшали-бы замысламъ внѣшнимъ политическимъ, и народъ, конечно, долженъ бы былъ проститься съ своею крѣпкой государственной организаціей. Примѣромъ могутъ служить Литва,

---

[55]) Сильвестръ, Адашевъ, Годуновъ при Іоаннѣ IV.

Польша и Чехія, развитіе которыхъ совершалось обратнымъ путемъ. Вотъ причины, на основаніи которыхъ, намъ кажется, земцы-бояре потеряли свое первобытное значеніе «бояръ народа, общины». Иные, затерялись въ земщинѣ, если ея интересы были для нихъ ближе интересовъ княжескихъ, а другіе перешли въ княжескую дружину, если на нихъ имѣли вліянія внѣшнія—политическія привиллегіи княжей власти, окруженной видимымъ блескомъ и величіемъ, и затерялись въ дружинѣ. Слившись съ дружиной въ частной власти князя, они должны были впослѣдствіи все видѣть въ князѣ, поддерживать свое честолюбіе, собственный характеръ, только проникаясь постоянно властолюбивыми идеями и замыслами князя. Съ потерей этой исторической для нихъ нити, они теряли все въ своей власти и землѣ и должны были въ такомъ случаѣ или слиться совершенно съ гражданами, потерявши окончательно всякую свою особенность, или быть выгнанными изъ собственныхъ своихъ родовыхъ имѣній, пріобрѣтенныхъ чрезъ расчистку пустопорожнихъ земель или полученныхъ отъ князя въ собственность.—Новгородъ же былъ самъ себѣ господинъ: самъ распоряжался своими внутренними и внѣшними дѣлами; князь обязанъ былъ исполнять, что положитъ Великій Новгородъ. Тутъ, само собою разумѣется, для веденія ежедневныхъ политическихъ дѣлъ, должны были необходимо быть выбранные отъ народа представители его, оберегающіе народъ отъ захвата княжеской власти. Вотъ отъ

чего въ Новгородѣ такъ сильно расплодилось сословіе посадниковъ, тысяцкихъ, старостъ, десятниковъ, сотниковъ, сотскихъ и другихъ. Эти люди были почти всѣ изъ богатыхъ горожанъ, съ ихъ интригами, замыслами, семейными счетами и проч., которые подстрекали чернь, бушевавшую и грабившую указанныхъ противниковъ [56]). Слѣдовательно, Новгородомъ управлялъ весь Новгородъ: одни преслѣдовали извѣстныя цѣли, а другіе удовлетворяли ихъ, помогая своею силой. Новгородское управленіе было желаніе черни, которою искусно пользовалось высшее сословіе для своихъ цѣлей. Цвѣтущая новгородская торговля не можетъ еще служить доказательствомъ развитаго ума и нравственной стороны новгородскихъ жителей; напротивъ, богатство, пріобрѣтаемое торговлей,—матеріальное богатство, довольство и изобиліе могутъ иногда служить самымъ лучшимъ горючимъ матеріаломъ для воспламененія неукротимыхъ страстей сытой и довольной матеріально черни [57]). Тутъ требуется другое развитіе нравственной сто-

[56]) Въ Новгородѣ были постоянныя вражды сторонъ: Софійской (арист.) и торговой (демокр.), вражды также между и пятью концами, доходившія до битвъ по нѣсколько дней и съ сотнями жертвъ. По лѣтописямъ мы видимъ эти домашнія войны: въ 1416, 1359—84—50—12—15—18—20—89 и въ другіе годы. Вообще надо замѣтить, что болѣе всего эти распри происходятъ за выборы посадниковъ и доходили до кровопролитій и смутъ: «Оле страшно чюдо и дивно, братье! Пойдоша сынове на отця, братъ на брата, рабъ на господина, господинъ на раба» (Новг. лѣт. 1—31).

[57]) Не братскія объятія простиралъ Новгородецъ своему сограж-

роны народа, которое, по нашему убѣжденію, получаетъ свое начало и дальнѣйшую пищу изъ той общей основной идеи, которую дала судьба извѣстному народу на всю жизнь его историческаго пути, пока онъ не воплотитъ самымъ всестороннимъ образомъ теорію этихъ коренныхъ основъ своего духа въ видимый внѣшній міръ—въ практику. А въ этомъ-то отношеніи Новгородцы были самаго индефферентнаго направленія касательно обще славяно-русскаго призванія и стояли не въ уровень первобытнаго русскаго духа со всей тогдашей, движущеюся около нихъ исторіей государственной организаціи древней Руси [58]).

данину; не брата видѣлъ въ немъ: они были чужды между собою; встрѣча ихъ была холодна, полна недовѣрчивости; отношенія политически разсчетливы, ибо каждой Новгородецъ безъ участія смотрѣлъ на гибель своего согражданина, хладнокровно готовилъ ему самъ эту гибель.—Тѣ же своекорыстныя чувства и къ самому Новгороду. Въ 1193 году Новгородцы пошли въ Югорскую землю для собранія дани,—опи всѣ погибли отъ измѣны одного изъ товарищей Савки, тайно сносившагося съ княземъ югорскимъ (Новг. лѣт. стр. 21,—Ч. О И. Д. 1869 г.. стр. 103).

Новгородецъ порабощенъ былъ вещественнымъ: ни внутри, ни внѣ поэтому не могло быть стройности жизни при подобномъ безсиліи нравственномъ; а напротивъ всюду должно было обнаруживаться неотвратимое отсутствіе мира, разладица: чувство любви было безсильно въ немъ и къ собрату и къ отечеству (Пассекъ,—Новгородъ самъ по себѣ).

[58]) При отсутствіи внутренняго мира, высокія чувства тѣмъ болѣе уже были безсильны перенесть Новгородца въ жизнь, совершавшуюся внѣ, за предѣлами его области,—и одни только разсчеты, однѣ выгоды могли выводить его за эти предѣлы; а потому

Равновѣсіе было нарушено, порядокъ и администрація княжеской власти не привились къ Новгороду,—и онъ палъ со всѣмъ своимъ исключительнымъ устройствомъ въ темную, глубокую пропасть вѣчности, какъ обыкновенно падаетъ внизъ всякое положенное на подставку физическое тѣло, если какимъ-нибудь образомъ одинъ конецъ его перевѣситъ другой. Тутъ не виноватъ Іоаннъ III: умъ Іоанна только ускорилъ паденіе. Въ Новгородѣ не было ни аристократическаго, ни демократическаго, ни деспотическаго управленія, ни двухъ первыхъ вмѣстѣ, что мы называемъ республикой, на подобіе Римской, ни всѣхъ трехъ вмѣстѣ, что на новомъ языкѣ обыкновенно называется конституціею, ограниченнымъ представительнымъ правленіемъ. Въ Новгородѣ было коренное начало—общинное, земское. Уставы Владиміра и Ярослава ограничивали до-нельзя власть княжескую; бояре [59]), выдѣлившіеся изъ народа и знакомые по своей торговлѣ съ феодальнымъ западнымъ устройствомъ, хотѣли имѣть значеніе бароновъ и вассаловъ Запада; но надъ кѣмъ? Князья не сопротивлялись, какъ на

Новгородъ съ своей исторіей является какъ бы совершенно обособленнымъ отъ другихъ частей Руси (Новг. самъ по себѣ.— Пассекъ Ч. О. И. Д.—1869 г. кн. 4).

[59]) Князья уже не могли рѣшительно дѣйствовать противъ княжескихъ бояръ, потому что бояре господствовали по-прежнему въ новгородскихъ земляхъ уже не по старинѣ, а отъ имени предка сихъ князей, отъ имени самой власти княжеской, на основаніи грамоты Ярослава (Пассекъ: 16 Новг. самъ по себѣ).

Западѣ: народъ былъ родственный, не завоеванный; исторической почвы для западнаго строя совсѣмъ не было и они посягнули на самое коренное качество русскаго духа — на общинное начало народа. Игра была затѣяна опасная; общинный строй, какъ мы видѣли, не терпитъ привиллегій вассальствъ. Долго они тянули крѣпко въ свою сторону, въ свою пользу, но не выдержали, — и чернь преклонила колѣна предъ своимъ господиномъ—великимъ московскимъ княземъ.

Въ другихъ княжествахъ Руси, если внутреннія дѣла зависѣли отъ земщины, то внѣшній политическій урядъ, кромѣ крайнихъ исключительныхъ случаевъ, совмѣщался во всей его полнотѣ въ особѣ князя. Впослѣдствіи, когда раздробленныя русскія земли, какъ напримѣръ, Смоленская, Черниговская, Рязанская, Суздальская, Тверская и проч., начали объединять въ одномъ княжескомъ родѣ свою мѣстную особность, стремясь каждая сдѣлаться центромъ всей Руси, — земщина этихъ и прочихъ областей окончательно уже передала во власть князя всю внѣшнюю административную и политическую власть, стараясь поддерживать широкое ея значеніе общими дружными силами народа, для рѣшенія глубоко задуманной ею задачи государственной организаціи всѣхъ раздробленныхъ русскихъ частей. Сѣверъ взялъ верхъ: собралъ Русь въ одно общее народное цѣлое. Образовалось крѣпкое Московское государство. Земщина торжествовала. Широко развивалось внутри ея бо-

гатство. Росла административная и политическая власть великаго князя, сдѣлавшагося теперь уже государемъ, а впослѣдствіи царемъ. Погибли Монголы и Татары, столичные города послѣднихъ были взяты: граммоты крымскихъ Татаръ, гордыхъ еще своимъ прежнимъ, дикимъ величіемъ, — рвались безъ страха и бросались въ лицо посланнику, съ прямымъ презрѣніемъ къ ихъ содержанію. Палъ и Новгородъ съ своимъ былымъ величіемъ; пала бы и Польша, еслибы не предотвратило этого паденія соединеніе Польши съ Литвой: силы одного народа, съ совершеннымъ безсиліемъ другаго, но съ внѣшнимъ безсодержательнымъ лоскомъ западной администраціи. Въ Москву стекалось боярство и новгородское, и литовское, и польское; вмѣстѣ съ нимъ проникло вліяніе того же духа и направленія. Всѣ эти роды бояръ вступали въ Русское государство съ феодальнымъ значеніемъ. Они заразили своимъ примѣромъ и многихъ бояръ русскихъ. И началась послѣдняя рѣшительная борьба земщины, общины и князей великихъ, государей и царей съ западнымъ стремленіемъ бояръ. Земщина поддержала своего государя, а государь — земщину. Кровопролитный бой кончился въ пользу послѣднихъ страшнымъ пораженіемъ и опустошеніемъ боярскихъ родовъ при царѣ Іоаннѣ Грозномъ. Народъ и царь поставили ихъ опять въ прямое отношеніе къ самимъ себѣ, какое было въ древней Руси во всѣ времена княжеской власти.

V.

Мы прослѣдили общинное земское начало и развитіе его въ древней Руси на историческомъ разборѣ главныхъ четырехъ элементовъ государственнаго строя Русской земли: на *земщинѣ*, *боярахъ-земцахъ*, *боярахъ-дружинникахъ* и наконецъ *на самихъ князьяхъ*. Теперь мы будемъ слѣдовать за лѣтописными извѣстіями шагъ за шагомъ, когда опять коснемся частнаго обзора и внутренняго устройства земщины, дружины князей, а также духовенства и его отношеній къ упомянутымъ классамъ; скажемъ на основаніи лѣтописей о городахъ, селеніяхъ, разныхъ владѣніяхъ и проч. Такимъ образомъ перейдемъ опять къ лѣтописнымъ свидѣтельствамъ общиннаго начала древней Руси.

*

Германскія племена дѣлали свои переселенія въ самый разгаръ родоваго быта у нихъ на родинѣ. Поэтому, когда отправлялись для поселенія въ чужую землю, они строго хранили родовыя формы и шли подъ предводительствомъ родоначальника. Переселеніе Германцевъ было по доброй волѣ, по желанію излишества, для пріобрѣтенія большихъ выгодъ и количества земли, которой мало становилось для прокормленія слишкомъ разродившагося рода. Ихъ не тѣснили чуждые пришельцы, тогда какъ у Славянъ причина къ переселенію была совсѣмъ другая. На ихъ родину напали иноплеменные народы и сильно потрясли ихъ первобытное устройство — *родовой бытъ*. Не желаніе къ обмѣну почвы на болѣе питательную, выгодную, но крайняя нужда, опасность всецѣло поглотиться врагомъ — заставили Славянъ бросить свои прекрасныя земли на Дунаѣ [60]). Чрезъ это и устройство измѣнилось: родовой бытъ былъ брошенъ. Они пошли искать себѣ новой родины па сѣверѣ, сѣверо-западѣ и сѣверо-востокѣ Европѣ,—словомъ, въ нынѣшней Россіи: «Волохомъ бо нашедшимъ на Словены на Дунайскые и насиляющимъ ихъ» и проч. Не малое вліяніе имѣло на разложеніе родоваго быта славянскихъ

---

[60]) Лѣтопись передаетъ преданіе о томъ, что «по мнозѣхъ временахъ (послѣ столпотворенія) сѣли суть Словѣни по Дунаеви, гдѣ есть нынѣ Угорьска земля и Болгарска», откуда изгнанные Волохами, разошлись по разнымъ сторонамъ (Лѣтоп. Ипат. Бест. Рюм. ч. I, стр. 2).

племенъ еще на Дунаѣ близкое сосѣдство ихъ съ Греками и Римлянами Польза и выгода общественнаго устройства подтачивали понемногу ихъ родовой бытъ въ интересѣ общиннаго устройства. Мы можемъ судить объ этомъ по жизни ихъ на Дунаѣ. Прокопій и Маврикій писатели римскіе VI вѣка, разсказываютъ, что Славяне живутъ разсѣянно въ своихъ хижинахъ, разбросанныхъ на большомъ пространствѣ. Такимъ образомъ Славяне не имѣли такихъ условій, которыя бы способствовали къ продолжительному существованію и къ развитію родовыхъ формъ, какъ это было у Германцевъ. Племена германскія давали свои собственныя имена вновь занятой ими мѣстности, какъ напримѣръ, Нордлинъ, Нортумберландъ въ земляхъ Саксоніи и Англіи. Славяне же, наоборотъ, сами прозывались отъ занятыхъ ими чуждыхъ мѣстностей: напримѣръ, Поляне именовались этимъ древнимъ именемъ отъ полей, Древляне— отъ лѣсовъ, Полочане—отъ рѣки Полоты, на которой поселились, Новгородцы—отъ Новгорода, Сѣверяне—отъ того, что жили на сѣверѣ, а впослѣдствіи переселились южнѣе (въ Полтавской, Курской и Черниговской губерніяхъ).

Подобныя свидѣтельства лѣтописей нашихъ ясно показываютъ, какъ мало дорожили Славяне своимъ первобытнымъ родовымъ устройствомъ на Дунаѣ. Не такъ было у Германцевъ: они даже составили искуственные роды, тогда какъ переселенцы никогда не были родичами между собою. Въ началѣ IX вѣка и еще въ концѣ VIII какъ у Бол-

гаръ, такъ равно и у Сербовъ образовались города совершенно съ общинныиъ устройствомъ Исторія застаетъ и у переселенцевъ Славяно-Руссовъ, съ самаго начала ихъ прихода,—общинное, а не родовое устройство; слѣдовательно, родовой бытъ ими оставленъ еще на Дунаѣ Громадный народъ—не одинъ человѣкъ съ своимъ личнымъ произволомъ. измѣняющій тѣ или другія свои убѣжденія по капризамъ и своеобразію единичной воли. Тѣмъ болѣе, что и въ прогрессивномъ движеніи одного человѣка, его ума и свободы, всегда существуетъ строгая, точная и постоянная послѣдовательность. И еслибы Славяно-Руссы находились еще не задолго до своего переселенія съ Дуная подъ первобытнымъ родовымъ устройствомъ, то никакой уже человѣкъ не въ состояніи объяснить такого быстраго переворота родоваго быта въ общинный, который застала у нихъ исторія вмѣстѣ съ ихъ переселеніемъ. Такая метаморфоза и въ продолженіи такого короткаго времени мало свойственна даже небольшому народцу, тѣмъ менѣе громадному племени Славянъ. Подобной быстротѣ въ перемѣнѣ родоваго быта на общинный не могли, по нашему мнѣнію, способствовать никакія внѣшнія силы Можно думать, что Славяне еще на Дунаѣ бросили свой родовой быть и носили уже тамъ въ своемъ внутреннемъ строѣ зачатки общиннаго быта. Переселяясь на Русь, Славяне принесли вмѣстѣ съ собою и образованіе: искусство ихъ въ воздѣлываніи земли,

пчеловодство и т. д.—[61]). Финскія племена были покорены не столько войною и наступательнымъ захватомъ Славянъ, сколько общиннымъ ихъ укладомъ и стройкою городовъ на занятыхъ земляхъ [62]). Исторія разсказываетъ намъ о чисто-славянскихъ городахъ, какъ, напримѣръ, Ростовъ, Суздаль, Бѣлоозеро и др., появившихся между землями: Веси, Мери, Муромы. Этимъ способомъ достигались два важныхъ результата: во-первыхъ, города служили крѣпостью и защитою отъ чужеродцевъ, а во-вторыхъ, чрезъ дѣятельную торговлю, постоянныя сообщенія—Финны ославянивались. Цѣль достигнута Славяно-Руссами какъ нельзя лучше; уже въ XII вѣкѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, занятыхъ ими, почти-что нельзя было отличить Финновъ отъ Русскихъ. Этотъ историческій фактъ указываетъ съ одной стороны на нѣ-

---

[61]) Русскіе издревле были народомъ земледѣльческимъ и осѣдлымъ. По Нестору, они и дань платили съ дыма и сохи. Погорожане и сельчане одинаково занимались земледѣліемъ (Крест. на Руси Бѣл. Р. Б. 592, ч. I, стр. 38). Славяне имѣли постоянныя жилища и занимались земледѣліемъ, скотоводствомъ и пчеловодствомъ (Шафар. Погодинъ изслѣд. и лек. земл. др Руси Бѣляевъ). Исторія не знаетъ Славянъ въ быту кочевомъ, а застаетъ ихъ осѣдлыми и земледѣльцами. Славяне—народъ, по преимуществу, земледѣльческій (Бест.-Рюм. 1—55).—Земледѣліе было главнымъ занятіемъ русскихъ Славянъ. Вятичи платили дань отъ рала. Маврикій говоритъ о производствѣ у Славянъ пшена и проса; въ житіи Θеодосія упоминается о ржи (T. Helmolda, Зем. бы. Сла. Бусл. Lelevel P. W. sr., *Макуди*).

[62]) Колонизировали на занятыхъ земляхъ: Чудь, Мери, Весь (Бѣл. лек.).

которое преимущество въ цивилизаціи славяно-русскаго племени надъ финскимъ, а съ другой—на общинное устройство. Обрусѣвшихъ Финновъ община принимала къ себѣ и давала имъ тѣ же права, какими пользовалась сама. По нашимъ лѣтописямъ нигдѣ не видно, чтобы Славяно-Руссы держались германскаго порядка относительно чужеродцевъ, гдѣ ихъ принимали къ себѣ не иначе, какъ лишивъ свободы и поработивъ.

Доказательствомъ общиннаго быта можетъ еще служить порядокъ владѣнія землею у Славяно-Руссовъ. Владѣніе землею распадается на два отдѣла: общинное и частное. Общинное владѣніе землею состояло въ томъ, что извѣстное пространство земли принадлежало всей общинѣ. Каждый членъ общины могъ владѣть и пользоваться ею; но не имѣлъ никакого права на такъ-называемое юридическое отчужденіе. Тогда какъ частное поземельное владѣніе составляло собственность владѣльца, который и пользовался полнѣйшимъ правомъ отчужденія его Понятно, что такое поземельное устройство могло существовать только при общинномъ устройствѣ Намъ извѣстно, что въ родовомъ бытѣ извѣстнаго народа земля—достояніе цѣлаго рода, съ правомъ только пользованія со стороны членовъ рода [63]).

---

[63]) Общинныя земли раздѣлялись между членами общины (тянувшими къ ней) для ихъ кормленія и для раскладки на нихъ повинностей, по количеству получаемаго надѣла, на нужды общины

Въ строѣ древней русской общины членъ ея передавалъ свой участокъ даже и своимъ потомкамъ, съ тѣмъ только различіемъ отъ частнаго поземельнаго владѣнія, что какъ онъ, такъ и его наслѣдники непремѣнно должны были быть членами общины.

Что же касается городовъ, то ихъ количество ясно можетъ свидѣтельствовать въ пользу общиннаго устройства извѣстнаго народа. Такъ какъ мы видимъ полное развитіе этого явленія въ древней Руси, то это можетъ служить довольно сильнымъ доказательствомъ приводимаго нами мнѣнія [64]). Во всякомъ случаѣ, собравши въ одно цѣлое все

и платы, наложенныя на общину. Высшею мѣрою единицы земли при раскладкѣ повинностей была *соха*; въ нее входила только пахотная земля, съ присоединеніемъ къ ней луга и лѣсу. Соха дѣлилась на три разряда по качеству земли: *доброй земли*, *средней* и *худой*, на общинныхъ земляхъ: въ 800, 1.000 и 1.200 четей, и могла дробиться на $^1/_{24}$ его объема. *Четь*—мѣра пахатной земли, количество, на которомъ можно было сѣять четверть ржи; она равнялась $^1/_2$ десятины въ 80 саж. длины и 40 ширины или 60 въ квад. У Новгородцевъ *четь* называлась *коробьею* и была вдвое болѣе.

L'egalité ou l'inegalité entre les divers ordres de citoyen dans toutes les nations nouvelles tient essentiellement au premier portage de proprietés territoriales (Sismondi Pep. It. 1 т. стр. 59).

[64]) Въ географическихъ запискахъ Мюнхенской рукописи IX вѣка (866—890) исчислены нижеписанныя славянскія племена, поселившіяся въ Россіи, съ обозначеніемъ количества городовъ: *Phesnuzi* 70 городовъ (Нест. стр. 356.—Шлец.—Карамз.), *Thadesi*—200, *Glopeani*—400, *Zuireani*—325, *Busani*—231, *Sittizi*—об-

вышесказанное, должно заключить, что какъ у Славяно-Руссовъ, во время переселенія ихъ съ Дуная, равно и у большой части другихъ Славянъ и Сербовъ, Болгаръ и Поляковъ, отдѣлившихся, по свидѣтельству Нестора, отъ тѣхъ же дунайскихъ Славянъ,—бытъ общинный, а не родовой, въ извѣстной степени его развитія. Будемъ доказывать эту мысль постепенно, разбирая бытъ каждаго племени отдѣльно.

Славянскія племена великаго славянскаго народа, поселившіяся въ Россіи, слѣдующія: Улутичи, Тиверцы, Поляне, Древляне, Сѣверяне, Полочане, Кривичи, Дулебы (Бужа-

---

ширная область съ город. (Шаф.—2, стр. 216), *Stadizi*—516, *Sebirozi*—90, *Unlisi*—318, *Neriuani*—78, *Attorozi*—148, *Eptaradici*—263, *vuillerosi*—180, *Zabrosi*– 212, *Znetalici*—74, *Aturezani*—104, *Chozirozi*—250, *Lendizi*—98, *Thafnesi*—251, *Velunzani*—70, *Prissani*—70, *Zerinani*. Этотъ край такъ обширенъ, что изъ него вышли всѣ Славяне и получили тутъ свое начало (Шафарикъ сл. др. ч. 2—1, стр. 216). Не всѣ эти племена Славянъ, по Мюнхенской рукописи, признаются за чисто-славянскія, нѣкоторыя за чудскія. Ежели возьмемъ десятую часть изъ этихъ городовъ, то и тогда трудно признать у Славянъ, поселившихся въ Россіи, родовой укладъ (живущій отдѣльными родами), а не общиной (котораго главная потребность—общинная жизнь въ городахъ). Существованіе городовъ и племенъ доказываетъ, что бытъ ихъ былъ общинный (Бѣл. лек. Ист. Рус. зак.) Гиббонъ говоритъ, что Славяне въ VI вѣки имѣли 4.600 городовъ (Hist. of the decl. and fall. of Rom. Emp.), ссылаясь на географическій отрывокъ 550 года Histoires des peuples гр. Бюата, хранимый въ Миланской библіотекѣ (Карам. ч. 1, пр. 44).

не) и Новгородцы. На сколько намъ оставили документовъ наши лѣтописи, мы по говоримъ объ общинномъ началѣ у этихъ племенъ [65]) (Ипат. лѣт. стр. 3—6).

I. *Улутичи* [66]). Они жили, по словамъ Нестора, по Днѣпру. Онъ говоритъ такъ: «Дулѣби же живяху по Бугу, кде нынѣ Волыняне, а Улутичи и Тиверци сѣдяху по Бугу и по Днѣпру, и присѣдяху къ Дунаеви; оли до моря, и суть городи ихъ и до сего дне, до то ся зовяху отъ Грѣкъ Великая Скуфь» (Ипат. лѣт. стр. 7). — Объ нихъ упоминаетъ Константинъ Багрянородный, помѣщая ихъ подлѣ Печенѣговъ и Древлянъ (Con. Porph. Ad. стр. 37.—Стр. 11—986. Шаф. 2.—1, стр. 209); изъ чего можно вывести, что они жили южнѣе всѣхъ другихъ славянскихъ племенъ, переселившихся въ Россію. Наконецъ Несторъ говоритъ, что Олегъ воевалъ съ ними 10 лѣтъ (Лавр. спис.), а Игорь покорилъ, пославъ своего полководца Свѣнельда. Тутъ же упоминается о городѣ ихъ Пересѣченѣ, осаждаемомъ три года и взятомъ по истеченіи этого времени. Изъ

---

[65]) Описаніе, сдѣланное Прокопіемъ въ половинѣ VI столѣтія о Славянахъ, жившихъ на Дунаѣ, кажется пристойнѣе тѣмъ Славянамъ, которые жили въ V столѣтіи въ Россіи. «Славяне, говоритъ этотъ писатель,—не состоятъ ни подъ какой единодержавною властію, но имѣютъ съ древняго времени общее народное правленіе; почему о дѣлахъ своихъ, для пользы общей касающихся, совѣтуются всегда вмѣстѣ.

[66]) *Улутичи* въ Ипатіевск. сп., *Лутичи* по Кенигсбергс. сп., Ист. Госуд. Рос. Карамзина.— *Уличи*—Шафар., Бѣляевъ.

всего этого можно вывести, что они были отдѣльнымъ славянскимъ племенемъ, вышедшимъ послѣднимъ изъ прежняго своего мѣстожительства; что они были сильны и могущественны, если сопротивлялись Кіевлянамъ при Аскольдѣ и Дирѣ, Олегу и Игорю; наконецъ, главное, что имѣли общинный обще-славянскій бытъ [67]), что подверждаетъ ихъ жизнь по городамъ, которыхъ у нихъ насчитываютъ до 318 (Бавар. геогр. 9 вѣка). Между ними упоминается городъ Пересѣчень, находившійся, какъ предполагаютъ, не далеко отъ Кіева и Переяславля [68]. Болѣе ничего о нихъ нельзя сказать, потому что нѣтъ прямыхъ указаній лѣтописи, болѣе тѣхъ, которыя упомянуты. Въ географическихъ

---

[67]) Угрожаемые съ запада тѣми же врагами, которые принудили ихъ передвинуться на Русскую землю, а съ востока разными кочевниками, Улутичи (Улутичи въ Ипат. сп., въ Кенигсб. сп.— Лутичи, по Бѣл. Уличи) и Тиверцы, вскорѣ по переселеніи, принуждены были обратиться къ общинной жизни (мнѣн. Бѣляева).

[68]) Улутичи (Ипат. сп. стр. 7) и Тиверцы, по лѣтописи, народъ многочисленный, имѣющій значительное количество городовъ, живущій на нашемъ югѣ до самаго моря; со временъ Владиміра они какъ будто исчезаютъ изъ сказаній. Въ XIII вѣкѣ при Даніилѣ Галицкомъ являются какіе-то загадочные Бологовски князья, владѣющіе городами между Бугомъ и Днѣпромъ, въ ладахъ съ покорившими ихъ Татарами (Кост. вып. 5, стр. 221—222).

Въ XIV вѣкѣ Олгердъ нашелъ уже тамъ населеніе подъ начальствомъ атамановъ, хлѣбопашество и торговлю.

Въ концѣ XV столѣтія является въ нихъ русское старовство—поселеніе (Черкасское, Коневское), съ военнымъ сословіемъ казаковъ; самая земля называется Украйной. Названіе это переходитъ на все пространство земель древнихъ Уличей и Тиверцевъ.

запискахъ говорится, что они Unlizi populus multus civitates CCCXVIII (Шаф. Слав. Древ. 2—1,стр. 207).

2. *Тиверцы* [69]) жили недалеко или скорѣе по сосѣдству съ Улутичами, въ окрестностяхъ Днѣпра. Извѣстно, что Олегъ хотѣлъ ихъ покорить, но они сопротивлялись ему, слѣдовательно обладали силой. Въ Мюнхенскихъ запискахъ они называются Attorosi habent CXLVIII, populus ferocissimus. Багрянородный говоритъ, что ихъ было много и что они жили по Днѣстру, простираясь до самаго Дуная (Шаф. 211, ч. 2—1, стр. 215). Есть мнѣніе, что они, спасаясь отъ Галловъ, бѣжали на сѣверъ и поселились возлѣ нынѣшней Твери, отъ чего они и получили это имя (Const. Porph. Adm. Imp.—стр. 116—985. Шаф. 2—1, стр. 212). Достовѣрно то, что они жили общиной, были сильнымъ племенемъ и имѣли около 148 городовъ (Мюнх. географ. зап. Шаф.)

3. *Поляне* [70]).—Это племя занимало земли на востокъ отъ Древлянъ, по западному берегу Днѣпра. На долю По-

---

[69]) Тиверцы упоминаются въ войнѣ Олега съ Цареградомъ (Соф. Врем.—Шлец., Мюлеръ); въ походѣ Игоря противъ Грековъ (Нест. Шлец., Миллеръ, Шаф. С. Д. ч 2—1, стр. 212).

[70]) Поляне, переселившись, измѣнили даже свою религію: первоначально они состояли въ поклоненіи: озерамъ, лѣсамъ, рѣкамъ, горамъ; потомъ мы видимъ у нихъ Перуна, Волоса и другихъ боговъ, которыхъ они заимствовали у Литвы и Финнъ. Это заимствованіе чужихъ боговъ не мыслимо въ родовомъ бытѣ мн. Бѣл. Кенигсб. сп. 7, Ник. Л 3, Соф. Вр. 5, Лавр. лѣт. 47).

лянъ выпало особенное счастіе со стороны историческихъ указаній о внутреннемъ ихъ бытѣ въ лѣтописи Нестора. Онъ разсказываетъ, что Поляне, пришедши съ Дуная, принесли оттуда вмѣстѣ съ собою и свой родовой бытъ. Вотъ его слова: „Поляне живяху каждо съ своимъ родомъ, на своемъ мѣстѣ и володѣюще каждой родомъ своимъ". Однако не своя родная, а чужая земля, которую это племя захватило по западному берегу Днѣпра, скоро заставила ихъ распроститься съ родовымъ бытомъ, перемѣнивъ его на общинный. Три брата, какъ разсказываетъ намъ лѣтописецъ Несторъ,—Кій, Щекъ и Хоривъ, овладѣли въ своемъ лицѣ управленіемъ этого племени, поставили на берегу Днѣпра городъ и дали ему имя Кіева, по имени старшаго своего брата Кія. По смерти этихъ трехъ братьевъ власть перешла въ потомство Кія. Родъ Кія не долго владѣлъ Полянами: онъ скоро вымеръ и послѣдніе отмѣнили у себя родовое владѣніе и начали управляться вѣчемъ. Съ этого времени у Полянъ сталъ быстро развиваться общинный бытъ и получилъ полное свое значеніе. Несторъ, разсказывая о нападеніи на Славянъ козарскаго народа, сообщаетъ намъ первое извѣстіе объ общинномъ бытѣ этого племени. Вотъ это драгоцѣнное для насъ свидѣтельство, какъ самый лучшій документъ вѣчеваго устройства Полянъ: „И пойдоша я Козаре [71]), сѣдящая на горахъ сихъ, въ лѣсахъ и рекоша Козаре:

---

[71]) Также Хозары (Карам. Ист. Госуд. Рос.), Козары—у Погодина, Ломоносова, «Синопсисъ» и друг.

платите намъ дань. — Думавши же Поляне и вдаша отъ дыма мечъ". Это первое извѣстіе объ общинномъ бытѣ Полянъ подтвержается другимъ, не менѣе важнымъ документомъ. Несторъ говоритъ о вѣчевомъ общиномъ устройствѣ какъ Кіева, такъ и Новгорода и другихъ славянскихъ городовъ: „Новгородцы бо изначала и Смольяне и Кіяне и вся власти яко-же на думу на вѣче сходятся и что старшіе сътдумаютъ, на томъ и пригороды станутъ". Такимъ образомъ, говоря собственно о полянскихъ земляхъ, нѣтъ никакого сомнѣнія въ общинномъ вѣчевомъ устройствѣ внутренняго быта этого племени, до прихода Рюрикова рода и утвержденія его власти въ Кіевѣ.

4) *Древляне.* — Земли Древлянъ лежали на востокѣ и сѣверо-востокѣ отъ Тиверцевъ и Дулебовъ. Свидѣтельство объ общинномъ вѣчевомъ бытѣ этого великаго племени мы находимъ также у преподобнаго Нестора; изъ разсказовъ его о борьбѣ Древлянъ съ Игоремъ и Ольгою видно, что князь ихъ ограниченъ былъ въ управленіи лучшими мужами, держащими землю Древлянскую. Здѣсь необходимо обратить вниманіе на слова: «лучшіе мужи державшіе землю Древлянскую» (Лавр. лѣт. стр. 24) (Несторъ-Кенигсб. сп. стр. 12—35), а не «старѣйшіе».—Этимъ самымъ ясно указывается на сильное развитіе у Древлянъ общиннаго, а не родоваго устройства. Общинное вѣчевое устройство у Древлянъ еще болѣе подтверждается дальнѣйшимъ разсказомъ Нестора, гдѣ послы древлянскіе, прибывшіе къ

Ольгѣ, говорятъ: «Посла ны Деревьская земля». (Ипат. лѣт. стр. 35). Всѣ эти свидѣтельства нашего лѣтописца показываютъ, что земля Древлянская составляла одно общее цѣлое: главою внутренней ея администраціи былъ князь, который ограничивался въ образѣ своихъ дѣйствій «лучшими мужами, излюбленными народомъ», —что у Древлянъ были города: Коростень, Овручъ, какъ свидѣтельствуетъ Несторъ, и что слѣдовательно бытъ ихъ былъ общинный, а не родовой Общинное устройство Древлянъ, какъ нельзя болѣе, схоже съ сербскимъ: у Древлянъ былъ князь, а у Сербовъ — жупанъ; у Древлянъ были лучшіе мужи, держащіе землю, а тамъ — *волостени*; у Древлянъ было вѣче, а у Сербовъ—*соборы*. И слѣдовательно, если сербское правленіе признается за общинное, то почему же въ управленіи Древлянъ отрицать вѣчевой характеръ? Древляне были побѣждены только силою оружія преемниковъ Рюрика [72]), но не были покорены окончательно, не вошли въ составъ тогдашняго Русскаго государства,—не были прямою неотъемлемою частью его, какъ напримѣръ: Смоленскъ, Полоцкъ, Новгородъ, Изборскъ и проч. Они платили дань только какъ побѣжденные, до поры до времени, когда выгонятъ своихъ побѣдителей и сами сдѣлаются, въ свою очередь, владыками ихъ: какъ началось и было это стремленіе Древлянъ при убійствѣ Игоря и сватовствѣ князя ихъ

[72]) Иде Игорь на Древляны въ лѣто 6422 (914) и побѣдивъ, възложи на ня дань большю Ольговы.

Мала за Ольгу, чтобы съ полученіемъ руки великой княгини получить и всѣ области, составлявшія Русское государство.

Дань съ Древлянъ, только какъ съ побѣжденныхъ, а не принадлежащихъ Русскому государству, собиралась не черезъ посадниковъ, тіуновъ, какъ это было въ прочихъ областяхъ, составлявшихъ Русское государство, а вооруженною рукою, силою, громаднымъ количествомъ дружинниковъ, которыми занимали Древлянскую землю при сборѣ дани. Власть русскаго князя, какъ у Мери, Мордвы, Печеры и Черемиссы, ограничивалась только сборомъ дани, въ родѣ ясака, какъ называютъ свою дань туземные сибирскіе жители; но долго не касалась внутренняго и внѣшняго устройства Древлянъ: они имѣли своего собственнаго князя Мала, свой судъ и управу, свое вѣче, своихъ дружинниковъ, бояръ, земцевъ, именуемыхъ лучшими мужами; могли заключать, съ кѣмъ хотѣли, свои союзы, для противодѣйствія захватамъ русскаго великаго князя.—У нихъ посадники и тіуны сами собирали дань для своего князя, выдѣляя часть ея на уплату русскому великому князю, такъ какъ были побѣждены его силою и обложены данью. Древляне, только завоеванные силою, не были подчинены великому княжеству Русскому, не составляли существенной, плотной части древней Руси. Такимъ образомъ общинное устройство Древлянъ, о которомъ разсказываетъ Несторъ, при описаніи судьбы Игоря, сватовство Мала за Ольгу должно относиться ко времени гораздо ранѣе Игоря,

Ольги и Рюрика, потому что Древляне были только побѣждены, а не покорены, и управлялись сами собою. Слѣдовательно, земское вѣчевое устройство Древлянъ есть собственное, самобытное ихъ управленіе: не могли же они только со времени Рюрика, тѣмъ болѣе Ольги и Игоря, развить у себя такое, сильное и полное общинное устройство; не могли они заимствовать общинный земскій строй у Полянъ, когда Древляне не только не были побѣждены Полянами, но даже враждовали съ ними за стремленіе къ господству другъ надъ другомъ, какъ это видно изъ желанія Древлянъ черезъ супружество Ольги съ Маломъ, захватить и подчинить своей власти и Полянъ и всю тогдашнюю Русь. Слѣдовательно, какъ у Полянъ, такъ и у Древлянъ, еще до прибытія Рюрика, было общинное вѣчевое устройство земщины.

5) *Сѣверяне* [73]. Земли Сѣверянъ лежали на восточномъ бе-

[73]) Несторъ оставилъ намъ свѣдѣнія о жизни и обычаяхъ Сѣверянъ, объ ихъ обрядахъ свадебъ, похоронъ, тризнъ: «Схожахуся на игрища, на плясанья и на вся бѣсовьскыя пѣсни, и ту умыкаху жены собѣ с нею-же кто свѣщавашеся» (Ипат. лѣт. 7—8). Всѣ эти обычаи, порицаемые строгимъ монахомъ, показываютъ не сомкнутость родоваго быта, а болѣе общинное устройство. Тризна не родовой обрядъ: она была не для однихъ родныхъ,—на нее могли идти всѣ желающіе попировать въ память покойника; даже третья часть оставшагося по немъ имущества опредѣлялась на эти публичныя пиршества.

Описывая съ негодованіемъ жизнь Сѣверянъ, Несторъ (Ипат. лѣт. 7) кладетъ тѣ же самые пороки на Древлянъ и на два племени, происшедшихъ отъ Славянъ, Ляховъ, Вятичей и Радимичей.

регу Днѣпра отъ Полянъ. По сказанію Нестора, племя Сѣверянъ образовалось изъ выходцевъ—отъ Кривичей, которые отдѣлились отъ Полочанъ, а Полачане отдѣлись отъ Новгородцевъ. Слѣдовательно, родоначальники Сѣверянъ Полочане, Кривичи и Ильменскіе выходцы. Эту мысль подтверждаетъ нѣсколько и самое званіе этого племени—Сѣверяне [74]). Уже одно то, что предками Сѣверянъ были Новгородцы, должно привести насъ къ убѣжденію въ ихъ общинномъ, а не родовомъ бытѣ; но кромѣ этого свидѣтельства въ устройствѣ городовъ Сѣверянами, которые простирались отъ Любеча до Переяславля, мы ясно видимъ общинный бытъ этого племени; города ихъ: Черниговъ, Любичъ, Переяславль. Широкая торговля Сѣверянъ не менѣе свидѣтельствуетъ объ ихъ общинномъ бытѣ. Византійскій писатель Константинъ Порфирородный говоритъ, что Сѣверяне изъ Чернигова и Любеча ежегодно собирались вмѣстѣ, чтобъ отправляться съ товарами въ Константинополь. Кромѣ Константинополя, Сѣверяне торговали также съ Козаріею и Камскою Болгаріею, какъ разсказываетъ Ибнъ-Фоцланъ [75]) (920—922), посолъ калифа Муктадера; по его словамъ, въ козарскомъ го-

«Бяста бо два брата в Лясѣхъ Радимъ и Вятокъ и пришедша сѣдоста Радомъ на Съжю, а Вятко на Оцѣ» (Ипат, лѣт. Кенигзб. сп. стр. 8—11). У нихъ былъ городъ Вятичекъ (Шафарикъ изсл. о древ. обл. 1862 Чт. об. ист. и древ.)

[74]) Сѣверяне отъ страны сѣверной надъ Двиною.

[75]) Ибнъ-Фоцланъ оставилъ описанія похоронъ у Сѣверянъ, доказывающія ихъ богатства.

родѣ Итилѣ была славянская слобода и кумиры въ рощѣ. Сильная торговля Сѣверянъ, по тогдашнему времени, указываетъ на ихъ раннее значительное развитіе, если возьмемъ въ разсчетъ, что не естественныя нужды и не безплодіе почвы способствовали къ такой широкой торговлѣ. Такимъ образомъ думаемъ, что если собрать въ одно всѣ прямыя и косвенныя свидѣтельства о Сѣверянахъ, то необходимо видимъ въ устройствѣ этого племени общинный, а не родовой бытъ. Мы знаемъ, какъ при родовомъ устройствѣ западныхъ народовъ было слабо развито у нихъ въ Рюриковскую эпоху торговое значеніе и количество городовъ до самыхъ почти Крестовыхъ походовъ, несмотря на незначительное количество земли, въ сравненіи съ Русью,—земли, совершенно бѣдной, окруженной большею частію морями, что особенно способствуетъ къ развитію торговыхъ операцій, кромѣ того если при этомъ взять еще въ разсчетъ густое населеніе на такомъ небольшомъ клочкѣ земли.

6. *Полочане* [76]).—Земли Полочанъ были на рѣкѣ Полотѣ и при соединеніи Полоты съ Западною Двиной. Они были одноплеменники Новогородцевъ и родоначальники Кри-

[76]) Полочане имѣли также свои колоніи въ Жмудской землѣ, съ городомъ Великоміромъ и другими. То, что дѣлалъ для славянской колонизаціи Новгородъ на сѣверѣ и востокѣ, то дѣлали Полочане на Западѣ. До Рюрика Полочане не были отдѣлены отъ Новгорода: Полоцкъ былъ его меньшимъ братомъ. Несторъ свидѣтельствуетъ, что на новогородскомъ вѣчѣ участвовали Полочане и Кривичи (Бѣляевъ—Кенигз. сп. 14).

вичей и Сѣверянъ. Слѣдуя по Западной Двинѣ, поселенія ихъ простирались вплоть до самаго Балтійскаго моря. Ливонская лѣтопись упоминаетъ о двухъ городахъ Полочанъ: Кукейносъ и Берсикъ (епископъ Альбертъ), находящихся при Балтійскомъ морѣ. Слѣдуя же отъ Двины на югъ, поселенія Полочанъ доходили до Нѣмана, Вислы и Буга. Оспаривать эту мысль нѣтъ никакой возможности: названіе многихъ мѣстностей, находящихся между этими тремя рѣками, вполнѣ чисто славянскія названія, какъ напримѣръ города: Пултускъ, Пултувескъ, Полоцкъ; рѣки: Дисна, Двина, Дубно, Наревъ и др. Преподобный Несторъ говоритъ, что племена не славянскія были данниками Руси; изъ исторіи же литовской видно, что Полочане владѣли Литовскою землей; слѣдовательно, нѣтъ никакого сомнѣнія, что всѣ города на Литовской землѣ построены были Полочанами. Что же касается до общественнаго быта Полочанъ, то Несторъ въ одномъ мѣстѣ называетъ Полоцкую землю княженіемъ; но говоритъ, что она управлялась вѣчемъ, слѣдовательно имѣла общинный образъ правленія. И если сравнимъ свидѣтельство Нестора о Полоцкой землѣ съ свидѣтельствомъ литовскаго лѣтописца Быховца, то окажется, что послѣдній, какъ нельзя болѣе, подтверждаетъ слова перваго: «Мужіе Полочане, говоритъ Быховецъ,—вѣчемъ ся справовали, какъ Великій Новгородъ». Такимъ образомъ, взявши во вниманіе слова обоихъ лѣтописцевъ: Нестора и Быховца, необходимо должно придти къ тому выводу, что устройство

Полочанъ было общинное, вѣчевое. Торговля Полочанъ особенно сосредоточивалась на Балтійскомъ морѣ, по Западной Двинѣ. Исторія свидѣтельствуетъ, что нѣмецкій народъ и Ливонскій орденъ просили Полочанъ, чтобъ они дозволили имъ поселиться на берегахъ Балтійскаго моря. Что же касается до торговыхъ операцій Полочанъ съ Византіею, то мы не встрѣчаемъ извѣстій ни въ нашихъ, ни въ византійскихъ лѣтописяхъ.

7. *Кривичи* [77]).—Мѣстопребываніе Кривичей, какъ свидѣтельствуетъ Несторъ,—верховья Днѣпра, Западной Двины и Волги. Многочисленное это племя занимало страну самую удобную и выгодную по ея положенію: по Днѣпру шла дорога Кривичамъ въ Грецію,—и они, какъ нельзя лучше и ранѣе, воспользовались этимъ рѣчнымъ путемъ. Константинъ Багрянородный разсказываетъ, что изъ принадлежавшаго Кривичамъ города Смоленска каждый годъ появлялись лодки съ товарами въ Константинополѣ Система же Волжская давала имъ возможность вести сильную торговлю съ Востокомъ—Хозарами и Болгарами. Но въ особенности они вели широкую торговлю съ Западомъ, чрезъ Нѣманъ и Двину, достигая этимъ путемъ до Бал-

---

[77]) По свидѣтельству Нестора, между Припетью и Двиною жило племя Дреговичей (Лавр. сп. стр. 6). Дреговичи, вѣроятно, недовольно сильные, чтобы сопротивляться сосѣднимъ Ятвигамъ и Литовцамъ, слились съ ними въ одно племя, извѣстное въ лѣтописи подъ именемъ Кривичей (Лавр. сп., стр. 3—6). Бѣляевъ.

тійскаго моря; Литовская же страна не могла выставить соперниковъ этой торговлѣ, которая считалась самою выгодною для Кривичей. Вѣчевое общинное устройство племени Кривичей ясно видно изъ словъ Нестора. Онъ говоритъ, что они управлялись вѣчемъ и что народная дума старшаго города Смоленска руководила другими пригородами, а тѣ—селами и такъ далѣе. «На чемъ старшіе сдумаютъ, на томъ пригороды станутъ».

8. *Дулебы—Бужане.*—«Зане сѣдоша по Бугу» (Нест., Ипат. сп. стр. 6). Объ ихъ внутреннемъ укладѣ мы имѣемъ мало свѣдѣній Несторъ говоритъ, что это племя переселилось очень рано и въ половинѣ VII вѣка было покорено Аварами (Лавр. сп. стр. 5; Ипат лѣт. стр. 7.) Сосѣдство воинственныхъ племенъ Литвы и Ятвяговъ, конечно, вынудило, для ихъ отпора, Дулебовъ строить города и жить не врозь, а общинами (Бѣл. стр. 9).

9. *Новгородцы* [78]). Если взять во вниманіе исторію преданій, то оказывается, что ильменскіе Славяне были самые древніе переселенцы съ Дуная. Въ первомъ вѣкѣ по Р. Х. Андрей Первозванный застаетъ уже Славянъ на ихъ мѣстѣ у Ильменя [79]). Новгородцы были самые старшіе со-

---

[78]) Славяне, пришедшіе съ Дуная: «сѣдоша около озера Илмена и нарекошася своимъ именемъ—Русь, рѣки ради Руссы» (Русск. Врем., сирѣчь лѣтоп., стр. 2).

[79]) Сказаніе о путешествіи Андрея Первозваннаго — разсказъ о баняхъ новгородскихъ: «И начнуть хвостатись и того собѣ добь-

племенники Полочанъ, Кривичей и Сѣверянъ. Несторъ говоритъ, что Новгородцы были Славяне, поселились около озера Ильменя, между финскими племенами. Нельзя предполагать, конечно, чтобы дѣло обошлось у переселяющихся Новгородцевъ безъ кровавыхъ стычекъ съ дикими финнами. Но нельзя также и думать, чтобы только ужасными войнами и страшными опустошеніями Новгородцы, въ такое короткое время, успѣли подчинить себѣ и ославянить Финновъ; племя ильменскихъ Славянъ было не слишкомъ многочисленно, въ сравненіи съ чужеродцами—Финнами. Если предположить однѣ только побѣды и сильный натискъ на Финновъ со стороны Новгородцевъ, въ такомъ случаѣ должно думать, что Новгородцевъ поддерживали другія славянскія племена, постоянно переселявшіяся съ Дуная; но этого мы не видимъ на самомъ дѣлѣ, потому что, и по позднѣйшимъ лѣтописямъ, славянскія племена, болѣе или менѣе, враждовали другъ съ другомъ. Въ такомъ случаѣ, если и были у переселявшихся Новгородцевъ жаркія стычки съ Финнами, все же не имъ должно приписывать весь успѣхъ въ дѣлѣ подчиненія малочисленнымъ ильменскимъ племенамъ огромнаго финскаго племени. Этотъ успѣхъ нужно скорѣе приписать мирнымъ отношеніямъ, постепенной цивилизаціи. Они болѣе дѣйствовали какъ колонизаторы, чѣмъ какъ завоеватели. Славяне-пришельцы въ Финскую землю

ють одва вылѣзуть ле живы» (Лѣт. Нестора Ипатіевскаго списка, стр. 5, Кенигз. сп. стр. 8).

не столько были завоеватели въ матеріальномъ смыслѣ этого слова, хотя и нельзя отвергать доли завоеванія, сколько цивилизаторами. Это мнѣніе подтверждается И. Д. Бѣляевымъ въ исторіи Великаго Новгорода [80]). Принявъ въ разсчетъ перевѣсъ силъ Финновъ, мы должны принести полное признаніе справедливости этого мнѣнія. Для напора требовалось племя гораздо многочисленнѣе ильменскихъ Славянъ, а отстаивать только захваченное, какъ дѣлали Новгородцы, и вносить цивилизацію и мирныя сношенія они, при своемъ небольшомъ числѣ, могли весьма успѣшно. Въ ихъ стремленіи колонизировать имъ способствовали торговыя сношенія [81]); къ чему особенно была склонна натура ильменскихъ Славянъ. Такъ какъ торговля есть одинъ изъ глав-

---

[80]) Главною причиной обращенія Литовцевъ и Варяговъ въ Славянъ въ новгородскомъ обществѣ былъ коренной Новгородскій законъ одноправности всѣхъ членовъ новгородскаго общества, не обращавшій вниманія на различіе происхожденія, который и Финновъ претворилъ въ Новгородцевъ. Въ Новгородѣ былъ одинъ общій порядокъ для всѣхъ пришельцевъ, по которому каждый пришелецъ, откуда бы онъ не происходилъ, безъ всякаго препятствія принимался въ члены новгородскаго общества и получалъ одинаковыя права со всѣми другими членами (Бѣляевъ—Ист. Вел. Новг. стр. 44).

[81]) О русской торговлѣ, съ первыхъ временъ образованія государства, мы имѣемъ свѣдѣніе изъ Византіи—отъ Константина Багрянороднаго, съ Запада—изъ сочиненій: Адама, Дитмара, Саксона, Егингарта, отъ Арабовъ—изъ сказаній Ибнъ-Фоцлана, Ибнъ-Гаукала и другихъ.

Статьи, касающіяся торговли, въ договорахъ Олега и Игоря, суть вѣрнѣйшіе доводы широкаго процвѣтанія торговли.

ныхъ способовъ колонизаціи, то они всегда могли ославянить враждебныя финскія племена, ввести ихъ въ собственные свои общинные интересы, въ свои народныя желанія, въ свои обычаи, въ свои преданія, вѣру и языкъ. И эта цѣль, какъ нельзя лучше, была достигнута Новгородцами: Финны быстро сами собой ославянивались, потому что нѣтъ и не было еще народа, который могъ бы устоять въ своемъ варварствѣ противъ цивилизирующей силы торговыхъ сношеній, противъ широкаго общиннаго вѣчеваго устройства, въ которомъ одномъ только можетъ развиться всецѣло и вполнѣ вѣчный духъ человѣчества [82]). Что же касается до этого вѣчеваго общиннаго быта Новогородцевъ, вотъ слова преподобнаго Нестора: «Новгородцы бо равно какъ Кыяне и Полочане изначала яко-же на думу на вѣче сходятся и на чемъ съдумаютъ, на томъ и пригороды станутъ».—Это великое государственное начало [83]) было причиной обрусиванья Финновъ; ихъ внутрен-

---

[82]) Что еще болѣе связывало племена пришедшихъ Славянъ—это общее Славянамъ начало общиннаго строя. Вѣчевое начало было родное всѣмъ Славянамъ повсюду. Какъ коренное учрежденіе народное—является вѣче. Самое выраженіе *вѣче* есть названіе общее всѣмъ Славянамъ русскимъ (народное сборище), какъ въ Кіевѣ и на Волыни, такъ и въ Ростовѣ и Новгородѣ. Вѣчевое устройство должно было дѣйствовать соединительно на русскій народъ (Костомар. 138).

[83]) При Рюрикѣ, уже послѣ возстанія Вадима, Новгородцы говорили: «Бѣда намъ отъ этого князя,—сдѣлаетъ онъ насъ рабами», хотя власть его и была ограниченна.

ній бытъ былъ грубѣе, ниже новгородскаго, въ смыслѣ духовнаго развитія. Что Новгородцы дали присоединившимся Финнамъ равныя общинныя права, мы видимъ при призваваніи Рюрика. Лѣтописецъ разсказываетъ, что „рѣша Русы Чудь, Словени и Кривичи и вси“ и т. д. [81]) Чудь ни что иное, какъ Финны. Бытъ Финновъ былъ родовой; онъ не могъ удержать собственнаго значенія при столкновеніи съ болѣе высокимъ духовнымъ, широкимъ, всечеловѣческимъ бытомъ Новогородцевъ. Общинная сила Новогородцевъ была велика и могущественна, общественная сила туземцевъ была слабая, почти до ничтожества, стояла на самой низшей степени государственнаго развитія, такъ что о Финнахъ, нѣкогда жившихъ на огромномъ пространствѣ Рус-

---

Князь управлялъ войскомъ въ походахъ и войнахъ, творилъ судъ и расправу, получалъ по онымъ пошлины, имѣлъ земли для своего и его дружины содержанія. Но какъ скоро дѣла касались земщины, то онъ могъ дѣйствовать не иначе, какъ съ согласія и въ ея интересахъ.

[81]) Финны были добрые «содачники и во метаніи копія съ великою скоростію не бѣ инъ народъ прістоінѣішіи паче сего. Біваліся стрѣлами болішімн и широкімн. Въ звѣроловленіяхъ похваляліся, не пребывали во едіномъ мѣстѣ, но обітаніе ихъ было блудящее и неізвѣстное» (стр. 109, кн. истор. Почат. имени славы и разш. нар. Слав. Мавроурбіна Ар. Раг. изд. 1722).

Тацитъ описываетъ финское племя въ слѣдующихъ словахъ: «У Финновъ существуетъ удивительное варварство и ужасная бѣдность: у нихъ нѣтъ ни оружія, ни коней, даже жилищъ; растенія служатъ имъ пищей, шкуры звѣрей—одеждою, земля—постелью; охота питаетъ мужчинъ и женщинъ (Tacite Germ. 46).

скаго государства, занимавшихъ нынѣшнія губерніи: Петербургскую, Новгородскую, Тверскую, Московскую, Владимірскую, Костромскую, Рязанскую, Нижегородскую и пр., мало осталось, а въ другихъ областяхъ и со всѣмъ неосталось памяти еще при первомъ русскомъ князѣ Рюрикѣ. Однихъ Новгородцы ославянивали быстро, а другихъ—прочія славянскія племена. Такъ силенъ общинный, вѣчевой народный укладъ передъ родовымъ бытомъ, основаннымъ только на внѣшней силѣ и на презрѣніи къ страданіямъ остальнаго бѣднаго человѣчества, изнывавшаго подъ тяжелою пятою рода. Не нужно прибѣгать къ другимъ доказательствамъ общиннаго быта Славянъ,—достаточно только одного, что переселенцы Славяне обрусили племена, гораздо ихъ многочисленнѣе, чего нельзя никакъ достигнуть безъ общиннаго вѣчеваго быта, безъ признанія личности чужеродца, кто бы онъ ни былъ, во всей ея силѣ, во всѣхъ ея человѣческихъ правахъ. Славяне не убивали чужеродцевъ, какъ Германцы, не обращали ихъ въ рабство; а признавая и за ними человѣческое достоинство, принимали ихъ съ полной охотой въ свою общину на правахъ, равныхъ съ самими съ собою. Вотъ та главная коренная причина, почему жизнь русскаго народа, его цивилизирующая сила захватила такое огромное количество Европы, глубоко врѣзалась въ Азію, подчинила своему сильному нравственному могуществу милліоны тамошнимъ обитателей. Всѣмъ этимъ Русь обязана вѣчевому общинному быту русскаго

народа, его безпримѣрному единодушію въ отечественныхъ бѣдствіяхъ и несчастіяхъ [85]), его человѣчественности и общности въ отношеніи къ чужеродцамъ. Русскій человѣкъ всякаго не говорящаго его языкомъ, въ особенности не исповѣдывающаго его вѣру, считалъ нехристемъ, но никогда не лишалъ его имени человѣка. Что же мы видимъ въ противоположность этому у другихъ народовъ? Магометане считаютъ христіанина гяуромъ; Поляки не стыдились жечь и казнить казаковъ. Наконецъ самая инквизиція не есть ли униженіе человѣка до степени животнаго?! О Нѣмцахъ и говорить нечего: они въ самомъ названіи славянскаго племени видятъ прямое указаніе на положеніе всякаго Славянина въ средѣ человѣчества. Многіе, можетъ, скажутъ, что въ Россіи было уничтоженіе личности (крѣпостное право): но вспомнимъ, давно ли оно, не была ли свободна всегда древняя Русь, не росла ли она, не достигала ли могущества подъ обаятельнымъ покровительствомъ равенства людей? Угнетеніе крестьянъ есть извращенное пониманіе своего долга,—не данное право, но достигнутое нравственнымъ несовершенствомъ людей. Это дѣло личное; большая же часть не забывала словъ Евангелія: «видѣть

---

[85]) Въ 1612 году не было государства, — оно расшаталось, но народъ своею мощью выгналъ, истребилъ Поляковъ и самозванцевъ и возстановилъ государство. 1812 года вся Европа напала на Россію, подгоняемая Наполеономъ, — и здѣсь народъ русскій обратилъ въ прахъ единодушнымъ отпоромъ всю трехсотъ-тысячную гордыню Франціи.

въ человѣкѣ брата». У насъ всѣ чужеземцы жили и живутъ и пользуются одинаковыми правами съ туземцами, и даже еще болѣе. Пересмотрите древнія граммоты Новгородскія, какъ обезпечивали онѣ свободу иновѣрцевъ [86]) наравнѣ съ прочими обитателями Руси. Пересмотрите всѣ законодательства нынѣшняго времени,—и всѣ они говорятъ въ пользу тѣснаго общенія съ иновѣрцами. Даже жиды не подвергались у насъ никогда обычаю чистыхъ четверговъ, какъ это было во Франціи, гдѣ *въ чистый четвергъ* бѣдныхъ Евреевъ избивали камнями, мстя за смерть Христа. Духовенство, во имя общинной идеи народа, не получило на Руси западнаго значенія: царство его и осталось, какъ приказалъ Христосъ, царствомъ не отъ міра сего [87]). И Русь, какъ древняя, такъ и новая, не вырубала лѣса на костры для невѣрныхъ, не употребляла желѣза, воды, самыхъ стихій для разнообразнѣйшихъ пытокъ еритикамъ [88]).

---

[86]) По граммотѣ (проекту) Новгорода начала XIII столѣтія мы знаемъ, что въ Новгородѣ и Ладогѣ были особые торговые дворы нѣмецкіе и голландскіе, съ своими церквами и кладбищами; въ Новгородѣ—Голландскій дворъ съ церковью св. Олова и Нѣмецкій съ церковью св. Петра, а въ Ладогѣ у Нѣмцевъ была церковь св. Петра же, а у Голландцевъ—св. Николая (Ист. Новгор. Велик. Бѣл. 279).

[87]) Митрополитъ Кипріянъ былъ того мнѣнія, что монастырямъ не слѣдуетъ имѣть земель и деревень.

[88]) При Филиппѣ III, благодаря инквизиціи, Испанія лишилась милліона самыхъ трудолюбивыхъ и полезныхъ своихъ жителей—Мавровъ; Hist, d'e l'Inquis v. 430 Decad. de l'Esp. (Clarkés Int. St. of Esp.). Монахъ (Kastro) Бледа и кардиналъ братъ Лермы,—

Духовенство Руси во всѣ времена проповѣдывало о безнравственности игры на торжищахъ, о маскахъ и разныхъ непристойныхъ представленіяхъ для забавы народа, но никогда не шло далѣе. Оно съ любовію смотрѣло на забавы своихъ духовныхъ дѣтей, происходя само изъ того же народа и пропитанное само тѣмъ же народнымъ духомъ. Поэтому наше духовенство никогда не лишало погребенія уве-

настаивали на общее ихъ убіеніе. Сочиненія о бытѣ Запада, какъ Ав. Тіери (des temps Mirovingiens), Сисмонди (Rep. It. Moyn. âge), Баранта (Les ducs de Bourgogne) даютъ много данныхъ объ обычаяхъ и не человѣческихъ дѣяніяхъ личностей описываемыхъ ими эпохъ: Ранке (Hist. dés papes), Magnin (pouv. des pap.), Норманъ (Gregoir VII), Prescot (Филиппъ II) проливаютъ много свѣта на главъ католицизма. Папы въ теченіе 60 лѣтъ назначались Теодорой и дочерью ее Мерозіей, двумя снисходительными красавицами Рима; изъ числа многочисленныхъ ихъ любовниковъ: Иванъ X. (912), Леонъ VI, Степанъ VII (Norm. Greg. VII T. 1 p. 153—55), Бенедиктъ IX былъ выбранъ въ папы 10 лѣтъ и въ теченіе 12 ти лѣтняго своего управленія извѣстенъ развратомъ и воровствомъ (Sism. H. Rep. It). Въ 855 году между папой Леономъ IV и Бенедиктомъ была папой англійская авантюристка (Papesse Jeanne) возсѣдавшая на тронѣ св. Петра два года (Kr. Belsk. из. 1551—22 стр. 171) и сверженная съ своего сапа за рожденіе новаго христіанина во время ея служенія въ храмѣ (Kron Belsk. изд. 1551 г. гл. 2, стр. 171). При Карлѣ V въ Нидерландахъ истреблено было религіозными преслѣдованіями отъ 50 т. (Мотлей-Баръ-Метеренъ) до 100 т. (Гроцій): даже погребаемы были заживо (Davies Hist. of Holland VI, p. 383—2—311—312); въ пять лѣтъ своего управленія Альба уничтожилъ убійствомъ болѣе 17 т.

Въ Русской исторіи встрѣчаются преступленія, но они лишены этого страшнаго, не человѣческаго характера, по которому человѣкъ становится въ разрядъ животныхъ и которыми отличаются

селителей народа, тогда такъ духовенство Франціи лишало погребенія театральныхъ артистовъ. Русская женщина, не входящая въ алтарь по каноническимъ постановленіямъ и униженная этимъ самымъ, какъ проповѣдываютъ заграничные цивилизаторы, никогда не выводилась на Руси съ веревкой на шеѣ на торгъ, какъ это было при разводѣ въ свободолюбивомъ соединенномъ королевствѣ Великобрита-

---

кровавыя дѣла Европы (Р. И. Аксакова—22). И у насъ были темные отблески звѣрства людскаго: былъ ослѣпленъ Василько, былъ погромъ опричниковъ, кровавые дни Новгорода; но у насъ были дикіе порывы личностей, на Западѣ характеристика цѣлыхъ кастъ; у насъ случайные скорбные факты, тамъ послѣдовательные, вошедшіе въ обычай, утвердившіеся.

Бургравы, феодалы среднихъ вѣковъ, считали уже себя облеченными въ привиллегію — по произволу пытать, морить голодомъ, умерщвлять низшія сословія, грабить и разбойничать для забавы; они имѣли права вѣшать поселянина за убитаго зайца, права первой ночи на дѣвушекъ своего лена.

И у насъ были религіозные вопросы, были ереси: жидовская и стригольниковъ. Но эти секты кончали свое существованіе безъ кровопролитія, — прекращались убѣжденіемъ слова, а не силой оружія. Наши митрополиты и патріархи были люди Христа и міра, защитники сиротъ, покровители убогихъ, а не палачи и воины грабители, какъ духовенство Запада; не отравляли они, какъ папы, своихъ враговъ, а молились за нихъ,—не возбуждали войнъ и рѣзьни для своей пользы, а были примирителями; не проклинали по личнымъ интересамъ (Григорій VII) и не продавали прощеніе будущихъ преступленій (Леонъ X); не было у насъ Варфоломеевской ночи съ умерщвленными 25 т. гугенотами и съ королемъ Карломъ, стрѣляющимъ съ балкона въ бѣгущихъ; не было пытокъ, костровъ, инквизицій, въ теченіе шести столѣтій (съ 1208 года) мучившихъ, истребляющихъ людей, въ угоду корысти

ніи [89]). Женщина на Руси юридически пользовалась всѣми правами, присоединенными мужчинѣ: правомъ завѣщанія,

---

духовенства. Въ 1681 году хотя и были и у насъ сожжены раскольники: священники Аввакумъ, Лазарь, діаконъ Θеодоръ и монахъ Епифаній (Кост. И. Р. в. 4, стр. 217), но это уже не въ періодъ древней Россіи, а скорѣе въ эпоху начала реформъ Русскаго быта, близкую къ Петровскому времени, когда уже Западъ вліялъ сильно на нашихъ передовыхъ дѣятелей (Нащ., Матв., Ник.). Самый расколъ, кромѣ религіозныхъ или правильнѣе обрядныхъ разновзглядовъ, не есть ли онъ частью послѣдствіе ненависти къ нововведеніямъ—паспортамъ, бритью бороды, и т. п. Расколъ крѣпко стоялъ за землю, за земское устройство, по старому обычаю. И чтобы не подвергаться чуждому новому устройству—печати антихриста, народъ бѣжалъ въ лѣса (Дневникъ Корба), въ пустыри, влекомый желаніемъ оставаться въ своемъ бытовомъ самоустройствѣ съ міромъ, согласіемъ и его сходками.

Что раскольники, бѣжавшіе отъ новыхъ порядковъ, не были людьми отсталыми, доказывается тѣмъ, что въ своихъ убѣжищахъ они завели типографіи и библіотеки. Сочиненія о раскольникахъ: Филиппова (Выг. Пуст.), Есипова (Раск. до 18 стол.), Щапова (Русск. Раск.).

[89]) Нѣтъ того дня, говоритъ лондонскій корреспондентъ Presse (4 окт. 1874 г.), когда не разбирались-бы у судей дѣла о побояхъ, объ истязаніяхъ женъ ихъ мужьями-рабочими. Мы говоримъ, продолжаетъ корреспондентъ, не о томъ, что было лѣтъ 200, или 100, или 50 тому назадъ. Нѣтъ, въ нынѣшнее благополучное царствованіе ея величества королевы Викторіи.... Въ Дудлеѣ рабочій продалъ свою жену за шесть пенсовъ; на одной желѣзной фабрикѣ рабочій продалъ свою жену за 2 фунта шиллинговъ деньгами и на 10 шиллинговъ пива.—Замѣчательно, что при продажѣ жены сдѣлка только въ томъ случаѣ считается правильною, если продавецъ, надѣвши веревку на шею несчастной женщины, передастъ конецъ этой веревки покупщику.

опеки малолѣтныхъ, торговли, правомъ голоса и отчужденія своего имущества [90]).—Стбитъ для этого только про-

[90]) По лѣтописямъ видимъ, что женщины владѣли недвижимыми имуществами полноправно: «Выше городъ бѣ городь Ольгинъ» (945). «Вдова Ярополка издасть по животѣ (завѣщанію) пять селъ Феодосіеву монастырю» (1158). «Изяславъ взя городь княгининъ на щитъ» (1159). Ростиславъ умеръ въ селѣ сестры своей Рогнѣды въ Зарубѣ (1168). Въ граммотѣ Ростиславовой говорится о данѣ любо князя, любо княгинина (1187). Рюрикъ далъ снохѣ своей г. Брагинъ (1189). Опека по Р. П. только назначается въ такомъ случаѣ, когда мать малолѣтныхъ дѣтей выходитъ вторично замужъ; ежели же она оставалась вдовою, то относительно дѣтей вполнѣ замѣняла мужа. Въ древнемъ законѣ прямо сказано: «А матери часть дѣтямъ не надо бѣ, но кому мати взхощеть, тому дасть». По Псковской граммотѣ, у смердовъ: наравнѣ съ боярами какъ сыновья, равно и дочери признавались полными его наслѣдниками. Въ Софійскомъ Временникѣ помѣщенъ рядомъ съ Р. П. *Законъ Судной людямъ* (Влад.); въ немъ сказано: чтобы отецъ дѣлилъ свое имущество поровну на всѣхъ. Въ случаѣ несоблюденія этого равенства, по смерти отца дѣти могли передѣлиться. Въ первыхъ двухъ статьяхъ говорится о различіи наслѣдства смердовъ и бояръ.—Смердъ, не имѣя сына, не можетъ оставить дочери свое поземельное имущество; бояринъ же, имѣя только дочь, оставляетъ его ей. Но тутъ и различіе имуществъ: Смердъ имѣетъ землю общинную—сыну онъ и оставляетъ ее, какъ члену—общины, тягло остается въ немъ; дочери же не можетъ быть передано тягловое значеніе. Бояринъ, имѣя собственную землю, не имѣя сына, можетъ ее оставить дочери. Имѣніе бояръ, какъ собственность, было только выморочнымъ тогда, когда не оставалось ни сына, ни дочери; доказательство, что законъ зналъ только семью, а никакого рода. По «Русской Правдѣ.» четвертая статья говоритъ: «Аще жена сядетъ по мужи, то дати ей часть, а у своихъ дѣтей взяти часть, а что на нее ню мужь возложилъ, тому-же есть госпожа». По смыслу этой статьи: по смерти мужа, жена имѣла право на такую же долю на-

смотрѣть всѣ законы, уставы, граммоты, начиная съ Олега и оканчивая новымъ законодательствомъ. — Мы видимъ, что женщины всегда пользовались большею свободой въ общественныхъ дѣлахъ, въ особенности вдовы (И. Р. П. Мих. стр. 100—2), которыя, послѣ смерти своихъ мужей. наслѣдовали ихъ права и завѣдывали ихъ дѣлами общественными, какъ показываетъ примѣръ сказачной Мамелфы Тимоѳеевой (Нар. Был. С. Рыб. ч. 2., б. 28), исторической Марѳы Борецкой. Вліяніе этой женщины на дѣла цѣлаго народа, конечно, не было сверхъ-естественнымъ явленіемъ въ Новгородѣ (Новг. Бѣл.), тѣмъ болѣе, что мы имѣемъ уже изъ договора Игорева и другихъ памятниковъ ясныя доказательства

слѣдства, какую получили и всѣ сыновья, ежели только при жизни своей не выдѣлилъ ей мужъ уже части своего имущества. По 5-й статьѣ: хотя дочери не наслѣдуютъ наравнѣ съ братьями, но «отдодятъ ю братіи замужь како си могутъ», то-есть обязаны дать ей приданое движимое, по полученному наслѣдству. Въ завѣщаніи Калиты: движимое имѣніе женѣ предоставлено подѣлиться поровну съ сыновьями и имѣть надъ дѣтьми право отцовской власти. Симеонъ оставляетъ женѣ нѣсколько городовъ и селъ и все движимое имущество. Въ завѣщаніи Дмитрія Донскаго: «Приказываю дѣти свои (53), своей княгиніи, а вы дѣти мои живите за одинъ, а матери свои слушайте во всѣмъ, а что княгине моей купля Лохно, то ее и есть, а на Коломнѣ мой примыслъ Самойлецевъ починокъ съ деревнями, Савельевскій починокъ, а то княгиньи моей» (О прав. наслѣд. Бѣляев. 54—55). Изъ извѣстій 1448 г. видно, что женщины являлись на вѣче: въ этотъ годъ женщина обвиняла боярина Божина.

При паденіи Новгорода, Иванъ Васильевичъ приказалъ приводить къ присягѣ и женщинъ (Кост. Сѣв. Руск. Народ. 2 т., стр. 159).

широкихъ правъ женщины (Акты юрид. быта из. Калач. II, стр. 16.—Догов. гр. 1199 Новг. съ Нѣмец. Ланге из. о угол. правѣ Р. Пр. Арх. Кол. 3 к., стр. 121—22.— Акты Зап. Рус. Иск. Суд. Гр. Соб. Гос. Гр. и Дог.). Въ договорѣ, а слѣдовательно и въ походахъ черезъ своихъ людей, какъ мы сказали выше, участвуютъ: Ольга княгиня, жена Игоря, Сфандра — жена Улеба, и даже одинаковыми правами съ варяжскими княжнами пользуется и чисто славянская женщина боярыня Передъяслава, какъ показываетъ ея имя. Больше этихъ правъ участія женщинъ въ войнахъ и договорахъ трудно придумать для той широкой свободы и для того высокаго уваженія, которымъ пользовалась женщина въ тогдашней Руси, какъ варяжская, такъ и славянская. Перечитайте всѣ памятники письменные тогдашней и даже послѣдующей Западной Европы, вы не найдете такого высокаго значенія женщины въ дѣлахъ государдственныхъ, народныхъ; даже рыцарское лирическое уваженіе женщины лирикой начиналось, тѣмъ же и кончалось, но ни какъ не дальше: князь, герцогъ, мужъ—были деспоты женщинъ, не давали имъ даже и тѣни власти на дѣла общественнныя. Надо думать, что этотъ нравственный обычай высокаго уваженія къ женщинѣ на Руси, какъ къ матери будущихъ гражданъ, развился не сразу съ такою силой и полнотой, а имѣлъ постепенный, прогрессивный ходъ.

Основываясь на мысли, что исторія не допускаетъ чудесъ и скачковъ въ подобныхъ явленіяхъ, мы смѣло мо-

жемъ предположить постепенность въ развитіи на Руси высокаго уваженія къ женщинѣ, какъ къ общественному дѣятелю, и искать начало того, что мы видимъ гораздо ранѣе, во времена князей-правителей, за столѣтіе до прихода Рюрика. Въ этомъ намъ помогутъ трудъ И. Д. Бѣляева «Рюрикъ и его братья» и скандинавскія саги.

Нельзя не согласиться съ тѣмъ, что Норманы могли занести на Русь свой коренной обычай высокаго уваженія и признанія свободныхъ общественныхъ правъ женщины. Сто́итъ только пробѣжать всѣ преданія, миѳы, дѣла семейныя, войны и походы по скандинавскимъ сагамъ, чтобы вполнѣ убѣдиться, какимъ нравственнымъ значеніемъ, какою свободой и уваженіемъ пользовалась женщина у этого народа. Норманъ былъ героемъ, потому что въ противномъ случаѣ женщина скажетъ ему «трусъ» и отъ этого слова онъ навсегда терялъ право и голосъ въ народныхъ совѣщаніяхъ. Женщина пользовалась въ Нормандіи одинаковыми правами съ мужчиной въ общественныхъ дѣлахъ и послѣ смерти мужа замѣняла его голосъ своимъ, съ такими же широкими правами. У меня теперь нѣтъ подъ рукою полнаго собранія скандинавскихъ сагъ, чтобъ я могъ выписать самыя мѣста изъ нихъ, для доказательства своего убѣжденія, но любопытствующаго прошу обратиться къ чтенію «Исторіи древностей Руси» за 1859 и 1860 годы,— «Нравы и обычаи древней Скандинавіи» Стрингольма,—оттуда онъ извлечетъ все, что нужно для повѣрки моихъ словъ.

Нормандскіе скальды [91]), ходившіе по всему западному міру съ своими пѣснями, въ которыхъ въ особенности воспѣвалась свобода и нравственное величіе нормандской женщины, какъ матери будущихъ свободныхъ гражданъ [92]), какъ любящей супруги до пожертвованія собственной жизнею (Бергторе—Nials Saga), какъ страшной мстительницы за оскорбленіе своихъ свободныхъ священныхъ правъ (Тарборгъ и Эндриде—Holmoerla Saga), они много способствовали высокому лирическому настроенію рыцарей Запада относительно женщинъ, но дѣло тѣмъ и ограничилось. Признаніе же широкихъ правъ женщины, ея вліянія на общественныя дѣла, не привилось къ бытовому складу За-

---

[91]) Скальды, странствуя изъ страны въ страну, были самые развитые люди своего времени; они всегда находились въ большомъ почетѣ при особахъ королей и сопутствовали имъ въ походахъ, для одушевленія воиновъ своими геройскими пѣснями. Многіе изъ королей сами были въ скальдахъ и сочиняли пѣсни. Быть воспѣтымъ скальдомъ за свое геройство считалось величайшею наградой у Норманновъ и вѣрнѣйшимъ успѣхомъ у норманскихъ красавицъ. Дошли до насъ имена скальдовъ: Торшодь, Браге, Рафнь-Аунундарсонъ, Гуннлаугъ, Галлѳредъ и другихъ; сохранилось нѣсколько пѣсней Гаральда, Гардраде (Гамманвизорь), въ которыхъ онъ воспѣваетъ свои подвиги и презрѣніе, оказанное ему русскою дѣвой; украшенной кольцами (дочь Ярослава).

(Barthalins Ant. Dan.—Hakan. Adals-Fos Sag.—Gun. Ormst Sag.—F. Muller's).

[92]) Авдура говоритъ своему сыну Ярлу Дигре: «Ежели бы я думала, что ты будешь такъ привязанъ къ жизни, я уморила бы тебя въ моихъ нѣдрахъ: «лучше умереть со славой, чѣмъ жить въ позорѣ» (Orknesynga saga).

пада, вслѣдствіе противоположныхъ Скандинавской землѣ историческихъ естественныхъ условій. Въ Скандинавіи бѣдная производительностію земля, всегдашняя нужда и постоянный голодъ побуждали населеніе искать счастія на морѣ, въ частыхъ стычкахъ и нападеніяхъ на самыя отдаленныя земли. Подобныя тяжелыя предпріятія требовали твердыхъ, возвышенныхъ, съ крѣпкою волею, личностей, непобѣдимыхъ ни враждебностію стихій, ни враждебностію народовъ. Воспитать же воина съ такими желѣзными качествами выпадало на долю матери-женщины: мать учила его несокрушимой твердости въ несчастіяхъ, презрѣнію голода, холода, морскихъ ургановъ, къ презрѣнію смерти, къ ненасытной жаждѣ мщенія и славѣ, которая облетѣла бы весь земной шаръ. И когда сынъ выходилъ такимъ идеаломъ героя, она могла считать его достойнымъ себя. Слава подвиговъ сына упрочивала и память о матери изъ рода въ родъ, и она уже съ радостію могла встрѣтить смерть, какъ счастливѣйшая изъ матерей. Мы думаемъ, что нѣтъ уже крайности говорить, что въ остальной Европѣ западной не было такихъ вліяющихъ обстоятельствъ на развитіе общественной свободы женщины, какія существовали въ Скандинавіи.

Укажемъ еще на одинъ особенно выдающійся фактъ, что тамъ, гдѣ народъ страдаетъ подъ чужимъ игомъ, которому только сила врага заставляетъ его подчиняться, женщина имѣетъ самое высокое общественнее положеніе, какъ мать

гражданина, воспитывающая и образующая умъ будущихъ борцовъ за свободу и счастіе родины (Черногорія, Сербія и Болгарія). Итакъ, иго врага народа и иго врага природы иногда могутъ быть одинаковы по своимъ послѣдствіямъ и могутъ дать одинъ и тотъ же результатъ нравственнаго высокаго положенія женщины. Собравши въ одно стройное цѣлое всѣ представленныя нами доказательства, мы съ полною достовѣрностью должны придти къ тому заключенію, что женщины въ до-Рюриковской Руси пользовались полною свободою, широкимъ признаніемъ ихъ правъ. Уже позднѣе мы видимъ въ лѣтописи: «кто оубиетъ женщину, то тѣмъ же судомъ судите якоже и мужа». Не есть ли это прямое слѣдствіе предъидущаго ея высокаго положенія и равноправности съ мужщиной?

Такая женщина, какъ Ольга, такъ вѣрно и мѣтко понимавшая потребности и нужды своего народа, съ такою славою и языческимъ мщеніемъ воевавшая съ Древлянами, такъ глубоко проникнувшая впослѣдствіи въ смыслъ и нравственное значеніе религіи христіанской,—такая женщина, повторяемъ, могла образоваться только при полномъ сознаніи свободы и правъ женщины наравнѣ съ мужскимъ поломъ. Ольга составляетъ эпоху въ прогрессивномъ движеніи русской жизни [93]): она взростила сѣмена для благой

[93]) 936 г. откуда возвратясь (съ Греціи), Ольга благополучно, за частымъ отсутствіемъ изъ государства и управленіемъ сына своего, наипаче въ военныхъ дѣлахъ и походахъ, паки гражданскими дѣлами мудро управляла (стр. 67 Зер. Ру. Го. Малгинъ).

житницы христіанства; она, конечно, имѣла вліяніе своими христіанскими совѣтами на развитіе мягкаго и кроткаго характера своего внука Владиміра; она умѣла возбудить въ народѣ симпатію и глубокую память по своей мудрой дѣятельности и къ кроткимъ христіанскимъ началамъ. «Если бы не хорошъ былъ греческій законъ», отвѣчали Владиміру совѣтники его, «то Ольга, бабка твоя, мудрѣйшая изъ всѣхъ человѣковъ, не приняла бы его». Слѣдовательно, Ольга, не менѣе Владиміра, была главною побудительною причиною къ принятію христіанства всею Русью. Такой высокій свободный умъ въ женщинѣ могъ только развиться въ обществѣ, признающемъ свободу и права женщины. Ольга, княгиня всей Руси, принявшая христіанство, не насиловала свободы языческой, не навязывала своей вѣры, кротко увѣщевала упорнаго своего сына креститься; Ольга могла по-немногу, косвенно, исподволь, стѣснять вѣру языческую; но мы не видимъ этого: религіозная совѣсть язычниковъ ни однимъ поступкомъ не была возмущена со стороны Ольги. И старшая дружина—совѣтники Владиміра такъ высоко цѣнила умъ, права и свободу женщины, что не устыдилась, въ ущербъ мужской гордости и самолюбія, признать Ольгу мудрѣйшею женщиной изъ всѣхъ человѣковъ, слѣдовательно и ихъ. Все это показываетъ, какъ высоко стояла въ древней Руси женщина въ пониманіи мужчины; какое сильное вліяніе она имѣла на дѣла общественныя. Кажется, достаточно будетъ

этихъ доводовъ въ пользу общественныхъ правъ женщины. Теперь обратимъ вниманіе на такъ называемое рабство, начавшееся на Руси въ слабыхъ размѣрахъ со времени первыхъ князей, въ наказаніе за извѣстныя преступленія свободныхъ людей, большею же частію образовавшееся изъ военноплѣнныхъ. Рабство, получившее особенное значеніе со времени Бориса Годунова, никогда не лишало раба на Руси его нравственнаго человѣческаго достоинства, какъ это было на Западѣ. Это была только государственная необходимость, административная мѣра. Крестьянинъ былъ прикрѣпленъ къ землѣ, но не къ господину владѣтелю земли. Такъ началось прикрѣпленіе со времени Бориса Годунова. Господинъ могъ только продать землю, а съ нею, конечно, переходилъ во власть другаго и крестьянинъ (продажа людей съ конца царствованія царя Алексѣя, какъ произволъ, какъ право съ Петра и дареніе ихъ приближеннымъ). Крестьянинъ нользовался всегда извѣстнымъ количествомъ земли, которую не могъ отнять у него и господинъ [91]). Это былъ только внѣшній административный

[91]) По Русской Правдѣ видимъ, что крестьяне имѣли всегда свое управленіе, своихъ старостъ, жили ли они на общинной, княжеской или частной землѣ (Кр. на Руси Бѣл. стр. 41.— Ру. Б. за 1859 г. ч. 1, стр. 41). Живя на чужой землѣ, крестьяне имѣли свою собственность, защищаемую закономъ (стр. 57), имѣли права судебнаго иска на владѣльцевъ земель (58). Крестьяне въ XV столѣтіи по закону были людьми свободными, жили-ли они на своей землѣ, или на общинной и частной; какъ свободный членъ русскаго общества, крестьянинъ имѣлъ права перехода съ одной земли

надзоръ господина надъ рабомъ, не касаясь внутренняго быта ихъ сходокъ, вѣчъ, общаго обсужденія, мимо воли господина, собственныхъ своихъ дѣлъ, раскладокъ повинностей и пр. Это собственно не было рабство, а прикрѣпленіе къ землѣ, для административнаго порядка, и подобный порядокъ вещей должно строго отличать отъ самаго рабства,—рабства, напримѣръ «Ярославовой Правды», которое у насъ было слишкомъ незначительно и состояло въ особенности изъ военноплѣнныхъ и развѣ самая малая часть изъ Славянъ, за женитьбу на рабынѣ, отдачу себя въ кабалу, за поступленіе къ господину на службу, въ должность тіуна или ключника, безъ договора и за долги. По Русской Правдѣ рабъ назывался не крестьяниномъ, а рабомъ-холопомъ и, какъ вещь, былъ въ полномъ распо-

---

на другую, изъ города въ село и обратно; могъ поступать по желанію и въ другія сословія (стр. 86). По Судебнику 1497—1550 г. (ч. 2, стр. 39—40) положеніе крестьянъ не измѣнилось: за крестьянами признаны права перехода въ Юрьевъ день,—Судебникъ утвердилъ закономъ утвержденное обычаемъ.

Вообще смерды назывались крестьяне (черный людъ, живущій на общинной землѣ или на частной); они были люди свободные, живущіе на общинной землѣ, были собственники своего надѣла, но безъ права отчужденія: владѣтелемъ общинною землею могъ быть только членъ общины; смерды, жившіе на частной собственности, жили на ней по условію съ владѣльцемъ (ролейные закупы), но никогда не теряли своихъ правъ свободныхъ людей. Наймитами назывались тѣ изъ ролейныхъ закуповъ, которые брали за свои труды съ владѣльцевъ земель деньги впередъ и заживали ихъ уже работой.

ряженіи своего господина; но уже въ XI вѣкѣ митрополитъ Кіевскій Іоаннъ убѣждаетъ купцовъ кіевскихъ, что не хорошо и грѣшно заниматься торгомъ рабовъ. Жизнь и смерть прикрѣпленнаго крестьянина была въ рукахъ только высшей власти; за обиду, за преступленіе надъ ними ихъ владѣльцевъ взыскивалось наравнѣ и съ такою же строгостію, какъ совершенное въ ущербъ свободнаго человѣка (Кр. на Руси И. Д. Бѣляева); тогда какъ на Западѣ, гдѣ низшее сословіе крестьянское образовалось изъ завоеванныхъ, оно носило имя рабовъ и въ своей смерти и жизни вполнѣ зависѣло, какъ вещь, отъ своихъ бароновъ и пр. То же самое было и въ Польшѣ, и въ Чехіи, и въ Галиціи, гдѣ западный іезуитскій деспотизмъ рѣзко отдѣлилъ шляхту отъ крестьянъ. Тамъ рабъ лишенъ былъ покровительства законовъ: да они для него и не писались,—они писались для правъ и привиллегій шляхты, для которой и существовало Польское королевство. Въ Польшѣ только были шляхта и рабы [95]). Сословіе крестьянъ, даже еще во

[95]) На сеймѣ 1733 года шляхта требовала права держать холоповъ на цѣпяхъ и закона, опредѣляющаго одежду не для дворянъ. для различія ихъ отъ шляхты. Въ эту эпоху въ Польшѣ еще могъ шляхтичъ слуга богатаго пана, убить холопа, безъ всякаго за то наказанія. У насъ на соборѣ 1642 года выборные говорили противъ царскихъ діяковъ и служивыхъ, объ взяткахъ ихъ и обогащеніи на счетъ земства, о безполезности казны: патріарховъ, архіереевъ и монастырей, о воровствѣ и своеволіи дворни; настаивали, чтобы всѣ, безъ привиллегій и чиновъ, платили государственные сборы наравнѣ съ тягловымъ земствомъ.

времена Екатерины II, вполнѣ зависѣло своимъ имуществомъ, жизнію и смертью отъ своихъ владыкъ-пановъ. И у насъ на Руси власть боярства превышала часто свои права въ отношеніи къ крестьянству: это былъ личный произволъ. Но злу этому не потворствовалъ законъ, когда успѣвалъ настигнуть его: онъ всѣхъ оберегалъ, обо всѣхъ заботился [96]). Права, оберегающія личность, существовали

---

[96]) До насъ не дошелъ указъ о прикрѣпленіи крестьянъ къ землѣ, а только въ указѣ 1597 года находятся намёки на оной. По указамъ же 1601—2 годовъ мы видимъ дозволеніе перехода опять отъ мелкихъ владѣльцевъ; можетъ быть не дошли до насъ указы о такомъ же дозволеніи перехода и отъ крупныхъ владѣльцевъ, но видно, что правительство желало обратиться къ старому порядку, но желало, чтобы этотъ прежній порядокъ былъ бы въ полномъ его распоряженіи, по своимъ финансовымъ разсчетамъ. Въ 1606 году это обратное движеніе по вопросу прикрѣпленія крестьянъ останавливается подъ вліяніемъ бояръ—владѣтелей земель, сблизившихся во время смутнаго времени съ польскими панами и поддавшимися выгоднымъ для нихъ взглядамъ и направленіямъ, ясновельможныхъ владѣтелей хлоповъ (быдла).

Но все-таки прикрѣпленіе къ землѣ не уничтожило гражданское личное право крестьянъ: они по-прежнему составляли общины, управлялись выборными и сохранили прежнія права иска и суда (Крест. на Руси Бѣл.)

Уложеніе Алексѣя Михайловича 1649 года хотя и уничтожило всѣ льготныя положенія о возвратѣ бѣглыхъ ихъ владѣтелямъ, но отнюдь не коснулось правъ крестьянъ, какъ государственнаго сословія: обязанныя работы крестьянъ на владѣльцевъ были строго опредѣлены, и онъ не имѣлъ права, и не могъ требовать большаго отъ опредѣленнаго труда;—помѣщикъ подвергался отвѣтственности за отягощеніе крестьянъ. По Уложенію, крестьяне не могли продаваться безъ земли наравнѣ съ холопами, и нѣтъ ни одного до-

въ законодательствѣ Руси какъ для правителей, такъ и для управляемымъ, какъ для бояръ, такъ и для крестьянъ.

Всякій результатъ есть явленіе извѣстной причины. Исторія настоящаго строго развивается изъ прошедшаго, и всякій крутой поворотъ, всякій неестественный разрывъ явленій съ ихъ основаніями,—не минуемо ведетъ къ погибели политическаго и нравственнаго существованія народа. Но Русь устояла, сдѣлалась упованіемъ, надеждою грядущаго воскресенія всѣхъ славянскихъ народовъ [97]) въ лицѣ ея

казательства, чтобы съ прикрѣпленіемъ къ землѣ крестьяне сдѣлались крѣпостными. Крестьяне могли вступать въ договоры съ казною мимо своихъ владѣльцевъ. Только въ послѣдніе годы слабаго царствованія Алексѣя, подъ напоромъ слугъ его, богатыхъ земледѣльцевъ, крестьяне начали продаваться, какъ холопы или негры, по-одиночкѣ и безъ земли. Въ XVIII столѣтіи они дарились тысячами фаворитамъ двора, проигрывались, мѣнялись на голубей и собакъ, сдѣлались вещею въ самодурныхъ рукахъ ихъ властелиновъ; только въ благодѣтельное царствованіе Александра II крестьяне получили всѣ свои первобытныя права, существовавшія съ почину Россіи.

[97]) Ю. Крижаничъ Хорватъ, каноникъ Загребской, получившій образованіе богословское и юридическое въ Болонѣ, прибылъ въ Россію въ половинѣ XVII столѣтія. Онъ былъ ярый ненавистникъ всего нѣмецкаго и первый мечталъ о славянскомъ соединеніи подъ покровомъ Россіи. Изъ сочиненій его замѣчательное (рукопись, изданная Безсоновымъ подъ названіемъ: «Русское государство въ въ половинѣ XVII вѣка)» «Владѣтелей Славянскаго рода нигдѣ больше нѣтъ, какъ здѣсь на Руси, поэтому не тебѣ одного, славный царь, смотрѣть весь народъ Славянской. Ты, какъ отецъ, изволь заботиться и стараться о своихъ разтерянныхъ дѣтяхъ, чтобы ихъ собрать. Ты единый царь, говоритъ Крижаничъ Алексѣю Ми-

бытоваго, внутренняго и внѣшняго могущества и силы, потому что Русь достигла могущества и устояла во всѣхъ трудностяхъ, что бытъ ея народа вѣренъ былъ своему коренному призванію, своему общинному земскому вѣчевому строю [98]). Если только захочетъ кто-нибудь заняться обзо-

хаиловичу,— намъ данъ отъ Бога, чтобы пособить и Задунайцамъ, и Ляхамъ и Чехамъ, дабы они познали свое угнетеніе и униженіе; помыслили о своемъ просвѣтленіи и сбросили съ шеи нѣмецкое ярмо».

«Только Россія, одна Россія можетъ быть центромъ славянской взаимности и орудіемъ самобытности и цѣлости всѣхъ Славянъ отъ иноплеменниковъ. Но Россія просвѣщенная, свободная отъ національныхъ предразсудковъ,—Россія, сознающая законность племеннаго разнообразія въ единствѣ, всегда увѣренная въ своемъ высокомъ призваніи и безъ опасенія, съ равной любовью предоставляющая право свободнаго развитія всѣмъ особенностямъ славянскаго міра» (Костомар.—Рус. Ист. и дѣят. Вып. 5, стр. 457).

[98]) Въ смутное время междуцарствія, города, области сносятся между собою; вездѣ земскія совѣщанія, вездѣ совѣты, сходки, вѣче; во всемъ выказывается крѣпкая основа русской общины; государство рушилось, открылось за нимъ могучее земское устройство, въ теченіе семи столѣтій сбереженное государствомъ, земля возстала, какъ одинъ человѣкъ, уничтожила врага и возстановила государство (Аксаков. соч). Междуцарствіе доказало крѣпость основы русской общины. Пожарскій писалъ Новгородскому митрополиту, предлагавшему въ цари Филиппа Шведскаго: что это учинить нельзя безъ уговора и совѣта со всѣми городами Россійскаго царства, со всѣми людьми, отъ мала до велика. Замѣчателенъ отвѣтъ князя Голицына, посланнаго къ Полякамъ, на требованіе ихъ, чтобы послы повиновались граммотамъ изъ Москвы, подписаннымъ боярами: «отпущали насъ къ вамъ, къ великимъ государямъ бити челомъ патріархъ и бояры и всѣ люди Московскаго государства, а не одни бояре,—отъ однихъ бояръ я князь Василій и не поѣхалъ» (Доп. къ дѣян. П. В. Т. II, стр. 164—65).

ромъ развитія русской государственной жизни до настоящихъ временъ, тому достаточно взять первую попавшуюся лѣтопись: въ ней найдетъ онъ полное оправданіе и развитіе земскаго строя Руси. Для того кто, пожелаетъ изслѣдовать это развитіе, не будутъ тогда сухи, блѣдны и безжизненны вѣчныя стычки, усобицы вѣчно дерущихся князей Рюриковичей; не будутъ казаться деспотами, извергами рода человѣческаго князья сѣверные—московскіе. Самъ Іоаннъ Грозный, распоряжавшійся ежедневными казнями, варваръ и тиранъ, въ глазахъ многихъ предстанетъ тогда совершенно въ другомъ видѣ, какъ отецъ народа и врагъ боярства, какъ царь всей Руси, всего земства, а не феодаловъ и вассаловъ. Можетъ-быть скажутъ: Иванъ IV слишкомъ далеко зашелъ. А кто же изъ властителей не зашелъ бы далеко, когда народъ, почуявши свою полную свободу, сознавши весь свой интересъ въ стремленіяхъ Іоанна, всей душею отдалъ всю свою власть въ его руки? Не лучше ли было бы, принимая въ соображеніе настоящее положеніе дѣлъ Польши и Чехіи, чтобы тамъ въ свое время, во время возможное къ поддержкѣ политическаго независимаго существованія этихъ государствъ, появлялось какъ можно болѣе правителей съ характеромъ Всеволода, Калиты, Симеона Гордаго, Василія Темнаго—этого слѣпца, столько разъ измѣнявшаго въ клятвѣ въ самый суевѣрный вѣкъ для блага государства [99])? Не способны были слабые короли Польши

[99]) Всѣ московскіе великіе князья, отъ Калиты до Грознаго, не

задавить своевольство панства, какъ твердые великіе характеромъ и сильные духомъ Иваны III и IV, не могли они исторгнуть изъ-подъ власти дикаго сумазброднаго изувѣрства бѣдный народъ, безвинно погибшій вмѣстѣ съ погибелью своихъ виновныхъ владыкъ. Къ чему существовали, напримѣръ, въ Польшѣ Ягейлы, Сигизмунды, всѣ безтолковые проводники узкаго іезуитизма? Не къ тому ли только ставила судьба ихъ въ Польшѣ, чтобы попрать безъ совѣсти, для поддержки привилегій шляхетства, общинный бытъ польскаго народа? Достаточно сказать о Польшѣ три слова, говоритъ Маколей: «кукольный король, буйствующій сенатъ и народъ, погруженный въ рабство». Панство Чехіи, своимъ безобразнымъ правленіемъ, отсутствіемъ пониманія общиннаго быта, движимое эгоизмомъ, само продало свой народъ Нѣмцамъ. Одинъ только и былъ въ Чехіи король, понимавшій истинно-земскіе интересы своего народа, это Юрій Подебрадъ [100]); но аристократія, зараженбыли прежніе дружинники-воины, а разсчетливые мудрые администраторы, собиратели земли Русской,—всѣ шли настойчиво, терпѣливо, не упуская ни малѣйшаго удобнаго случая къ предназначенной ими цѣли—уничтоженія пагубной раздѣльности удѣловъ и сплоченія Россіи во единое могучее государство. Это былъ рядъ замѣчательныхъ личностей, которымъ обязана Россія своимъ величіемъ.

[100]) Въ IX вѣкѣ Чехія и Моравія были подъ платой дани нѣмецкимъ императорамъ (120 быковъ и 500 марокъ), съ обязанностію вспомогательнаго отряда въ войнахъ (Козьма Chron. Bohem.). Паннонскихъ Славянъ отдавали монастырямъ, выражаясь въ ак-

ная западнымъ феодализмомъ, безправіемъ, съ безсовѣстнымъ, наглымъ презрѣніемъ къ жизни, потребностямъ и страданіямъ своего народа, отдала его тяжелому игу австрійскому, не поддержавши стремленій своего благороднаго короля.

Галиція, оторванная, во время страданій Руси подъ Монгольскимъ игомъ, первоначально Литвою, а потомъ, при соединеніи Литвы съ Польшею, подпавшая подъ власть послѣдней, погибла гибелью Польши подъ чуждымъ ярмомъ (Зубрицкій) [101]. Нельзя смотрѣть на исторію Руси отдѣль-

тахъ: «Жертвуется на вѣчное время земля, населенная рабами или Славянами» (Erben Regesta 745 и 751 г. № 2, 3, 22, 26). Въ царствованіе Альберта въ Чехіи и малолѣтство его сына Владислава, религіозные смуты не прекращались. Подебрадъ еще съ молодости принималъ въ нихъ дѣятельное участіе. По религіознымъ убѣжденіямъ, онъ былъ приверженецъ *чаши* и ревностный членъ партіи Птачка и по смерти его въ 1444 году сталъ во главѣ утраквистовъ. Противники причастія подъ двумя видами, имѣя во главѣ Ульриха, Розенберга и Менгарда изъ Градца, составили въ 1449 году въ Строконичахъ противъ утраквистовъ союзъ. Дѣло дошло до оружія. Для прекращенія кровопролитія (1452 г.) былъ собранъ сеймъ для соглашенія партій, на которомъ единогласно Подебрадъ былъ выбранъ правителемъ земскимъ, по смерти же Владислава въ 1458 году—королемъ Чехіи (Полоц. Ист. Чехіи Том. Dej. Krol. Cesk.).

[101]) Червонная Русь, еще будучи княжествомъ Галицкимъ, уже подвергалась смутамъ, проискамъ и интригамъ своего высшаго класса—бояръ. Сосѣдство и сношенія съ Польшей дали боярамъ Галича направленіе магнатовъ Польши, все для своей личности, своего самодурства, все, даже ущербъ отечества для собственнаго довольства и вліянія. Величайшій изъ князей галицкихъ Романъ

но отъ прочихъ славянскихъ народовъ: они другъ друга пополняютъ, другъ друга разъясняютъ.

Безъ сравненія исторій Россіи и Польши мы никогда не розъискали бы тѣхъ главныхъ причинъ, развитіе которыхъ одному государству послужило къ его славѣ и могуществу, другому къ печальному паденію, безъ надежды возстановленія въ будущемъ. Изъ этого сравненія намъ дѣлается понятнымъ сила общиннаво вѣчеваго быта, его способность къ широкой государственной жизни, и суровые характеры московскихъ князей теряютъ фальшивое видовое отличіе, навязанное имъ ошибками писателей. Только въ такомъ случаѣ они являются передъ нашими глазами отцами отечества, защитниками правъ народа, требующими отъ него самаго искренняго почтенія своей великой, высокой памяти. Мы не обращаемъ вниманія на многія иногда посредствующія обстоятельства, которыя, еслибы мы ихъ брали во вниманіе, навсегда оправдали и упрочили бы память извѣстнаго лица. Говоримъ только, что Василій Темный, напримѣръ, былъ клятвопреступникъ, Иванъ IV, убивая бояръ, ставилъ красные кресты подъ именами замученныхъ, чтобъ отправить ихъ для поминовенія вѣч-

справедливо говоритъ: «Не раздавивши пчелъ, меду не ѣсть» По смерти Романа, русскіе бояре Галича выбрали себѣ владѣтелемъ Коломана Венгерскаго. Присоединенный народъ Червонной Руси къ Польшѣ въ 1433 году вполнѣ исчезъ въ рукахъ аристократіи и католицизма. Только въ 1846 году онъ имѣлъ минутное, но грозное пробужденіе отъ своего летаргическаго сна.

наго въ любимый имъ Кирилловъ монастырь. Какая повидимому несообразность: вѣра въ теоріи съ крайнимъ безвѣріемъ въ дѣлахъ. Но если вникнемъ въ дѣло поглубже, то увидимъ, что они, при всѣхъ своихъ клятвопреступленіяхъ, при всѣхъ своихъ кровавыхъ дѣлахъ, вполнѣ были истинными людьми и христіанами, крѣпко держали правду и свое слово; они преступали клятву въ дѣлахъ политическихъ, въ дѣлахъ блага народа. Клятвы, кресты и всѣ религіозныя увѣренія въ то время давались извѣстнымъ княземъ только за себя, за свою личность, и Василій Темный лично никогда бы не отступилъ отъ нея, еслибы не было въ этомъ дѣлѣ участія всего народа. Народъ не клялся, не цѣловалъ крестъ нелюбимому Юрію; онъ употребилъ въ дѣло всѣ средства, зависящія отъ него, чтобы посадить Темнаго опять на велико-княжескій столъ [102]). Народъ не беретъ въ разсчетъ личныхъ клятвъ князя, и духовенство, не стѣсняясь, разрѣшило Василія отъ клятвы, слѣдуя настоятельнымъ требованіямъ народа. Договоры, клятвы исполняются только врагомъ, при невозможности

---

[102]) Народъ любилъ Темнаго и всегда сочувствовалъ его невзгодамъ отъ враговъ его—Юрія Дмитріевича и Шемяки; во время его удаленія въ Коломну и Вологду въ 1433 и 1446 гг., онъ бѣжалъ къ нему изъ Москвы и способствовалъ къ возвращенію его на великокняжество. Когда Василій получилъ въ удѣлъ Коломну, отовсюду начали стекаться къ нему купцы, бояре, воеводы, дворовые слуги, откладываясь отъ Юрія (Солов. стр. 440. Ист. отн. меж. кн. Рюрикова дома).

дальнѣйшей борьбы, послѣ обезсиленія воюющихъ державъ, когда нѣтъ возможности вести дѣло другимъ образомъ.

Выгоды одного политическаго тѣла разъединятся съ выгодами другого: договоръ сію же минуту теряетъ силу, прекращается между націями взаимная дружеская поддержка и при первомъ случаѣ, при первой возможности извлечь пользу изъ стѣсненныхъ обстоятельствъ другой націи, разобщенныя по обоюднымъ интересамъ бросаются другъ на друга съ ожесточеніемъ, превышающимъ самый ярый бой животныхъ. Установить же одинъ и тотъ же духъ въ народныхъ выгодахъ—дѣло рѣшительно невозможное, если взять въ разсчетъ то разнообразіе естественныхъ условій, которыя опредѣляютъ характеръ извѣстнаго народа и его стремленія къ тѣмъ или другимъ выгодамъ, сообразно съ извѣстнымъ географическимъ положеніемъ, котораго не имѣетъ сосѣдній народъ. Это противорѣчіе идетъ въ безконечность,—на ней основанъ прогрессъ и гармонія міроваго человѣческаго движенія. Однообразіе привело бы къ пустотѣ, застою и ничтожеству, еслибы всѣ націи подчинились одной цивилизующей силѣ. Мы видимъ изъ исторіи, какъ погибли безвозвратно для общечеловѣческаго движенія и сколько сдѣлали пробѣловъ въ исторіи развитія человѣческаго духа тѣ народы, которые, измѣнивъ кореннымъ основамъ своего быта, подпали подъ чужое вліяніе [103]). Въ подобныхъ случаяхъ, на всякую клятву, на

[103]) Чужой элементъ тогда можетъ войти въ составъ органиче-

всякій договоръ мы смотримъ не какъ на договоръ, пе какъ на клятву въ собственномъ ихъ значеніи, а какъ на выраженіе безсилія враждующихъ, но никакъ не больше. Личные интересы беднѣе и мельче интересовъ цѣлаго народа.

И мы думаемъ, что Василій Темный держалъ бы свою клятву, да и не было бы причины ей измѣнять, еслибъ обстоятельства, скопившіяся на политическомъ горизонтѣ тогдашней Россіи, не отдали въ руки Василія всѣ средства къ успѣшному развитію народной исторической задачи [104]), другими словами: если народъ, никогда не дававшій клятвы, невольно измѣнилъ клятвѣ, которую далъ Темный семейству Юрія [105]).

скихъ силъ народа, превратиться въ плоть и кровь народнаго организма, когда въ немъ окажутся родственныя народнымъ убѣжденіямъ и понятіямъ стихіи (Об. Из. Рус. Др. и Ист. Забѣл. ч. II, стр. 49).

[104]) Игуменъ Кириллова монастыря Трифонъ благословилъ Василія идти на Дмитрія Шемяку и взялъ грѣхъ его клятвы на себя. «Тотъ грѣхъ на мнѣ и на моей братіи головахъ, что еси цѣловалъ крестъ и крѣпость давалъ Димитрію, и поиди государь съ Богомъ и своею правдою на великокняженіе» (Соф. Врем. ч. 2., стр. 56).

Духовенство всегда было двигателемъ мыслей народа, — оно стояло за Василія противъ Юрія и его сыновей. Митрополитъ Іонъ написалъ нѣсколько посланій въ защиту правъ Василія, окружную граммоту къ Димитрію Шемякѣ, въ коей грозилъ ему неблагословеніемъ, и воззваніе ко всѣмъ князьямъ и ко всему народу русскому, въ которомъ убѣждалъ ихъ не приставать къ Шемякѣ, и возстановить Василія (Степ. Кн. ч. 2, стр. 17).

[105]) Стритеръ, ч. 3, стр. 247—8 Степен. книг, стр. 18.—Хр

Мы не имѣемъ повода думать, чтобъ это обошлось ему безъ тяжелой духовной борьбы, но твердость души Темнаго побѣдила суевѣріе своего вѣка, для достиженія его великой цѣли. Лично онъ раскаявался; самъ онъ говоритъ семейству Юрія, что онъ стòитъ казни за неисполненіе своихъ договоровъ съ двоюродными братьями. Это же личное раскаяніе уничтожалось, погибало въ сердцѣ Василія, лишь только оно сталкивалось съ интересами народа.

Съ такой же точки зрѣнія должно смотрѣть и на дѣла Ивана Грознаго, человѣка извѣстнаго въ нашей исторіи, оправдывающимъ свое прозвище, человѣка, ругавшагося надъ св. митрополитомъ Филиппомъ, задушившаго святителя, какъ гласитъ тогдашняя молва, человѣка, погубившаго цвѣтъ боярства, умертвившаго нѣсколько тысячъ въ Новгородѣ и при этомъ отсылавшаго подъ отмѣткòю красныхъ крестовъ имена замученныхъ въ Кирилловъ монастырь.

Іоаннъ началъ дѣло хорошо [106]). Онъ ясно понялъ об-

1 ру. редак. Воскр. лѣт. ч. 2, стр. 119.—«Укрѣпи Вел. кн. Василія Васильевича крестнымъ цѣлованіемъ и проклятою граммотою (Лѣт. Новг. стр. 504). А князь великій передъ нимъ смиряшася (Шемякой) и во всемъ вину самъ на се возлагая» (Царств. кн., стр. 287).

[106]) Люди Божіи, дарованные Богомъ! Умоляю васъ во имя вѣры вашей въ Бога, во имя любви вашей къ нàмъ. Теперь мнѣ нельзя вознаградить васъ за всѣ ваши обиды: раззореніе, налоги, претерпенные вами во время моей безпомощной молодости отъ бояръ моихъ; умоляю васъ, оставьте другъ другу прежнія вражды, забудьте прежнія оскорбленія, кромѣ развѣ такихъ, которыхъ снести не-

щинное земское вѣчевое коренное устройство народа; но по пылкой его натурѣ онъ иногда перешагивалъ за черту задачи [107]). Народъ, понявшій намѣреніе царя, клонившееся къ общей пользѣ, отдалъ въ его власть всѣ свои матеріальныя силы, равнодушно взирая на все, около него совершавшееся. Іоаннъ хотѣлъ всѣхъ уравнять въ правахъ передъ силою закона, желая службы одинаковой отъ всѣхъ сословій, безъ всякихъ родословныхъ привилегій, отдавая всю власть награды не породѣ и роду, а закону и государству. Онъ желалъ вести счеты съ цѣлымъ народомъ, а не передъ своеволіемъ одного только боярства, защищающаго, въ ущербъ верховной власти, только свои, а не пародные интересы [108]). И мощный геній Ивана былъ

возможно, а впередъ я вамъ самъ буду судія и оборона; буду раззорять неправды и возвращать похищенное (Солов. Ист. Рус. княз. Рюрик. дома, стр. 632.—Царст. книга). Слова, сказанныя народу съ Лобнаго мѣста Грознымъ въ 1549 году, высказывающія все вытерпленное имъ отъ боярства и высоту самого Іоанна. Самовластный властелинъ, говорящій такъ своему народу, не могъ не быть высоко выдающеюся личностію.

[107]) Древнее русское общинное устройство не уничтожилось съ царемъ всей Руси. Граматы говорятъ намъ объ этомъ укладѣ: волости, слободы управляются своими выборными; губные старосты присутствуютъ на судахъ. Судебникъ Грознаго царя говоритъ: «А безъ старостъ и безъ цѣловальниковъ суда не судить».

[108]) Изъ Александровской слободы Грозный прислалъ двѣ граматы: одну—къ митрополиту, въ которой объявлялъ, что онъ положилъ свою немилость на все духовенство, бояръ, дѣтей боярскихъ и приказныхъ. за притѣсненія христіанъ и разграбле-

непонятенъ. Несмотря на учрежденіе земскаго собора [109]), на его выборное устройство, бояре сильно противодѣйствовали ему, что доказывается заговоромъ боярскимъ во время его болѣзни [110]). Пылкая, не привыкшая къ выдержкѣ,

ніе; другую—гостямъ, купцамъ и всему люду московскому, гдѣ онъ говорилъ, что на нихъ нѣтъ отъ царя ни гнѣва, ни опалы (Мих. Оч. Народ. Обр. въ Рос.). Царь становился на сторонѣ народа противъ служивыхъ людей. Народъ началъ толковать, что стóитъ царю указать измѣнниковъ и лиходѣевъ,—и народъ самъ истребитъ ихъ. Депутація, прибывшей къ Іоанну съ просьбою—принять снова правленіе, онъ перечислялъ всѣ вины высшаго сословія и согласился взять свое государство, но съ условіемъ—невозбранно казнить измѣнниковъ: опалою, смертію, лишеніемъ достоянія, безъ всякихъ стуженій и докукъ со стороны духовенства, и предложилъ уставъ опричины (Михайлова Оч. Нар. обр. Рос.).

[109]) Первый царь созываетъ первый земскій соборъ (соединенныя вѣчи) и зоветъ всю землю Русскую на совѣтъ. На этомъ соборѣ встрѣчается земля и государство, и между ними утверждается свободный союзъ. Отношенія царя и народа опредѣляются. Правительство—сила, власть—земля, сила мнѣнія—сила къ которой обращается правительство, какъ къ самой надежной и вѣрной подпорѣ (К. Аксак. полное соч. стр. 130). Земскіе соборы созывались отъ всей Руси, представляли голосъ и совѣтъ всей Русской земли. При Грозномъ было два собора: первый на Красной площади, гдѣ Іоаннъ каялся передъ народомъ въ своемъ прошедшемъ; второй въ 1566 году, гдѣ спрашивалъ мнѣніе народное о примиреніи съ Польшей.

[110]) Бояре въ правленіе свое 14 лѣтъ не давали ни малѣйшей свободы Іоанну: стѣсняли его во всемъ, даже въ пищѣ и одеждѣ; держали его какъ младенца въ 22 года; какъ на подчиненнаго имъ, назначали надъ нимъ слѣдствіе по частному его дѣлу съ Курлятовымъ и Прожоровскимъ; клали на него свои ноги, разговаривая съ нимъ (Письмо Іоанна Курбскаго). Іоаннъ все терпѣлъ,

натура Ивана не вынесла этой пытки, какъ и всѣ люди съ подобнымъ характеровъ. Иванъ разразился казнями. На-

---

все сносилъ, но замыселъ—лишить его дѣтей ихъ правъ, высказанный во время его болѣзни, вывелъ его изъ себя; по выздоровленіи, онъ смотрѣлъ на бояръ уже какъ на личныхъ враговъ своего семейства,—и борьба началась. Іоаннъ слишкомъ долго терпѣлъ всѣ неистовства бояръ; какъ человѣкъ и правитель, какъ отецъ и царь, онъ не могъ и не долженъ былъ допустить до погибели своихъ дѣтей и ввѣренный ему народъ. «Всю власть съ меня сняли и сами государились: я былъ государь именемъ. а на дѣлѣ ничѣмъ не владѣлъ» (Изъ письма Грознаго къ Курбскому). Партіи боярскія (Удѣльная и Литовская) потомковъ удѣльныхъ князей и выходцевъ изъ Литвы, въ молодости Іоанна, въ правленіе: Елены, Бѣльскаго, Глинскаго и Шуйскаго, своимъ своеволіемъ, грабежомъ, водимыя собственно корыстію въ ущербъ общій,—приводили Россію къ явному ущербу (Царст. лѣтоп. стр. 75—100—142); они думали достичь своего прежняго значенія, но достигли только недовѣрія въ народѣ. Въ это время въ народѣ въ особенности усилилась ненависть къ боярству (Степ. кн. 2 ч., стр. 243—240.—Солов. От. Ру. Кн. Рюр. дом. стр. 612.—Rerum. Moscos Com. 26). Іоанна оскорбляли вдвойнѣ: оскорбляли какъ государя, потому что не слушали его приказаній; оскорбляли какъ человѣка, потому что не слушали его просьбъ, не обращали вниманія на его слезы; отъ этого сочетанія потворствъ, ласкательствъ и оскорбленій, которымъ безпрерывно подвергался Иванъ,—въ немъ развились два чувства: презрѣніе къ рабамъ-ласкателямъ, ненависть царя къ строптивымъ вельможамъ, безнаказанно похитившимъ его права, и ненависть личная—за личныя оскорбленія.—(621 Солов. От. Ру. Кн. Рюр. дом.). Во время этой болѣзни бояры торговались при немъ о власти и вліяніи съ претендентомъ Андреемъ Старицкимъ и отказывали просимой имъ присягѣ сыну. Облагодѣтельствовонный Іоанномъ священникъ Сильвестръ былъ предводителемъ этихъ боярскихъ крамолъ (Солов. От. Кн. Рюр. дома 642—5.—Кар. 8 ч.

родъ понялъ причины и цѣль его гнѣва и смотрѣлъ равнодушно и безропотно, даже тогда, когда она превышала мѣру, потрясала его религіозныя чувства или разражалась надъ его любимцами. Какъ пастырь, заботящійся съ истиннымъ христіанскимъ смиреніемъ, св. Филиппъ ужаснулся при видѣ кровавыхъ зрѣлищъ. Онъ смотрѣлъ на дѣло съ христіанской точки смиренія, милосердія, кротости и пощады даже къ виновнымъ, тѣмъ болѣе невиннымъ. Онъ не вникъ, да и не желалъ вникать въ политическія цѣли міра сего; религіозное сердце святаго говорило только о милосердіи, и онъ грозно встрѣтилъ царя въ церкви, который зашелъ туда въ порывѣ постоянныхъ видѣній измѣны. Филиппъ заплатилъ жизнію за свое презрѣніе къ замысламъ государства [111]).

Что же касается до причинъ истребленія русскаго боярства, то мы объ этомъ довольно уже говорили выше.

Иванъ оплакивалъ несчастную кончину погибшихъ. Это не было лицемѣріе тирана, потерявшаго вѣру въ религію; это была борьба двухъ началъ: религіознаго и необходи-

---

Царт. кн. 336—46 Tb. Mosk. Disc.) «Се убо намъ живымъ сущимъ, таково отъ своихъ подвластныхъ доброходства насладихомся: что-же убо по насъ будетъ»... писалъ Іоаннъ Курбскому (Ск. Курб. стр. 168).

[111]) «И овши глаголютъ его въ томъ монастырѣ удавленно быти (Отрочь въ Тверской землѣ) за повелѣніемъ его, отъ единаго прелютаго и безчеловѣчнаго кромѣшника (Малюта Скуратовъ) смерти Филиппа» (Сказ. Курб. ч 1, стр. 159.—Жит. Филиппа Сов. рук.).

мости государственной. Какъ христіанинъ, Иванъ плакалъ и страдалъ всѣми силами своей души объ усопшихъ, отдавая имена ихъ на вѣчное поминовеніе въ церкви. Какъ верховный правитель, какъ пастырь, предпазначенный судьбою отдать отчетъ предъ Богомъ о счастіи и благѣ своего народа, онъ шелъ твердо къ своему предназначенію—создать могучее Русское государство (см. переписку Іоанна съ Курбскимъ).

Въ Іоаннѣ были двѣ личности: правителя и христіанина тогдашняго вѣка; эти двѣ противоположности увеличивались, расширялись и достигали чудовищныхъ размѣровъ [112]) подъ вліяніемъ пылкой его фантазіи. Онъ думалъ

[112]) У Іоанна была художественная натура, но не основанная на нравственномъ чувствѣ; она влекла его отъ образца къ образцу, отъ картины къ картинѣ, и эти картины онъ осуществовывалъ въ жизни. Для такого государя, какъ Иванъ IV, съ природою въ высшей степени воспріимчивою и страстною, нужно было самое осторожное, глубоко-обдуманное воспитаніе; надобно было допускать до него только одни благіе впечатлѣнія, а вмѣсто того, отъ ранняго дѣтства, его окружали только самыми недостойными сценами и какъ бы нарочно раздражали самымъ безумнымъ образомъ (Солов. От. Ру. кн. Рюр. дома, стр. 600). Іоаннъ IV былъ глубоко оскорбленъ лично, какъ человѣкъ, недостойными поступками окружавшихъ его во время дѣтства, и потомъ оскорбленъ въ своей довѣренности, въ своихъ чувствахъ. какъ отецъ и какъ мужъ. Вотъ почему въ борьбѣ своей со старыми притязаніями Іоаннъ IV не только преслѣдуетъ противогосударственныя стремленія какъ государь, но вмѣстѣ преслѣдуетъ враговъ своихъ какъ человѣкъ, лично оскорбленный (Солов. От. Ру. кн. Рюр. дома, стр. 599).

разить бояръ и разилъ, поражая неусыпно, чтобы вырвать до корня преграды между царемъ и народомъ.

Какъ правителя, онъ оправдывалъ себя обязанностію охранять ввѣренный его надзору народъ; какъ частное лице, исповѣдующее христіанскую вѣру, проповѣдующую кротость, прощеніе и смиреніе, онъ отмаливалъ кровь убитыхъ по монастырямъ и церквамъ. Народъ, вѣрный своему общинному земскому строю [113]), хорошо понималъ и раздѣлялъ убѣжденія своего царя,—онъ шелъ молиться и плакать съ царемъ за убитыхъ и на кровавое позорище жертвъ его казни.

Этотъ характеръ тогдашней жизни, какъ нельзя болѣе, выразился и во всѣхъ народныхъ пѣсняхъ, сохранившихся и съ любовію поддерживаемыхъ народомъ до сихъ поръ. Сколько пѣсней про царя Грознаго (Собр. Рыбн., Кир. и Безсон.), и всѣ онѣ разсказываютъ страшныя дѣла Ивана; но ни въ одной пѣснѣ нѣтъ проклятія народнаго Ивану: народъ умнымъ чувствомъ своимъ понималъ геніальный политическій смыслъ Ивана. Это самая блестящая, побѣдоносная эпоха народной жизни; въ ней широко раскинулся общинный земскій бытъ народа, уничтожившій, во имя своего вѣчеваго равноправнаго уклада, всѣ западныя тен-

[113]) Община не исчезла въ государствѣ,—она приняла широкій размѣръ: съ отдѣльныхъ общинъ до общины всей земли. Этотъ общинный элементъ спасъ Россію въ 1612 году. Пожарскій выбирается народнымъ совѣтомъ, Мининъ называется выборнымъ всей земли Русской (Аксак. соч.).

денціи бояръ, съ феодальнымъ исключительнымъ развитіемъ. И послѣ этого жестокаго боя уже никогда не подымало боярство Руси своей феодальной головы: мечъ Ивана IV съ корнемъ вырвалъ на Руси эти колючіе кустарники, насаженные у насъ благодѣтельною рукою Запада [114]). Об-

[114]) Могучія натуры, какъ Іоаннъ III и Грозный, шедшіе непоколебимымъ шагомъ къ великой ихъ идеѣ — создать великое государство съ царемъ и земствомъ, безъ ложныхъ преградъ между ними, безъ перегородокъ средневѣковаго Запада, дали Россіи тотъ фундаментъ силы и твердыни, которымъ теперь она обладаетъ и не имѣвъ котораго, всѣ остальные славянскіе народы дошли до своего уничтоженія. Реформы нынѣшняго царствованія, изгладивъ ошибки XVIII столѣтія, дали ей первобытный ея укладъ, усовершенствуемый современностію. Недовольные *Омердовичи* и сѣверскіе князья, долго бывшіе подъ польскимъ воззрѣніемъ, выходцы, какъ: Бѣльскій, Глинскій и другіе—много вліяли на попытки бояръ, на власть, вліяніе и совѣтъ. Въ молодость Грознаго ихъ поступки рѣзко отзывались сочувствіемъ польско-литовскаго панства. При Василіѣ Ивановичѣ они уже негодуютъ, что князь не требуетъ ихъ совѣтовъ, а запершись, самъ все рѣшаетъ. Въ смутное время бояре примыкаютъ къ лже-Дмитріямъ не по убѣжденію въ его правѣ, а единственно по желанію власти и значенія. Курбскій, передовой человѣкъ своего времени, бѣжитъ изъ Россіи и идетъ на нее съ Литвою по чувству потомка Θедора Ростиславича Ярославскаго. Но у насъ были сильные закаленные борцы за единеніе всей земли, былъ народъ, живо помнившій свой вѣчевой общинный укладъ, не бывшій подъ произволомъ личностей, и попытка на артистократизмъ Запада не затормозила до-Петровскую Русь. Съ большей осѣдлостью князей, бояре, не вынуждаемые къ частому перемѣщенію съ князьями, пріобрѣтаютъ болѣе силы и значенія въ княжествахъ, уже со временъ сыновей Невскаго: Андрей имѣлъ споспѣшника себѣ и помощника Симеона Тониліевича и иныхъ многихъ. (Ник лѣт. Солов., стр. 275, От. Рус.

щинный бытъ Руси видѣнъ во всемъ: въ горѣ и радостяхъ, бѣдствіяхъ и счастіи русскаго народа, въ его послѣдую-

---

княз. Рюр.). Тысяцкій Алексѣй Петровичъ враждуетъ съ великимъ княземъ Симеономъ и Іоанномъ и тайно убитъ завистниками его силы боярами въ 1357 году (Солов., стр. 362); въ 1378 году Вельяминовъ ведетъ крамолы на Донскаго въ Твери и въ Ордѣ и, схваченный приверженцами Дмитрія, казненъ въ Москвѣ

Вотъ что говоритъ С. М. Соловьевъ (въ Ист. От. Р. К. Рюр. дома, стр. 531) объ Іоаннѣ III и отношеніяхъ его къ боярамъ: «Такая перемѣна въ характерѣ великаго князя не могла не возбудить сильнаго негодованія въ толпѣ князей и бояръ! Иванъ посягнулъ на важнѣйшія ихъ права, права отъѣзда, и по первому мановенію Грознаго самодержца головы крамольныхъ князей и бояръ лежали на плахѣ; отсюда—та страшная ненависть князей и бояръ къ новому порядку вещей, начинавшихся съ Ивана III; отсюда—та страшная ненависть ихъ къ виновницѣ этой новизны В. К. Софіи.

«Въ предобрый русскихъ князей родъ всѣялъ діаволъ злые нравы, наипаче же женами и ихъ злыми и чародѣйцами, яко и во Израильтескихъ царѣхъ, паче же которыхъ поимовали отъ иноплеменниковъ», говоритъ Курбскій (Сказ. Курб., ч. 2, стр. 4). Съ этого времени начинается борьба стараго, погибающаго подъ вліяніемъ времени, совѣта дружиннаго боярскаго съ новымъ укладомъ государственнымъ, правителей всей земли Русской.

Іоаннъ III, уничтожая все раздѣленіе Россіи, сохранилъ отчасти боярскія привиллегіи совѣта. Берсень Беклемишевъ говоритъ, что онъ «противъ себя встрѣчу любилъ и жаловалъ тѣхъ, которые противъ него говорили». Курбскій въ своихъ запискахъ упоминаетъ, что Іоаннъ «ничтоже начинаша безъ глубочайшаго совѣта».

Василій Ивановичъ, присоединивъ уже всю Россію подъ свою власть, въ особенности послѣ взятія Смоленска, совершенно перемѣнилъ свои отношенія къ боярамъ: вліяніе ихъ на дѣла и совѣтъ пришли въ полное ничтожество. Тотъ же Берсень, приписывая это вліянію матери его Софіи, жалуется, что бояре уда-

